

Татьяна Дудина

МЯСНИЦКАЯ, 44

20 НОВЕЛЛ ИЗ ИСТОРИИ ДОМА

ФБК

■ АУДИТ ■ КОНСАЛТИНГ ■ ПРАВО ■

| СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	7
МЯСНИЦКАЯ УЛИЦА И ЕЕ ОКРЕСТНОСТИ	10
ДЛИННАЯ ГЛАВА О НАРЫШКИНЫХ	15
БОЯРСКИЕ ХОРОМЫ	28
ЗНАТОК ВЕНГЕРСКОГО	34
БАРОККО I	38
ДРУГ «КУРЛЯНДСКОГО КАНАЛЬИ»	44
НАУЧНЫЕ И НЕНАУЧНЫЕ УВЛЕЧЕНИЯ КНЯЗЯ УРУСОВА	48
«ВЕЛИКАЯ НЕПОСЕДКА» БАРТЕНЕВА И ЕЕ БОЛЬШОЕ СЕМЕЙСТВО	56
OTIUM CUM DIGNITATE	62
ПЛЕЯДА ДРУЗЕЙ, ПРИЯТЕЛЕЙ И ЗНАКОМЫХ	71
«ЛИСТ, КОТОРЫЙ МОСКВУ СВЕЛ С УМА!»	81
«ПАЛАТЫ, ПОКИДАЕМЫЕ ДВОРЯНСТВОМ»	86
БАРОККО II	91
ДИНАСТИЯ ФОН МЕКК	102
ФОН МЕКК И ЧАЙКОВСКИЙ: «Я ГОТОВА ДУШУ ОТДАТЬ ВАМ...»	114
ФОН МЕКК И ДЕБЮССИ: «ЕМУ ПРЕДСТОИТ ХОРОШАЯ БУДУЩНОСТЬ...»	130
БАРОККО III	138
«П.П.Г.» СТАХЕЕВЫ	146
«...ЧЕРЕЗ ВСЕЛЕННУЮ ЛЕГЛА МЯСНИЦКАЯ...»	156
НОВАЯ ГЛАВА	160

На Мясницкой улице есть немало интересных домов, но это вросшее в землю здание с необыкновенными наличниками выделяется среди них своей древностью. Оно было построено в первой половине XVIII века, когда огромный участок по улице, занимавший целый квартал, принадлежал сначала дяде Петра I Льву Кирилловичу Нарышкину, а позже его сыну Александру. Свой привлекательный облик, возрожденный совсем недавно, оно получило уже в середине XVIII столетия.

Этот дом был главным сооружением целой городской усадьбы. Когда-то за ним в строгом порядке были расставлены по местам флигеля, образующие парадный двор, именуемый на французский манер курдонером, а позади служебных построек лежал огромный сад. И в нем, наверняка, были стриженные боскеты, аллеи, укромные уголки с беседками и скамейками. Это был целый мир, живописный и уютный.

«Москва не есть обыкновенный большой город, каких тысячи, — писал М.Ю. Лермонтов, — Москва не безмолвная громада камней холодных, составленных в симметричном порядке — нет! У нее есть своя душа, своя жизнь»¹. Именно в жилых домах ярче всего раскрываются черты этой жизни и свойства ее души². Вот и этот дом помнит характеры, привычки, вкусы и пристрастия многих поколений москвичей. В наше время, когда особенно важным становится не государственное, а человеческое измерение жизни, «воспоминанья дней минувших» становятся все более дорогими и животворными. Сколько интересного

¹ Лермонтов М.Ю. *Панорама Москвы // Собрание сочинений в 4-х томах. М., 1965. Т. 4. С. 241*

² Швидковский Д.О., Шорбан Е.А. *Москов-*

и милого можно рассказать о владельцах дома! Среди них были и дворяне — Голицыны, Новосильцевы, Урусовы, Арсеньевы et cetera, и купцы — Белоусовы и Харитовы, и крупные предприниматели — фон Мекки и Стахеевы. Этот старинный дом помнит Пушкина, Лермонтова, Чаадаева, Соболевского, Надеждина, Рубинштейна, Шишкина...

Но в истории Москвы он известен, в первую очередь, как «дом трех композиторов» — Чайковского, Листа и Дебюсси. Часто бывал здесь и Глинка.

А вот о замечательных интерьерах особняка мало кто из москвичей знает. Его роскошное убранство в духе необарокко с фантазией и вкусом выполнил архитектор М.Ф. Бугровский.

Так вошел этот дом в современное культурное пространство Москвы, стал частью нашего духовного быта. Как будто о нем говорил сто лет назад Сергей Соловьев:

Но дальше в путь. Как душно и тепло!
Вот и Мясницкая. Здесь каждый дом — поэма,
Здесь все мне дорого: и эта надпись Пло,
И царственный почтамт, и угол у Эйнема³.

Ведь в ту пору (как и сейчас) Мясницкая была улицей магазинов, банков, фирм. Эти надписи на Мясницкой начала XX века — реклама технической конторы Л.Ф. Пло и магазинов кондитерской фирмы «Эйнем» (ныне — «Красный Октябрь»). Жилые дома на ней были тогда (как и сейчас) редкостью. И каждый из них, действительно, — поэма!

ские особняки. М., 1987.

³ Цит по.: Мешков В.М. Москва вековая.
Библиографическая энциклопедия. М.,

МЯСНИЦКАЯ УЛИЦА И ЕЕ ОКРЕСТНОСТИ

Мясницкая — одна из старейших московских улиц. Ее история известна с 1482 года, когда здесь, в ее начале, Иван III поселил семьи новгородских бояр и купцов, выведенные им из Новгорода после присоединения его к Московскому княжеству. Начинаясь от Никольских ворот Кремля, в XVI веке она уже доходила до стен Белого города, который пролегал по границе современного Бульварного кольца.

Но свое название она получила позже. Сперва начальная часть улицы называлась Евпловкой, по церкви Архидиакона Евпла, стоявшей до 1926 года на углу Милютинского переулка. Часть улицы у нынешнего почтамта носила название Фроловки, по церкви святых Флора и Лавра (считавшихся покровителями лошадей), которая стояла как раз напротив здания почтамта и была снесена в 1934 году.

К концу XVI века улица уже выходила за стены Белого города, пролегла через Огородную слободу и дворцовые огороды в Земляном городе (то есть в пределах Садового кольца) и тянулась дальше на восток, в подмосковные села — Красное и Стромынь. Тогда в ее дальней части образовалась слобода мясников. Тут находились не только их дома, но и «пригонный скотинный двор», бойни и мясные лавки. От этой слободы и образовались все местные топонимы — и Мясницкая улица, и Мясницкие ворота, и церковь Николая Чудотворца в Мясниках¹.

Жизнь в Мясницкой слободе и окрест нее была, по-видимому, малопривлекательной. Во-первых, здесь находился «животинный двор» — рынок, на который пригоняли для продажи коров, овец и свиней. Во-вторых, возле этого рынка стоял «государев боевой двор», где били скот на мясо. И наконец, мясники, торговавшие в лавках у Мясницких ворот, не желая платить за убой на государственном дворе, сами убивали скот у своих лавок и разделывали туши на мясо. Кости животных они выбрасывали на близлежащий пустырь (ныне здесь Костянский переулок), а отбросы убоя — в соседние пруды. Они в то время не без основания назывались Погаными: смрад и вонь от них, особенно летом, заражали всю окрестность.

1997. С. 98.

¹ Сытин П.В. Из истории московских улиц.

Позже, в 1699 году, царский любимец Александр Данилович Меншиков приобрел у Мясницких ворот большое владение, занимаемое ныне почтамтом, и построил в нем каменные палаты, великолепную церковь Архангела Гавриила, известную под именем Меншиковой башни, развел сады с оранжереями и приказал вычистить вонючие пруды. С тех пор они и стали называться Чистыми прудами. В 1710 году мясные лавки удалили от Мясницких ворот за Земляной город, на территорию нынешнего Лермонтовского сквера. На их месте появились фартина (кабак), харчевни, лавки и дворы торговых людей. Так был уничтожен старый городской торг, но название Мясницкая за улицей осталось.

Слобода мясников обрела свой каменный храм еще в середине XVI века. Это было необычное для Москвы сооружение, построенное в стиле псковско-новгородской архитектуры. Высокое восьмискатное завершение и крупная световая глава делали его силуэт чрезвычайно динамичным и выразительным. Со временем маленький Никольский храм стал почти незаметен и начал восприниматься как придел новой обширной церкви, сооруженной в 1784 году и в дальнейшем значительно переделанной. Грандиозная колокольня первой трети XVIII века в традициях «московского барокко» стала важной градостроительной вехой для окружающего района. Приходская церковь Николая Чудотворца, одна из старейших в Москве, конечно, тоже получила «цеховое» добавление «в Мясниках».

Вдоль Мясницкой улицы в XVII веке располагались земли еще и Стрелецкой слободы, и Огородной. Последняя была особенно обширной

Церковь Николая Чудотворца в Мясниках. Фотография. Около 1880 г.

В 1928 г. церковь и близлежащие дома снесли и на их месте в 1929–1936 гг. возвели здание ЦСХ. На фотографии справа в резком ракурсе — дом 40 по Мясницкой улице, выстроенный Демидовыми до 1802 г., в 1827 г. купленный почтамтом и затем переделанный.

и простиралась от Мясницкой до Покровки и от стены Белого города до Земляного вала. Дворцовая Огородная слобода, раскинувшаяся по берегам притоков Яузы — Рачки и Черногрязки, — должна была по-прежнему стоять ко двору «всякий огородный овощ». Еще тут было несколько дворянских владений, небольшая немецкая слободка с «немецким попом» и три-четыре загородных боярских двора с каменными палатами.

*Церковь Харитония в Огородниках.
Фотография. Около 1880 г.
Церковь сломали в 1930-х гг.
Сейчас на ее месте — здание школы.*

Вся эта местность в живой московской речи называлась Огородниками. Потому и приходская церковь Владимирской Божией Матери, выстроенная «мирской казной» в начале XVII века, в отличие от других церквей того же посвящения к своему названию имела поясняющее прибавление: «что в Огородной слободе» или «в Огородниках»².

В 1652—1662 годах церковь заменили каменной и пристроили к ней придел во имя Харитония Исповедника, хотя тот и не был покровителем огородников. Придел появился по распоряжению царя: Алексей Михайлович венчался на царство 28 сентября 1645 года в день памяти святого Харитония, и приделом в его имя он отметил это событие. За новым храмом сразу же утвердилось новое название — Харитония в Огородниках.

Эта церковь — единственная с таким посвящением среди московских «сорока сороков».

Церковь дала название и двум ближайшим переулкам — Большому и Малому Харитоньевским. Она и стояла на их пересечении (на ее месте сейчас — здание школы, дом № 11). А маленький деревянный особнячок напротив московская молва с любовью именovala «домом Татьяны Лариной». Сюда А.С. Пушкин привел свою героиню после долгого пути:

Очерки. М., 1948. С. 100–103, 139.

² Муравьев В.Б. Улочки-шкатулочки, московские двory. Возвращенные назва-

В сей утомительной прогулке
 Проходит час-другой, и вот
 У Харитонья в переулке
 Возок пред домом у ворот
 Остановился...³

Нет больше церкви. Ее снесли в 1930-х годах. Нет больше и этого милого дома.

А сам Пушкин провел свои детские годы в старинных барских хоромах Н.Б. Юсупова в Большом Харитоньевском переулке (ныне дом № 21, занимаемый Президиумом Сельскохозяйственной академии). Его семья снимала здесь квартиру в 1801–1803 годах.

Поблизости находилась и еще одна церковь — Трех Святителей у Красных ворот, возведенная в 1699 году в стиле «московского», или «нарышкинского» барокко. Ее разрушили в 1928 году, а великолепный барочный иконостас перенесли в церковь Ивана Воина на Якиманке.

В XVI–XVII веках застройка Мясницкой улицы и ее ближайших слобод, впрочем, как и всех тогдашних московских улиц, была в основном деревянной. Дома во дворах рядовых слободжан — сосновые или еловые срубы — тесно стояли вдоль улицы почти без заборов. Неокрашенные, разной величины, крытые тесом, берестой, а иногда и соломой, они больше походили на крестьянские избы. Лишь кое-где возвышались нарядные каменные здания приходских церквей, жилых палат знати и духовенства.

Но уже тогда благоустройству улицы придавалось особое значение. Ван Кленк, голландский посол, посетивший Москву в 1675 году, отмечал, что ее «улицы широки и просторны. Осенью во время частых дождей они покрыты вязкою и глубокою грязью, на которую кладут для возможности перехода большие круглые бревна. Лишь Мясницкая улица, по которой часто проезжает царь, устлана еще досками поверх бревен. Но доски эти так грязны, что в дождь нужно надевать высокие сапоги»⁴. Лишь зимой плотный снежный наст выравнивал и «очищал» мостовые.

При Петре I на рубеже XVII–XVIII веков Мясницкая начала претендовать на роль главной улицы города. По ней и Ново-Басманной улице был проложен более удобный путь (в отличие от прежнего — по Покровке) от Кремля к берегам Яузы, где располагались любезные сердцу Петра Немецкая слобода и Лефортово. Далее дорога шла

ния. М., 1997. С. 244.

³ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. М., 1937. Т. 6. С. 156.

⁴ Койэтт Б. Исторический рассказ, или Описание путешествия Конрада ван Кленка... к великому государю царю и великому князю Московскому / Иностранцы о древней Москве. Москва XV–XVII веков. М., 1991. С. 384.

в царские подмосковные села — Преображенское, Измайлово, в Семеновскую слободу. Молодой царь почти ежедневно ездил по Мясницкой в Преображенское, где он тогда жил, и Лефортово, в котором находились дворцы Петра I, Ф.Я. Лефорта и их приближенных.

Так Мясницкая получила статус «царской дороги». Престижную улицу стало заселять титулованное дворянство и новая аристократия

во главе с петровским любимцем А.Д. Меншиковым. В пределах Белого города вдоль улицы и в ее окрестностях появились обширные владения касимовского царевича Ивана Васильевича, графа Я.В. Брюса, Глебовых-Стрешневых, Дмитриевых-Мамоновых, Строганова и других не менее известных людей.

Даже ту ее дальнюю часть, что находилась в Земляном городе, заселяли теперь не только ого-

родники, торговцы мясом и ремесленники. К началу XVIII века на ней уже стояли дворы знати и богатых купцов.

В то далекое время нумерации дворовых участков еще не существовало. В документах фиксировались лишь фамилии владельцев с топографическими ориентирами, как-то: «Мясницкая большая проезжая улица... за Мясницкими вороты... в Земляном городе... в приходе церкви Николая Чудотворца что в Мясниках...». По этим приметам можно было с легкостью найти большое владение Льва Кирилловича Нарышкина — первого хозяина нынешнего дома № 44. Да и без них найти его не составляло никакого труда: кто же не знал тогда, где находится двор царского родственника, одного из самых могущественных людей государства.

А.П. Рябушкин. Московская улица в XVIII веке. 1896 г.

ДЛИННАЯ ГЛАВА О НАРЫШКИНЫХ

История распорядилась так, что на ее переломе именно Нарышкины вытянули свой счастливый билет. Да, Нарышкины — дворянский род, который не отличался ни древностью, ни заслугами и в старой допетровской Руси ничем не выделялся среди многочисленного среднего служилого класса Московского государства. Более того, происхождение этого рода или, лучше сказать, явление его в Россию в XV веке было весьма туманно. Авторы генеалогических исследований XIX века, настоящие доки в своем деле, и те приводят разноречивые сведения¹.

Бытовала легенда о происхождении фамилии Нарышкиных из Чехии, будто бы искаженное прозвание целого племени норисков (по-немецки *Noriskén*) сделалось фамильным именем рода. В доказательство приводился обычно герб Нарышкиных, в нижней части которого на красном поле помещена золотая решетка — герб города Эгера в Богемии. Но вряд ли это можно принять за весомый аргумент, зная, с какой фантазией нанятые псевдоученые специалисты по геральдике составляли в XVIII веке «кудрявые» гербы для нового русского дворянства.

Другая версия звучит не так эффектно, но более правдоподобно. Она указывает, что прародителем фамилии был крымский татарин Мордка Курбат, выехавший в Москву на службу к Ивану III в 1465 году. Русские якобы величали его Нарыш, уменьшительно — Нарышко. Его потомки верно служили московским великим князьям и царям: были окольными, воеводами, головами в больших полках. Один был убит под Казанью, другой — в Ливонском походе, живые же получали в кормление волости и жалованные грамоты на вотчины.

Были и такие авторы, которые сомневались в татарском происхождении Нарышкиных, но древность их рода не умаляли, основываясь на росписях в «Разрядных книгах». Из них видно, что Нарышкины уже в конце XV века владели вотчинами в Калужской губернии и несли тяжелую и ответственную службу в пограничных с Литвой русских землях.

¹ Петров П.Н. *История родов русского дворянства*. СПб., 1886. Т. II. С. 279–283; Лобанов-Ростовский А.Б. *Русская родословная книга*. СПб., 1895. Т. II. С. 5–18; Савелов Л.М. *Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию Тульского дворянства*. М.,

Один из них, Петр Иванович, пал под Алексином, другой, его брат Полуект Иванович, был убит под Смоленском в 1633 году.

Сын последнего, тарусский дворянин Кирилл Полуектович, долго довольствовался скромным годовым окладом ротмистра рейтарского строя да небольшим поместьем. Благодаря протекции своего начальника, друга и покровителя А.А. Матвеева он получил чин стольника, а вскоре прихоть судьбы возвела Кирилла Полуектовича в бояре, сделав его старшую дочь царицею и матерью великого русского царя — Петра I.

Эта романтическая история хорошо известна. После смерти первой жены Марии Ильиничны Милославской вдовый царь Алексей Михайлович повстречал в доме своего близкого и доверенного человека — боярина Артамона Сергеевича Матвеева — его воспитанницу Наталью Кирилловну Нарышкину и горячо полюбил ее. По заведенному правилу устроили смотрины царских невест, в которых участвовало двести красивейших девиц, привезенных в Москву со всей Руси, но это была лишь проформа. Сердце царя было занято одной Натальей Кирилловной. В 1671 году состоялось их бракосочетание, а 30 мая 1672 года родился царевич Петр, заслуженно прозванный впоследствии Первым и Великим.

Он был четырнадцатое дитя многосемейного царя Алексея Михайловича (правда, некоторые умерли маленькими) и первенцем от второго брака. Легко можно себе представить, какие чувства обуревали тогда Милославских. И понятно, почему после смерти в 1676 году Алексея Михайловича вся большая царская семья распалась на два рода по происхождению цариц: старшее племя принадлежало роду Милославских, младшее — роду Нарышкиных.

Милославские были сильнее и по своему составу, численности, возрасту, и по многолетней приближенности к царскому двору, и по количеству занимаемых постов в государственном управлении. После второй женитьбы царя клан Милославских, естественно, был возмущен падением своей фамилии, ее унижением перед «какими-то» Нарышкиными, «господами самого низкого и убогого шляхетства»².

Род Нарышкиных во многом уступал соперникам. Он не успел еще пустить таких широких корней во дворце и в государстве, на каких уже давно держались Милославские, но некоторые выгодные позиции имелись и у них. Царский тесть Кирилл Полуектович Нарышкин сразу после бракосочетания дочери стал думным дворянином, в день рождения внука — окольничим, в следующем году был произведен в бояре,

1904.

² Архив князя Ф.А. Куракина. СПб., 1890.

назначен дворецким царицы и первым судьей в Приказе большого дворца. Три двоюродных брата Кирилла Полуектовича также стали боярами, а один окольничим. Три брата царицы Натальи Кирилловны были боярами. Всего же в роду Нарышкиных значилось восемь бояр.

По родовому старшинству власть должна была перейти к сыновьям от первого брака Алексея Михайловича, болезненным и слабым умом. Но, учитывая высшее право государственных интересов, наследие престола по необходимости склонилось на сторону Нарышкиных, в пользу здорового и умного ребенка Петра, у которого к тому же была жива мать — вдовствующая царица.

Началась отчаянная борьба за власть. Две клики царских родственников и свойственников насмерть стояли одна против другой, ничем не брезгуя в ожесточенной вражде. Интриги Мирославских и, в первую очередь, царевны Софьи — умной, властолюбивой, хладнокровной — опирались на копья преданных ей стрельцов. Во время страшного стрелецкого мятежа 1682 года пострадали многие Нарышкины. Кирилл Полуектович был пострижен в монахи под именем Киприана и сослан в Кирилло-Белозерский монастырь. Были убиты братья царицы Иван и Афанасий Кирилловичи. Не пережила их страшной смерти чахоточная младшая сестра Евдокия Кирилловна. Они были похоронены в Высокопетровском монастыре. В 1684—1685 годах по велению царицы Натальи Кирилловны в нем возвели церковь Боголюбской Божией Матери, которая стала родовой усыпальницей Нарышкиных³. А сам монастырь позже перешел под покровительство Петра I.

Тогда же погиб и сторонник дома Нарышкиных, воспитатель царицы Натальи Кирилловны боярин А.С. Матвеев, знаменитый своим умом, образованием и заслугами перед государством. Другие приверженцы Нарышкиных были кто убит, кто сослан. «Старшим» царем

Усыпальница Нарышкиных в Боголюбской церкви Высокопетровского монастыря в Москве. Литография. Середина XIX в.

Кн. 1. С. 64.

³ Крылов И.З. Достопамятные могилы в Московском Высоко-Петровском

объявили болезненного Ивана V, а Петра I — «младшим» царем при правительнице Софье.

В 1689 году Петру удалось отыгаться. Узнав о подготовке Софьей дворцового переворота, он сумел объединить верные ему войска и сторонников и окружить Москву. Софья была отрешена от власти и заключена в Новодевичий монастырь. В 1696 году, после смерти брата Ивана Алексеевича, Петр I стал единодержавным царем. Но Софья и в заточении сумела поднять своих стрельцов. Стрелецкий бунт 1698 года, жестоко подавленный Петром, стал одной из самых кровавых страниц русской истории. Больше тысячи стрельцов казнили, московские стрелецкие полки были расформированы.

Оставшихся в живых своих родственников Нарышкиных Петр I осыпал милостями, которые помогали им быстрее зализывать старые раны, телесные и душевные. Дед царя Кирилл Полуектович наконец-то возвратился из монастыря, получил весь причитающийся ему почет и умер в 1693 году, 78 лет от роду, в богатстве и почестях. Любимый дядя Петра боярин Лев Кириллович, родной брат царицы, вернувшись из ссылки в Москву, получил новые вотчины и назначения и стал одним из самых значительных людей в государстве.

В числе разных земельных наделов Петр I пожаловал Л.К. Нарышкину обширное владение, или, как говорили в старину, двор на Мясницкой улице. Первоначальные размеры участка вполне соответствовали достоинству ближайшего царского родственника: он простирался по Мясницкой в глубь квартала между двумя проезжими переулками, далеко отстоящими друг от друга. Значительно позже, в XIX веке, они получили названия Малого Харитоньевского и Большого Козловского переулков. Так что прежде в состав этого владения входила и территория нынешнего дома 46 по Мясницкой улице. Огромный по меркам того времени двор Нарышкина числился на привилегированной, «белой» земле, тогда как большинство усадеб на Мясницкой, в том числе и довольно крупные, стояли на «черных» рабочих, производственных землях Огородной слободы⁴.

Двор Л.К. Нарышкина был выделен из Стрелецкого приказа, ведавшего этими землями за Мясницкими воротами, как уже говорилось, с начала XVII века. Уничтожение ненавистных Петру стрелецких слобод и щедрую раздачу их владений Нарышкины теперь могли рассматривать как сатисфакцию за перенесенные страдания.

Лев Кириллович Нарышкин родился в 1664 году и в 1682 году был уже стольником. Зверское убийство его братьев и вообще ненависть стрельцов ко всему роду Нарышкиных грозили гибелью и Льву Кирилловичу, выдачи которого требовали бунтовщики. Он счастливо спастся от смерти, но принужден был отправиться в ссылку. И вот после возвращения, обласканный венценосным племянником, Нарышкин стал играть при дворе видную роль, во многом благодаря влиянию его сестры — царицы. Он и князь Борис Алексеевич Голицын были самыми приближенными к ней людьми. Не случайно царевна Софья, готовившая новый заговор, поднимала своих стрельцов главным образом против царицы Натальи Кирилловны и близких к ней людей, особенно же против ее брата Льва Кирилловича.

В старых источниках ярко описывается одна провокация, которую Софья мастерски срежиссировала. Близкий поверенный царевны подъячий Матвей Шошин в июле 1688 года нарядился в белый атласный кафтан и боярскую шапку «и сопровождаемый такими же переряженными заговорщиками из стрельцов, проехал на лихих конях ночью по Мясницкой». Поскольку у Л.К. Нарышкина здесь был большой двор, о чем все прекрасно знали, весь спектакль выглядел вполне убедительно. «Когда караульные у Мясницких ворот по обычаю окликнули: кто едет? — передовые всадники ответили: «Едет боярин Лев Кириллович Нарышкин!» — и подхвата караульного, стали бить кистенями, плетями и обухами неведомо за что; били за мертво; а один кричал, чтоб били до смерти, причем другой уговаривал: «Лев Кириллович, за что его бить до смерти? душа христианская!»⁴. Якобы от имени Л.К. Нарышкина подстрекатели били караульных и на Покровке, чтобы возбудить в московском населении ненависть к нему и взбунтовать стрельцов против Петра и его родственников. Настоящий Нарышкин не был в этом повинен ни сном ни духом, но все же, значит, Лев Кириллович считался способным предпринимать такие ночные наезды.

Истинный царедворец, Л.К. Нарышкин ловко интриговал и все больше входил в силу. Он поссорился со своим недавним единомышленником Б.А. Голицыным и восстановил против него Наталью Кирилловну, из-за чего тот вскоре утратил свое положение⁵. Зато сам Лев Кириллович Нарышкин с сознанием собственного достоинства занял одно из первых мест среди лиц, стоявших во главе управления государством.

⁴ Памятники архитектуры Москвы. Земляной город. М., 1989. С. 240.

⁵ Забелин И.Е. Кунцово и древний Сетунский стан. Исторические воспоминания. М., 1873. С. 182.

Однако его завидное общественное положение и служебные назначения определялись в основном тем, что он был старшим — и любимым — дядей Петра I и по родству с государем пользовался почетом и уважением среди других бояр. Имея чин комнатного стольника, он был сотоварищем детских игр Петра, а затем членом «компании», окружавшей царя в юные годы⁷. Он обладал большим запасом энергии и горячим

Л.К. Нарышкин. Портрет работы неизвестного художника школы Оружейной палаты. 1690-е гг.

темпераментом, был очень высокомерен, но не отличался блестящими дарованиями и потому не занял видного места в числе сподвижников Петра.

Царю-преобразователю в его неутомимой и горячей деятельности нужны были товарищи и работники, а не просто родня. Вот почему почти все родственники Петра, особенно старшие, остались вне круга близких к нему по работе людей, занимая разные более или менее почетные, а иногда только титулярные должности. Например, в 1690 году Лев Кириллович Нарышкин был назначен начальником Посольского приказа (говоря современным языком, министром иностранных дел) и управлял им до 1700 года. Но фактически всеми делами в приказе ведал опытный дипломат думный дьяк Емельян Игнатьевич Украинцев. А уже в 1700 году Нарышкина на этой должности сменил Ф.А. Головин.

В 1697 году, когда Петр I отправился в первое заграничное путешествие, Л.К. Нарышкин поднялся еще выше, став первым министром, но опять номинально. На время своего отсутствия Петр учредил для уп-

равления государством Совет из четырех ближних бояр, в котором по титулу и по своему родственному с царем значению первенствовал именно Лев Кириллович, а вот председательствовал среди бояр и в самом деле управлял страной не боярин, а ближний стольник Федор Юрьевич Ромодановский, именуемый князем-кесарем и государичем.

⁷ Русский биографический словарь. СПб., 1914. Т. 11 С. 93.

Как писал историк С.М. Соловьев, Л.К. Нарышкин «отличался важным в его положении качеством — спокойным беспристрастием, но вовсе не отличался предприимчивостью»⁸.

Современники считали Нарышкина временщиком и давали ему совсем не лестные характеристики: «Был он человек гораздо среднего ума и невоздержной к питию, также человек гордой, и хотя не злодей, токмо не склончивой и добро многим делал без резону, но по бизарии своего гумору»⁹ (то есть по горячности своего нрава. — Т.Д.). Повел он «правление весьма непорядочное», с обидами и судейскими неправдами; началось «мздоимство великое и кража государственная». Он вертел по-своему Боярской Думой и устроил так, что бояре первых домов остались «без всякого повоира и в консилие или палате токмо были спектакулями», то бишь зрителями. Причем главным стимулом в этой битве были не государственные, а исключительно личные, в лучшем случае фамильные интересы. Как справедливо говорил В.О. Ключевский, «в этом придворном обществе напрасно искать деления на партии старую и новую, консервативную и прогрессивную: боролись дикие инстинкты и нравы, а не идеи и направления»¹⁰.

И все же Петр искренне любил своего дядю, на которого был так похож, судя по портрету Льва Кирилловича 1779 года. Петр I был истинным Нарышкиным не только по внешности. Он уродился в мать, а у Нарышкиных живость нервов и бойкость мысли были фамильными чертами. Они-то и определяли духовный склад царя, со щедростью опекавшего своих немногих оставшихся в живых родственников.

Петр задаривал Л.К. Нарышкина не только назначениями, но и вотчинами. В своих руках Лев Кириллович сосредоточил огромные подмосковные владения по берегам реки Москвы, простиравшиеся от Дорогомиловской слободы до села Архангельского. В их числе были знаменитое Кунцево и соседнее с ним село Хвили — по-нынешнему Фили¹¹.

Известны письма датского и английского послов своим государям о пышных приемах, которые устраивал в Филях «премьер-министр» Нарышкин, как его называли иностранцы. Он угощал гостей изысканным обедом, показывал роскошно убранные апартаменты своего дворца, множество драгоценных вещей, водил по саду. Посланники отзывались о нем как о человеке, усвоившем все приемы придворного этикета¹².

Вотчинное устройство в Филях Нарышкин начал постройкой в 1693—1694 годах великолепной церкви Покрова Богородицы. Этот

⁷ Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. М., 1940. Т. 1. С. 88.

⁸ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга VII // Собрание сочинений. М., 1991. Т. 13–14. С. 470.

⁹ Архив князя Ф.А. Куракина. Указ. соч. С. 63.

¹⁰ Ключевский В.О. Курс русской истории. Часть IV // Собрание сочинений. М., 1989. Т. IV. С. 17.

¹¹ Забелин И.Е. Кунцово и древний Сетунский стан. Исторические

изящный, стройный по силуэту храм с роскошной художественной отделкой стал первым памятником нового стилистического направления в русской архитектуре конца XVII века, получившего позже название «нарышкинское барокко». К их числу относится и церковь Троицы в принадлежавшем Нарышкиным селе Троице-Лыково, возведенная в 1698—1703 годах.

Во владении Льва Кирилловича были и другие подмосковные вотчины — Чашниково, Черкизово, Медведково, Петровское. Последнее получила в наследство его внучка Екатерина Ивановна, вышедшая замуж за гетмана Малороссии графа К.Г. Разумовского, отчего и село получило сохранившееся до наших дней название Петровское-Разумовское. От отца и рано умерших братьев ему достались десятки тысяч крепостных душ, которые еще приумножились щедрыми дарами племянника.

Сверх того, Л.К. Нарышкину принадлежали с 1692 года Тульские железные заводы, где изготавливались все металлические части для судов Азовского флота, а во время Северной войны — пушечные ядра, бомбы и т. д. Причем царский указ обязывал армейцев приобретать боеприпасы исключительно у Нарышкина. Так что Льва Кирилловича смело можно назвать одним из первых монополистов военно-промышленного комплекса страны.

Л.К. Нарышкин был единственным из братьев царицы Натальи Кирилловны, оставившим потомство. Он был дважды женат. От брака с Прасковьей Федоровной Нарышкиной у него было три сына и три дочери, от второго брака с Анной Петровной Салтыковой — две дочери.

Лев Кириллович Нарышкин умер в 1705 году, оставив огромное состояние малолетним детям, из-за чего сыновние владения поначалу не были разделены. Петр I, пытавшийся ввести западный принцип майората — наследования в пользу старшего сына или старшего в роде — и сохранить большие вотчины в одних руках, приказал после смерти Л.К. Нарышкина все его земли, недвижимость, людские души временно передать в ведение Поместного приказа.

Отдельно оговаривались права старшего сына Александра, до совершеннолетия которого его вотчинами и домами управлял стольник князь Иван Осипович Щербатов. За ним, в свою очередь, также присматривал Поместный приказ. А поскольку речь шла о царских родственниках, указ этот соблюдался свято. Перепись московских дворов 1716 года официальным владельцем двора на Мясницкой улице все

еще называет Л.К. Нарышкина: «...на той белой земле в Земляном городе за Мясницкими вороты по большой Мясницкой улице, идучи из города на правой стороне... под № 218 боярина Льва Кирилловича Нарышкина и учителя детей его Ивана Алексеева сына Зейка...»¹³.

Старший сын Л.К. Нарышкина Александр Львович родился в 1694 году. Петр I был на его крестинах. Позже он очень полюбил своего двоюродного брата и обыкновенно по-свойски называл его Львовичем. В 1708 году Петр в числе знатной молодежи отправил юного Александра и его младшего брата Ивана за границу обучаться навигацким наукам. Вот что писал тогда английский посланник в Москве Витворт британскому статс-секретарю Бойлю: «Между молодыми людьми, которые отправляются в Голландию и Великобританию, находятся два сына дяди государева, Нарышкина, прежнего первого министра, умершего незадолго до моего приезда в Россию. Меня настоятельно просили поручить их вашей особенной благосклонности и вашему покровительству. Они очень молоды: старшему не более 14 лет, младшему не более 8 лет; но оба говорят по-латыни и отличаются умением держаться скромно, прекрасно не по летам, и не по обычаю своей родины. Они предполагают прожить в Англии довольно долго для обучения, и всякое внимание, которое вы окажете им при случае, будет — я уверен — оценено их родственниками с признательностью и окажется полезным интересам Англии и в настоящем, и в будущем»¹⁴.

Третьего октября 1708 года английский флот вышел из Архангельского порта, и Нарышкины отправились в Великобританию на военном корабле «Тильбюри». Королева и высшее английское общество приняли их не только чрезвычайно приветливо, но даже с почетом, как родственников русского царя, а когда в марте 1709 года они покидали Англию, то королева дала им прощальную аудиенцию и так благосклонно

Церковь Покрова Богородицы в усадьбе Нарышкиных Филей. Литография Орлова по рисунку Ш.К. Башелье. Середина XIX в.

воспоминания. М., 1873.

¹² Богословский М.М. Указ. соч. Т. 4. С. 23–24;
Корб И.Г. Дневник путешествия в
Московию (1698 и 1699 гг.). СПб., 1906. С.

отнеслась к ним, что Петр I счел это за выражение дружеского отношения Англии к России. Он остался недоволен лишь тем, что Нарышкины не сохранили инкогнито и что приемы их стоили королеве и английской знати много хлопот, сопряженных с большими издержками.

Из Англии братья Нарышкины переехали в Голландию. Отсюда Александр плавал на голландских и английских кораблях в Испанию и по Средиземному морю до Сицилии. Затем в Саардаме он обучался оснастке кораблей, служа, вместе с тем, на военных голландских кораблях в чине поручика.

С 1715-го по 1721 год Нарышкины жили в Италии и Франции. Младший брат, Иван, во время своего заграничного путешествия вел дневник — один из первых известных документов подобного рода. Он не содержит никаких замечательных сведений, но интересен описанием светской жизни, которую вели братья. В разных городах они посещали театры, бывали на балах, делали визиты знатым людям и т. д.¹⁵

Вернувшись в феврале 1721 года в Россию, Александр Львович Нарышкин был произведен в поручики, определен на службу в Адмиралтейскую кантору «по экипажеским делам» и находился здесь под непосредственным начальством Петра. Позже он был произведен в капитаны 3-го ранга, а через год назначен директором Морской Академии, «Московской и других школ, обретающихся в губерниях». В 1725 году Нарышкин стал президентом Штатс-Канторы и был произведен в шаубенахты — так при Петре именовалось звание контр-адмирала.

Александр Львович Нарышкин как родственник императорской фамилии был на положении принца крови и в придворных кругах считался членом царского дома. При этом он иногда позволял себе неслыханные дерзости, которые отдаляли от него Петра. Широкую огласку, например, получила их распря из-за учителя детей Нарышкина Ивана Алексеевича Зейкина, который проживал еще в доме Льва Кирилловича на Мясницкой, о чем сообщала опись 1716 года¹⁶.

Иван Зейкин, венгр по происхождению, не только обучал Александра Нарышкина, но даже сопровождал его во время многолетней заграничной поездки. Его, как человека искусного и доброй совести, государь в 1722 году назначил учителем к своему внуку Петру II. Но Нарышкин, не желая отпустить учителя, уговорил его отказаться от такой чести. Петр через год повторил указ, чтобы Зейкину вступить в свои дела немедленно. Но и после нового указа Александр Львович не отпустил

162–164.

¹³ *Переписи московских дворов XVIII столетия. М., 1896. С. 85.*

Зейкина и даже решил отослать его на родину, в Венгрию. Тогда рассерженный царь написал своему кабинет-секретарю А.В. Макарову: «Нарышкин его не отпускает, притворяя удобь возможные подлоги, и также — я не привык жить с такими, которые не слушаются смирно: того ради скажи и объяви сие письмо, что ежели Зейкин по указу не учинит, то я не над Зейкиным, но над Нарышкиным то учиню, что доводится преслушникам чинить, ибо все сие от него происходит»¹⁷.

И это была не единственная размолвка Нарышкина с царем. Он любил демонстрировать при дворе свою независимость и могущество.

Матримониальные планы Александра Львовича Нарышкина тоже были весьма амбициозны. Он сватался к принцессам Гессенской и Ангальтской, но получил отказ¹⁸. Еще при Петре I придворная молва назначила его женихом цесаревны Анны Петровны, которой он приходился, однако, двоюродным дядей, но и эти притязания не реализовались¹⁹. А после смерти Петра слухи стали распространяться самые невероятные, но уже не такие безобидные, как раньше. Говорили, что Нарышкин вступил в заговор в пользу великой княжны Елизаветы Петровны; что намеревался уничтожить императорский двор, а самую царицу Екатерину I заключить в монастырь; что захотел «прогнать вообще всех немцев, некоторых повесить, и в заключение всего провозгласить великую княжну Елизавету императрицею и себя императором»²⁰.

Слухи слухами, но А.Л. Нарышкин действительно входил тогда в оппозиционную партию, имеющую целью отстранить от наследования престола великого князя Петра Алексеевича и расстроить его брак с дочерью всесильного А.Д. Меншикова Марией Александровной. В этом заговоре участвовали генерал-полицийместер Санкт-Петербурга граф А.М. Девиер (женатый, между прочим, на родной сестре Меншикова), князь И.А. Долгорукий (по иронии судьбы, впоследствии любимец Петра II), генерал, «князь-папа» И.И. Бутурлин, сенатор, первый министр Тайной канцелярии граф П.А. Толстой, обер-секретарь Сената Г.Г. Скорняков-Писарев²¹. Заговор раскрыли. А.Л. Нарышкин вместе со своими товарищами в мае 1727 года был предан суду и за «государственные провинности» лишен чинов и осужден на ссылку в свое подмосковное село Чашниково, где и должен был жить безвыездно. Но вскоре, после опалы Меншикова, ему позволили вернуться ко двору.

В это смутное дворцовое время Александр Львович Нарышкин держал себя очень независимо и высокомерно, убежденный, что он теперь

¹⁴ Цит. по: *Русский биографический словарь*. Т. 11. С. 80.

¹⁵ *Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом*. СПб., 1862. Т. I. С. 152–154.

¹⁶ *Переписи московских дворов...* С. 85.

¹⁷ *Забелин И.Е. Указ. соч.* С. 190.

такой же равный член царской семьи, как и царствовавший малолетний император. Он требовал уважения к себе и обращался с новым государем как с младшим родственником, забывая, что является его подданным. Нарышкин, не ладивший с отцом невесты императора А.Г. Долгоруким, пытался вразумить Петра II и предостеречь его от влияния и опеки Долгоруких. Нарышкин укорял его за праздность,

А.Л. Нарышкин несет государственный меч на церемонии коронации Елизаветы Петровны. Фрагмент листа из «Коронационного альбома императрицы Елизаветы Петровны». Гравюра И.А. Соколова. 1744 г.

беззаботное поведение, недостойное препровождение времени, обвиняя во всем Долгоруких. За это в ноябре 1728 года его опять удалили из Москвы и повелели жить в подмосковных деревнях.

И опять он поселился в Чашникове, но, крайне раздраженный опалой, не переставал и в ссылке поносить Долгоруких, «и говорил по-прежнему не только свободно, но и дерзко... Однажды, когда Петр II забавлялся охотой близ Чашникова, Александру Львовичу было предложено свидеться с государем и испросить прощения. Он с презрением отверг это предложение и на уговоры ехать к государю и поклониться ему отвечал: «Что мне ему с чего поклониться? Я и почитать его не хочу. Я сам тако же, как и он, и думал на царстве сидеть, как он. Отец мой государством правил. Дай мне вытти из этой нужды, я знаю, что сделать»²².

За такое поношение высочайшей власти и дерзкие речи А.Л. Нарышкина вызвали в Верховный Тайный Совет, который собрался провести розыск и даже грозил пытками. Но Петр II, «по примерной своей к милосердию склонности и великодушию», в январе 1729 года приказал сослать Нарышкина безвыездно в его дальнюю Шацкую деревню Тамбовской губернии. Причем Долгорукие через своих агентов предлагали Александру Львовичу, что он может по-прежнему остаться в Москве, если отдаст им две свои главные вотчины — Фили и Кунцево. Нарышкин с негодованием отверг это предложение и остался в опале до самой смерти Петра II.

Анна Иоанновна вернула А.Л. Нарышкина из ссылки и обладала чинами и почетными назначениями. Нарышкина произвели в сенаторы

¹⁸ Васильчиков А. Род Нарышкиных // Русский архив. М., 1871. Стлб. 1502.

¹⁹ Забелин И.Е. Указ. соч. С. 189.

и тайные советники, он был назначен президентом Коммерц-коллекции, президентом Дворцовой Строительной канцелярии и директором Императорских строений и парков. В 1734 году он получил орден Александра Невского.

В краткое правление Анны Леопольдовны в 1740 году Нарышкин стал действительным тайным советником. Подруга его юных лет Елизавета Петровна после восшествия на престол наградила Нарышкина орденом Святого Андрея Первозванного. До конца своей жизни он присутствовал в Сенате, никогда не играя значительной роли, но пользуясь большим почетом и уважением.

Александр Львович Нарышкин умер в 1746 году. От брака с графиней Еленой Александровной Апраксиной, статс-дамой и гофмейстериней Высочайшего двора, у него было два сына и три дочери. Оба его сына — Александр и Лев — впоследствии занимали видные посты в царствование Екатерины II и слыли величайшими шутниками того времени, передавшими этот дар и своим детям. Не случайно восклицал известный летописец «дней Александровых» Ф.Ф. Вигель: «Кому в России не известны наследственная веселость духа, ум, острота и любезность Нарышкиных?»²³.

²⁰ Русский архив. М., 1866. Стлб. 672–673.

²¹ Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1994. С. 259–271.

²² Цит. по: Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей русской земли.

| БОЯРСКИЕ ХОРОМЫ

Точно неизвестно, когда были построены каменные палаты Нарышкиных на Мясницкой улице. Это владение было далеко не единственной их собственностью в Москве. «Родовое гнездо» царских родственников Нарышкиных, богатейших людей, находилось в самом подобающем их положению и достатку месте — напротив Кремля, на углу Моховой улицы и Воздвиженки (позже в нем разместился Главный архив Министерства иностранных дел, теперь здесь располагается новое здание Российской Государственной библиотеки, бывшей «Ленинки»). Но и двор на Мясницкой не забывался, тем паче, что выходил он на улицу, имеющую статус царской дороги. Известно, что Петр I часто обедал у Льва Кирилловича Нарышкина в его разных домах и усадьбах. Как знать, может быть, по дороге в Лефортово заезжал он и в его палаты на Мясницкой.

Несмотря на бурные перемены петровского времени, застройка на дальнем отрезке улицы, за Мясницкими воротами Белого города, была преимущественно деревянной, а участки в основном оставались небольшими. Двор Нарышкиных по своим огромным размерам был редким исключением. Из «Переписных книг г. Москвы» известно, что двор А.Л. Нарышкина имел «выдачу»¹, то есть часть его выдавалась под углом далеко в глубь квартала. Подобный «лоскутный» вид участков был характерен для градостроительной канвы старой Москвы. Стоит отметить, что в таком Г-образном виде бывшее владение Нарышкиных просуществовало вплоть до середины XIX века.

Первые каменные палаты на углу Мясницкой улицы и проезжего переулка могли быть возведены Львом Кирилловичем Нарышкиным в самом начале XVIII века, согласно петровскому указу от 17 января 1701 года — «О строении в Москве на погорелых местах достаточным людям каменных домов, а недостаточным мазанок». Но более вероятно, что их построил позже Нарышкин-младший, Александр Львович,

¹ *Переписные книги г. Москвы 1739–1745 гг. М., 1881. Т. 5. Стлб. 257. № 69.*

вернувшийся после заграничного учения в Москву. Уже будучи взрослым, он освободился от опеки и мог самостоятельно распоряжаться в унаследованном от отца владении. Грандиозная усадьба на Моховой наверняка воспринималась им как незыблемая семейная твердыня, зато на Мясницкой можно было следовать собственной воле, проявить себя как хозяйственного и дельного человека с европейским вкусом.

Первая половина XVIII века была небывалым для России временем, когда мода на строительство зданий европейского типа захватила верхний слой вельможной иерархии. Подражание царским постройкам стало носить особенный, можно сказать, сакральный смысл. Роль царского строительства как образца для подражания была огромна, а быстрота восприятия нового в придворном и народном сознании — поразительна.

Этому предшествовал беспокойный, противоречивый и во многом трагический период русской истории длиной почти в полстолетия. Менялся весь строй и уклад жизни общества в целом и каждой семьи в частности. Каноничность общественного поведения, строго

регламентированный быт, «пространственная свернутость» и закрытость боярского дома — весь этот мир под влиянием европейской культуры и связей с ней начал изживать себя. Дворцовые резиденции Петра I и его приближенных демонстрировали новый стиль поведения, отражением которого был и новый стиль в архитектуре, использующий арсенал средств художественной выразительности европейского барокко.

Палаты Нарышкиных были поставлены в соответствии с градостроительными нормами первой половины XVIII века. Если прежде на улицу выходили лишь глухие заборы да затрапезные деревянные хозяйственные

Усадьба Нарышкиных на углу Моховой улицы и Воздвиженки. Фотография. Конец XIX в. Справа — угловая башня ограды. Слева в глубине — домовая церковь Ирины. В 1870-х гг. палаты Нарышкиных были перестроены для Архива Министерства иностранных дел. В 1928–1940 гг. на месте бывшей усадьбы построили здание Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина.

постройки, то петровские указы обязывали возводить дома по красной линии улицы. Дом Нарышкиных именно так, по ранжиру, и стоит, формируя красную линию Мясницкой улицы и нынешнего Малого Харитоньевского переулка.

«Образцовым» нормам соответствует и весь хорошо сохранившийся архитектурный облик дома. Его четкий прямоугольный в плане объ-

ем разделен на два этажа. Нижний, цокольный этаж, словно вросший в землю, был хозяйственным, в нем находились также жилые помещения для дворни. В высоком верхнем этаже, «парадном», размещались покои хозяев и горницы для приема гостей. Верхний и нижний этажи дома были изолированы друг от друга. Вход в нижний был прямо со двора, а к крыльцу верхнего этажа, вероятно, от земли поднималась деревянная лестница с навесом. Стены дома, причем даже внутренние, отличаются большой толщиной.

*Своды первого этажа.
Фотография. 2005 г.*

Дом полностью сохранил внут-

реннюю планировку и своды в обоих этажах. Своды первого этажа более низкие, с распалубками — небольшими сводиками треугольного очертания, врезанными в основной свод и зрительно облегчающими его. В основном этаже они высокие и без распалубок. Именно форма сводов и стилистическая цельность архитектуры здания свидетельствуют о том, что оно было выстроено одновременно и может быть датировано первой половиной XVIII века. Для памятников эпохи барокко традиционно и расположение дверных проемов в интерьере не возле окон, как было позже в эпоху классицизма, а ближе к середине поперечных стен.

Однако планировка дома необычна для этого времени. Во-первых, планировка обоих этажей абсолютно идентична. Ее образуют две равноценные анфилады, идущие вдоль главного и дворового фасадов, хотя четкого деления покоев на две группы, парадную и жилую, здесь еще не было. Во-вторых, парадный зал помещен не в центре главной анфилады, что было характерно для барокко первой половины и середины XVIII века,

а в углу дома, напоминая особенности парадных палат конца XVII столетия. В качестве образца можно привести, например, Столовую палату дома Юсуповых, расположенного по соседству в Большом Харитоньевском переулке (дом № 21). Конечно, угловая палата дома Нарышкиных не столь велика, как у Юсупова, но и маленькой ее не назовешь. А восемь окон наполняют ее светом и зрительно расширяют. Одностолпная угловая палата нижнего этажа покоряет своей мощью и, если можно так сказать, тяжело-ватой статью. Позже подобное угловое расположение зала появилось в анфиладах классицизма. Однако зал, как правило, был связан в них с парадным входом и въездом в усадьбу. Здесь же, у Нарышкиных, парадный въезд во двор располагался у противоположного торца дома², а место первоначального входа неизвестно.

От отделки интерьеров того времени почти ничего не сохранилось. Свой нынешний облик они получили в основном во второй половине XIX века. Но они, возможно, включают элементы ранней декорации, что особенно заметно в одном из помещений главной анфилады с камином на торцевой стене. Облицованный мрамором камин фансонного чугунного литья с высоким массивным завершением напоминает формы барокко первой половины XVIII столетия.

Сегодня бывший дом Нарышкиных выглядит совсем небольшим, но двести пятьдесят лет назад его масштаб казался очень внушительным. В ансамбле Мясницкой улицы он занимал достойное место и продолжает сохранять его до наших дней. О подобных домах упоминал почти за столет до того австрийский барон Августин Мейерберг, который был послом в России в 1661—1662 годах и создал знаменитый альбом планов и рисунков — так называемый «Альбом Мейерберга». В описании своего «Путешествия в Московию... в 1661 году» он сделал следующую запись: «Дом для нашего помещения отведен был довольно просторный и каменный, а это редкость в Москве, потому что большинство

Одностолпная палата.
Фотография. 2005 г.

² ЦИАМ, ф. 171, оп. 1, д. 155.

москвитян живет в деревянных. Только несколько лет назад многие из них стали строить себе дома из кирпича, либо по тщеславию, либо для того, чтобы безопаснее жить в них от очень частых пожаров...»³.

Мейербергу вторит английский капитан Джон Берри, возможно, самим Петром I приглашенный в Россию для обучения русских моряков. Он прослужил семнадцать лет, с 1698-го по 1715 год, после чего

появились его «Записки о России», где автор обстоятельно изложил свои впечатления, наблюдения, замечания. Там есть и интересные сведения о строительстве каменного жилья: «...в тех домах, которые русские строят из кирпича, чтобы предохранить их от пожара, они выводят стены очень толстые, со сводами наверху, и по углам завязывают их железными брусьями, также делают железные двери и ставни к окнам; таким образом, во время пожаров сгорает только крыша дома, покрытая обыкновенно сосновыми досками, за исключением тех домов каменных, которые с некоторого времени стали покрывать черепицей, и других, принадлежащих богатым господам, которые кроют их листовым железом»⁴. Возможно, палаты Нарышкиных первоначально были именно такими, как в описании, сделанном английским капитаном.

Однако никакие кирпичные стены и железные двери не спасали во время пожаров, часто бушевавших в Москве. Известно, что двор Льва Кирилловича Нарышкина горел «в понедельник на Фоминой неделе 8 апреля» 1700 года. Это событие попало в ранг дел государственной важности: все заседания были отменены, и Сенат в полном составе выехал на Мясницкую улицу смотреть, как тушат пожар⁵.

Крупные пожары то и дело возникали в различных частях Москвы. Так, во время пожара 19–21 июня 1701 года сгорел Государев сад против Кремля за Москвой-рекой. Опустошительный пожар 13 мая 1712 года уничтожил около двадцати процентов московских дворов. Грандиозным был и пожар 1737 года. Он возник 29 мая в период сильной засухи

Камин. Фотография. 2005 г.

³ Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августа Мейерберга... к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году / Иностранцы о древней Москве. Москва XV–XVII веков. М., 1991. С. 332.

⁴ Цит. по: Дудина Т.А., Мудров Г.В., Рудикова Т.Г.

Мясницкая улица, 43. М., 1994. С. 12.

⁵ Архив Государственного совета. Дела Палаты об Уложении. Журнальные записи. «Перечень занятий...», л. 8, 9. /

при шквальном ветре. По преданию, начался он от свечки, которую поставила бедная женщина перед иконой в своем чулане. Тогда и родилась известная поговорка о том, что Москва от копеечной свечки сгорела. Пожар охватил пять из двенадцати «команд» (полицейских частей), на которые делилась Москва в первой половине XVIII века. Начавшись за Боровицким мостом на Знаменке, огонь перекинулся на Кремль, Китай-город, Белый и Земляной города и дошел до Лефортова. Сгорело 2527 обывательских дворов (что составляло около 1/5 всех московских дворов), 486 лавок, множество церквей⁶. Во время пожара разбился Царь-колокол, на который упали брусья горящей кровли, сооруженной над литейной ямой. Под действием разности температур, вызванной огнем и водой, которой стали заливать яму, образовались трещины, и от колокола откололся кусок весом в 700 пудов.

Во время пожара 1737 года особенно пострадали в Кремле дворцы, соборы, коллегии, ряды, а также улицы Сretenка, Мясницкая, Покровка, Басманная, Старая и Новая слободы. На Мясницкой в числе прочих сгорел и двор Александра Львовича Нарышкина. Из архивных данных известно, что во время этого пожара в палатах «Львовича» погибло много всякого добра, в том числе и «данная», по которой его отцу боярину Льву Кирилловичу Нарышкину были пожалованы эти земли из Стрелецкого приказа⁷.

В это время стали появляться внятные планы участков, которые выполняли архитекторы и геодезисты-картографы, занятые составлением первого печатного плана города, основанного на инструментальной съемке. Более того, в 1736 году императрица Анна Иоанновна указала «на погорелых местах в Москве и за Москвою рекою... строение делать по архитектуре и для того сделать тем местам план...»⁸. Так что вполне возможно, что именно тогда, после страшного пожара 1737 года и были отстроены палаты Нарышкиных, прекрасно сохранившиеся до сего дня.

Богатый московский двор середины XVII в. Фрагмент рисунка И.-Р. Сторна для книги А. Мейерберга «Путешествие в Московию». 1661–1662 гг.

Богословский М.М.

Петр I. М., 1948. Т. 4. С. 209.

⁶ Гольденберг Л.А., Постников А.В.

Петровские геодезисты и первый печатный план Москвы. М., 1990. С. 79.

⁷ Переписные книги г. Москвы 1739–1745 гг. М., 1881. Т. 5. Стлб. 257–261. № 69.

⁸ Цит. по: Гольденберг Л.А., Постников А.В. Указ. соч. С. 138.

| ЗНАТОК ВЕНГЕРСКОГО

После смерти А.Л. Нарышкина усадьбой недолго владел полковник Гаврила Федорович Вишневский.

Вишневские — целый ряд дворянских родов шляхетского происхождения, записанных в родословные книги малороссийских губерний: Виленской, Волынской, Гродненской, Ковенской, Минской, Могилевской, Подольской. В столице и в Москве мало кому из них удалось пробиться, но вот новый хозяин нарышкинской усадьбы на Мясницкой улице Гаврила Федорович Вишневский был своим человеком при дворе, обласканным самой государыней и графом Алексеем Григорьевичем Разумовским. Фаворит, а позже и морганатический муж императрицы Елизаветы Петровны был всем обязан его отцу, генерал-майору Федору Степановичу Вишневскому (1681—1749). История, похожая на добрую сказку, была такова.

Как известно, будущий всесильный господин А.Г. Разумовский родился на хуторе Лемеша Черниговской губернии. Он был вторым сыном казака Григория Яковлева Розума и его супруги Натальи Демьяновны. С раннего детства, как и все местные ребята, он занимался сельскими работами и был пастухом общественного стада. Его привлекательная наружность, приятный голос и охота к учению рано обратили на него внимание местного духовенства, и дьячок села Чемер, к приходу которого принадлежали Лемеша, стал обучать его грамоте. Этот самый дьячок вскоре приютил у себя мальчика, когда тот сбежал из родительского дома от побоев отца. Священнослужители взяли лемешовского пастуха под свое попечение, обучили грамоте и духовному пению, и уже вскоре молодой Розуменок, превратившийся к тому времени в красивого, чернобрового парубка, стал пленять своим чудным голосом чемеровских прихожан.

И вот в январе 1731 года через Чемер проезжал полковник Федор Степанович Вишневский, возвращавшийся из Венгрии, куда ездил за покупкою вина для императрицы Анны Иоанновны. В день его приезда

как раз был какой-то праздник, и полковнику вздумалось зайти в церковь. Недаром чемеряне гордились своим дьячком. Вишневский служил при самой государыне, слышал лучших царских певчих, бывал и за границей, но такого редкого голоса, как у юного Розума, ему до сих пор встречать не приходилось. Полковник прекрасно знал, как дорожили в Петербурге хорошими певцами. Он обратился к священнику, узнал от него, кто был этот певчий, и предложил ему ехать вместе с ним в Петербург, обещая пристроить его там к царской певческой. На родичей Алексею надеяться было нечего: отец совсем спился с круга, хозяйство расстроилось, а мать мыкалась по поденной работе. Выбирать, значит, было не из чего, и потому чемерский дьячок скоро согласился на предложение полковника Вишневского¹.

Вскоре по приезде в Петербург Ф.С. Вишневский представил Алексея Разумовского графу Рейнгольду Левенвольду, фавориту Анны Иоанновны. Обер-штаблмейстер Левенвольде управлял тогда всем дворцовым хозяйством и был незаменимым человеком при разгульном дворе императрицы Анны, то и дело увеселяемом блестящими празднествами. Отдав должное красивому голосу и внешности протеже Вишневского, Левенвольде зачислил его в придворную капеллу. Как-то во время службы в придворной церкви на него обратила внимание племянница государыни, цесаревна Елизавета Петровна. Красота молодого певчего поразила великую княжну еще более, чем его голос. Она упростила Левенвольде уступить ей Розума, тот согласился, и Алексей Григорьевич, получивший при поступлении ко двору Елизаветы Петровны прозвание Разумовского, стал считаться певчим цесаревны. Голос его вскоре начал спадать, и из певчих он был переведен в придворные бандуристы. Они были ровесниками, обоим шел двадцать третий год. Продолжение истории всем хорошо известно.

*А.Г. Разумовский.
Миниатюрный портрет.
Середина XVIII в.*

¹ Миллер Д.П. Алексей Григорьевич Разумовский. Исторический рассказ. Харьков, 1893. С. 17–19.

Так по воле случая Федор Степанович Вишневский стал первым покровителем будущего всемогущего графа Алексея Григорьевича Разумовского. Как говорится, он оказался в нужное время в нужном месте и прислушался к своей интуиции. Да и у Разумовского в выборе людей было какое-то особенное природное чутье. Почти все служившие при нем были людьми замечательными. Будучи по натуре человеком доброжелательным и даже несколько наивным, несмотря на жестокую школу придворной жизни, он бывал привязан к людям не из одного лишь чувства благодарности, а по душевному расположению.

Среди всех упоений неслыханной фортуной Разумовский никогда не забывал о том, кому был обязан своим возвышением. Федор Степанович Вишневский сделался у Разумовского своим человеком. Один из земляков фаворита императрицы в своих дневниках не раз упоминает, как он вместе с Вишневским в Москве устраивал дружеские посиделки у Разумовского. То они поутру «были на водке у Алексея Григорьевича», то вечером «бокалов по 10-ти венгерского выпили и подпихом» (по-украински пияк — пьяница). Часто заставляли они государыню: «Были во дворце у Разумовского, где удостоились быть у ручки Ее Величества и милостивые слова слышать», и опять-таки «подпихом»².

После тайного брака Разумовского с императрицей Вишневский был произведен в генерал-майоры. Было ему в то время за шестьдесят — по тем временам совсем старик. Не состоя ни в каком придворном звании, Федор Степанович Вишневский был просто доверенным лицом Елизаветы Петровны, составлял ее домашний круг и пользовался особенным вниманием и благосклонностью. В знак своего расположения она подарила ему несколько вещей, принадлежавших ее отцу императору Петру I. Это были столик цельного красного дерева; четыре небольшие картины голландской школы, писанные на дереве и изображающие голландцев, пьющих пиво; медальон на дереве собственноручной работы Петра, изображающий Добродетель, торжествующую над попорченной Злобой; портрет Петра, выполненный на пергаменте в виде грамоты. Эти ценности стали семейной реликвией рода Вишневских.

Елизавета Петровна милостиво принимала и сына старика Вишневского — полковника Гавриила Федоровича (владельца двора на Мясницкой улице) и его семью — жену Марию (1723—1757) и дочь Екатерину. Последний дар Вишневскому от императрицы заключался в пожаловании именина на зубок для новорожденного внука Ивана.

² Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Андреевича Маркова. М., 1859. Т. II. С. 158, 160.

Вишневский писал Елизавете, что у него родился внук Иван-богатырь, который кричит: «Дай папки!» На это государыня шутиливо отвечала словами: «Для Вашего внука Ивана-богатыря жалую на папку село Жарбовано»³. Это село находилось в Переяславском уезде Полтавской губернии.

А последняя услуга Вишневского императрице состояла в закупке вина для ее величества, конечно же, венгерского. Как будто замкнулся круг, овеванный ароматом и букетом этого доброго напитка. Знаток вина Вишневский когда-то ездил в Венгрию за вином для Анны Иоанновны и заметил в сельской церкви на своей родине, в Малороссии, голосистого красавца, который неожиданно стал самым влиятельным человеком при дворе. Теперь уже Разумовскому возил он венгерское, которое лилось рекой на совместных дружеских пирушках. И вот, облаканный монаршими милостями, ставший близким человеком императрицы, старый Вишневский едет в «Венгерскую землю» покупать вино для своей благотельницы, которая «обойтись без оногo не может»⁴.

В письмах к нему 1745 года Елизавета Петровна со знанием дела рассуждает о винах старых и ординарных, о лучших сортах винограда. К празднику Пасхи она посылает Вишневскому орден Святой Анны, «которая в дороге вас охранять будет святыми своими молитвами, и желаю носить на здоровье и видеть вас в ней», и добавляет душевные слова: «Сей час идем в церковь с вербою стоять; сожалею, что вас нету: то бы можно б вербою старые кости поправить»⁵.

Последний раз Федор Степанович Вишневский ездил в Венгрию за вином для императрицы в 1748 году, накануне своей кончины. Елизавета Петровна писала ему: «Когда вы распорядите, то желаем вас в Москве здоровых видеть»⁶. Царский двор тогда подолгу жил в Москве. Как знать, может быть, в своей усадьбе на Мясницкой улице Вишневские принимали если не саму императрицу, то ее супруга. Может быть, и в этих стенах гуляла «подпяхом» веселая компания.

³ Лашкевич С.И. Предисловие к «Письмам императрицы Елизаветы Петровны к генер.-майору Вишневскому» // Русский архив.

М., 1870. № 1–3. Стлб. 274.

⁴ Там же. Стлб. 277.

⁵ Там же. Стлб. 275.

⁶ Там же. Стлб. 280.

| БАРОККО I

В 1749 году Г.Ф. Вишневский продал свою усадьбу Петру Яковлевичу Голицыну — представителю старинного аристократического рода, прославившего Россию на многих поприщах. В роду Голицыных были знаменитые государственные деятели, дипломаты, полководцы, писатели, ученые — их имена и деяния у всех на слуху. О многих Голицыных известно по историческим трудам, мемуарам, архивным источникам. Но о большинстве неизвестно почти ничего — это скромные люди, скромные судьбы. Тем интереснее извлечь из забвения, попытаться как-то оживить их биографии, характеры, семейный круг. Петр Яковлевич Голицын — один из них, тонкая веточка на многовековом, ветвистом и раскидистом генеалогическом древе княжеского рода Голицыных.

Славный дворянский род Голицыных берет свое начало в XIV веке от великого князя литовского Гедимина, который не без успеха стремился присоединить к своим обширным владениям русские земли и даже носил титул «короля литовцев и русских». Один из его потомков, живший в XVI веке боярин Михаил Иванович, прозывался Голица — так в старину называли грубую кожаную рукавицу. Он-то и стал родоначальником фамилии Голицыных. В пятом поколении от него род разделился на четыре ветви.

Третья ветвь была самой многочисленной, и в XVIII веке ее большая часть являла собой потомство князя Бориса Алексеевича — дядьки-воспитателя Петра I¹. Он активно способствовал победе партии Нарышкиных над царевной Софьей и приходу к власти Петра. Во время заграничного путешествия молодого царя в 1697–1698 годах он стоял во главе правительства вместе с Л.К. Нарышкиным и П.И. Прозоровским.

К этой ветви относился и новый хозяин усадьбы на Мясницкой улице Петр Яковлевич Голицын (1719–1767). В родословии Голицыных он «классифицируется» так: третья ветвь (первая линия), колено X от Михаила Ивановича Голицы (от Гедимина колено XVII). Мудрено.

¹ Голицын Н.Н. Род князей Голицыных. СПб., 1892. Т. I. С. 254–260.

П.Я. Голицын, как почти вся его родня мужского пола, был человеком военным. Он дослужился до чина генерал-майора, в 1765 году стал кавалером ордена Святой Анны. В 1767 году был назначен премьер-майором лейб-гвардии конного полка. Так назывался тогда первый заместитель командира полка. Вместе с другими представителями рода Голицыных Петр Яковлевич участвовал в Семилетней войне (1756—1763), но о его военных подвигах никаких сведений не сохранилось.

Интересно, что в солдатских песнях времен Семилетней войны не раз упоминается о князьях Голицыных. Например, перед осадой немецкого города Кюстрина у одного из Голицыных вышли какие-то недоразумения с князем Прозоровским, и эта ссора нашла отголосок в самобытной поэзии солдат:

Поссорились-побранились два
боярина,

Поссорился Голицын с Прозоровым:

«Уж ты сукин сын, каналья ты, Прозоров генерал!

То не ваше-то пропало — Государево,

Золотой казны затратил, да и сметы нет!»²

Неизвестно, кто из Голицыных так жестоко ругался с генералом Прозоровским, но не исключено, что это мог быть и Петр Яковлевич.

П.Я. Голицын был женат на Марии Семеновне Плещеевой (р. 1727), которая в качестве приданого принесла ему родовое подмосковное имение Свиблово, принадлежавшее Плещеевым с середины XVII века (ныне входит в черту Москвы, Северо-Восточный округ)³. У Голицына было пять дочерей, мужского потомства он не оставил.

Большую усадьбу на Мясницкой улице П.Я. Голицын купил в 1749 году — в год смерти своего отца Якова Алексеевича, вероятно, получив тогда наследство. В московских «Актовых книгах XVIII столетия» есть запись о том, что «1749 ноября 17 полковник Гаврила Федорович Вишневский продал князю Петру Яковлевичу Голицыну двор на белой земле, в Земляном городе в приходе церкви Николая Чудотворца что на Мясницкой, со всяким ветхим дворовым и хоромным строением и с садом... за 500 руб.»⁴.

Усадьба Свиблово П.Я. Голицына.
Гравюра А.М. Шелковникова. Начало XIX в.

² Песни, собранные П.В. Киреевским, под редакцией и с дополнением П.А. Безсонова. М., 1872. Вып. 9. С. 109.

³ Молева Н.М. Усадьбы Москвы. М., 1998. С. 251–258.

⁴ Москва. Актовые книги XVIII столетия. М., 1897. Т. 7. С. 290.

Голицын недолго владел усадьбой. Из тех же «Актовых книг» известно, что спустя четыре года он продал свой двор с садом уже за 1900 рублей⁵. Такая разница в цене, возросшей почти в четыре раза, дает основания считать, что усадьба была заново отстроена Петром Яковлевичем Голицыным и «ветхое хоромное строение» на Мясницкой улице было значительно перестроено.

Очевидно, старые палаты не соответствовали вкусам и материальному достатку владельцев. Если в Древней Руси никому и в голову не приходило «перелицовывать» родительские дома или вновь купленные хоромы, мол, купили — значит со всем были согласны, то в мышлении людей XVIII века произошли поистине революционные перемены во взглядах на предметы «материальной среды» и, в частности, архитектуру. Все чаще главный акцент стал смещаться от функциональной стороны к эстетической, вкусовой. Здания становятся предметами, подвластными смене стилей, архитектурной моде, и устаревшие древние постройки обретают новую жизнь. Время Елизаветы Петровны и Екатерины II знает примеры коренной перестройки многих сооружений, прежде всего по чисто вкусовым соображениям.

Середина XVIII столетия в Москве была отмечена повсеместной реконструкцией палатных строений. Сохранилось достаточно много старинных каменных зданий, сменивших свой декор на барочную отделку: это и палаты Долгоруких в Колпачном переулке (дом № 6), и дом № 11 по Маросейке, и палаты в Кривоколенном переулке (дом № 10), и дом Паниных на Мясницкой улице, стоящий напротив (№ 43, впоследствии дом А.И. Лобанова-Ростовского). Такова была судьба и дома П.Я. Голицына.

Неизвестно, как стали выглядеть тогда интерьеры дома, поскольку они сохранились в обработке второй половины XIX века, но его внешний облик был восстановлен во время реставрационных работ 1997 года и вновь обрел барочный декор, характерный для середины XVIII века⁶.

Все восстановленные элементы декоративного решения фасадов дома Петра Яковлевича Голицына позволяют полюбоваться его яркой красотой и увидеть особенности архитектуры первой половины и середины XVIII века. Четкий прямоугольный в плане объем старых палат расчленен на высокий цокольный и основной этажи. Нижняя часть дома более тяжеловесна и массивна, обработана горизонтальным рустом — узкими рельефными полосами, имитирующими подчеркнuto регулярную каменную

⁵ Там же. 1898. Т. 8. С. 181.

⁶ Плужников В.И. Организация фасада в архитектуре русского барокко // Русское искусство барокко. Материалы и исследования. М., 1977. С. 88–127.

кладку. Строгие линии руста служат скромным, словно штрихованным фоном для небольших квадратных окон, имеющих завершение в виде «лучка», как говорили в старину, то есть слабо натянутого лука.

Второй этаж палат особенно хорош. Плоскость стены здесь гладкая, но, согласно законам барочной архитектуры, она почти отсутствует, де-материализуется и служит канвой для ее богатого украшения. Фасад второго этажа имеет трехчастную композицию, сохранившуюся с более ранних времен. Центральная часть подчеркнута выразительна, насыщена декоративными элементами. Она выделена плоскими пилястрами нарядного коринфского ордера, чьи капители напоминают лепные корзины с пышной растительностью и завитками. Такие же пилястры подчеркивают и углы здания. Три широко составленных окна имеют наличники с полуциркульным завершением, повторенным в более крупном масштабе в венчающем полукруглом фронте. Подобно дорожному гребню, завершающему сложную прическу, он искусно обогащает ритмический строй здания и его декоративный ряд. Прежде во фронте помещался родовой герб.

Главным украшением дома являются великолепные наличники огромных окон второго этажа. Они занимают почти всю плоскость стены и мерно делят ее. Верхняя перемычка в них не прямая, а лучковая, подобно окнам первого этажа. Окна боковых частей фасада, «зарифмованные» вокруг центрального пилястрового портика, завершены профилированными треугольными фронтонами, словно «подвешенными» своим острием к карнизу.

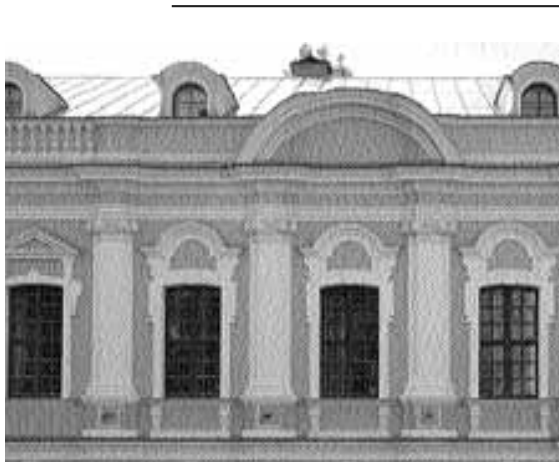
Старая архитектурная терминология, на удивление выразительная и образная, как нельзя лучше передает то открытое и радостное мироощущение, которое было свойственно эпохе барокко. Подобные наличники, например, откровенно называются «висячими», характерные боковые утолщения в их верхних углах — «ушами», свисающие с них

Общий вид дома. Фотография. 2005 г.

маленькие треугольнички — «серьгами» (если это были скругленные детали, то «капельками»), полукружия под центральными окнами — «фартуками». Такие богатые рамы барочных наличников середины XVIII века — редкость в Москве.

Удивительно, что в неприкосновенности сохранились белокаменные карнизы и профили пилястр. Облик дома прекрасно дополняет традиционный для своего времени ажурный парапет над венчающим карнизом. Дробный шаг округлых балясин парапета создает контраст крупным плоским наличникам и пилястрам. Особенно интересно главный фасад воспринимается с угла, в резком ракурсе, когда барочные формы словно оживают от игры светотени.

Фрагмент фасада. Фотография. 2005 г.

Фасады по Малому Харитоньевскому переулку и дворовый повторяют изобразительный ряд декора главного фасада. Только боковой фасад не имеет композиционных акцентов, со стороны же

двора цоколь здания гладкий, без руста, а ритм пилястров — более сложный. Такая «удвоенность» элементов художественного и пропорционального построения является отличительной чертой архитектуры барокко, создающей эффект «открытости» здания, словно оно непременно хочет понравиться и приветливо раскланивается во все стороны.

Да, к середине XVIII века коренным образом изменился традиционный характер московского жилища, было положено начало проникновению идей европейского особняка. Но едва ли не в течение всего столетия в архитектуре древней столицы продолжались борьба и взаимодействие между ними — между русской городской усадьбой и европейским домом-особняком. Причем симпатии жителей и даже позднейших писателей и мемуаристов были, скорее, на стороне не такого организованного, но живописного, уютного и привычного жилья, где можно было чувствовать себя вполне на свободе и не входить в чрезмерные расходы⁷.

⁷ Швидковский Д.О., Шорбан Е.А.
Московские особняки. М., 1997. С. 11.

Прусский дипломат Иоганн Фокеродт, пристально изучавший Россию, которую он посетил в первой трети XVIII века, вспоминал в своих записках: «Пристрастие, питаемое русским народом к городу Москве, действительно нельзя ставить ему в вину. Кому известно хозяйство русского дворянина, тот легко поймет, что пребывание в Петербурге для него должно было сделаться разорительным. Его большие расходы состоят не в дорогих платьях и домашней рухляди, или в лакомом столе и заморских винах, а во множестве кушаньев и напитков произведения отечества, в большом числе слуг обоего пола и лошадей. Все эти вещи в Москве он имеет или задаром, или по очень дешевой цене; служителям, которые все его крепостные, ему не нужно ничего давать, кроме съестных припасов, а их так же, как и для его собственного стола, и корм для лошадей, в изобилии доставляли ему его недалекие оттуда деревни»⁸.

Скорее всего, при П.Я. Голицыне преобразилась и хозяйственная часть его обширного двора. По крайней мере, на первом известном плане владения, датированном 1756 годом⁹, в глубине двора на границе с садом указан жилой деревянный флигель внушительных размеров. Этот план был сделан уже при новом владельце — коллежском асессоре Филиппе Васильевиче Новосильцеве, которому Голицын продал свою усадьбу с садом в 1753 году, как уже говорилось, за огромную по тем временам сумму — 1900 рублей¹⁰.

Вид дома с угла Малого Харитоньевского переулка. Фотография. 2005 г.

⁸ Чтения в Обществе истории древностей российских. М., 1874. Т. II. Ч. V. С. 96.

⁹ РГАДА, ф. 931, оп. 2, д. 880, л. 2 об., 3.

¹⁰ Москва. Актовые книги XVIII столетия. М., 1898. Т. 8. С. 181.

| ДРУГ «КУРЛЯНДСКОГО КАНАЛЫ»

Откуда же у скромного коллежского асессора Новосильцева были средства для приобретения такой дорогой усадьбы? Оказывается, он унаследовал их от своего отца, бывшего одним из самых влиятельных людей при дворе Анны Иоанновны и Бирона.

Подобно Голицыным, дворянский род Новосильцевых основателем своим имел инородца. Это был выходец из «Свейского королевства», то бишь Швеции, прибывший в Москву в 1376 году ко двору великого князя Дмитрия Ивановича Донского. «Муж честен именем Шель» получил на Руси при крещении имя Юрия Шалого. Его сын Яков Юрьевич, по прозванию Новосилец, стал родоначальником Новосильцевых. Он был окольничим князя Владимира Андреевича Храброго, выстроил по его приказу город Серпухов и был там первым наместником. Их потомки Новосильцевы служили при дворах боярских воевод, в посланниках, стольниках и в других чинах и были жалованы от государей деньгами и поместьями¹.

При Анне Иоанновне особенно выдвинулся ловкий царедворец Василий Яковлевич Новосильцев (1680—1743). В 1730 году после смерти Петра II он активно выступал против высшего государственного учреждения России — Верховного Тайного Совета во главе с князем Д.М. Голицыным, пытавшегося ограничить императорскую власть в интересах аристократии. Верховники — члены Совета — пригласили на престол Анну Иоанновну и предложили ей подписать условия («кондиции»), ограничивавшие ее власть.

Василий Яковлевич Новосильцев как представитель старинной родовой знати сохранял приверженность традиционной русской монархии. В его доме помещалась штаб-квартира, где проходили собрания партии единомышленников и подписывалась петиция верховникам — «Произвольное и согласное разсуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственном»². Верховный Совет

¹ Бобринский А. *Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской империи*. СПб., 1890. Ч. I. С. 424.

² Татищев В.Н. *Избранные произведения*.

«презрил» сей документ, и тогда шляхетство в челобитной императрице стало просить об «отрешении оного беспутства», что «благополучно без всякого смятения» и совершилось. Анна Иоанновна разорвала «кондиции», Верховный Тайный Совет упразднила, а неугодных заточила в крепость или сослала.

Новая императрица начала свое правление с восстановления Сената в той силе, какой он обладал при Петре I. Анна Иоанновна сама, без всяких выборов, назначила 21 члена Сената. В числе сенаторов был и Василий Яковлевич Новосильцев. Анна оценила его верноподданные чувства и осыпала чинами и высокими должностями. В день коронации императрицы Новосильцев был произведен в тайные советники, позже стал кавалером ордена Святого Александра Невского. Еще во времена Петра I и его преемников он являлся президентом Мануфактур-коллегии (говоря современным языком, министром промышленности), при Анне Иоанновне же был назначен президентом Коммерц-коллегии (министром торговли) и заведующим Генеральным кригс-комиссариатом (на него возлагалось заведование всей хозяйственной и административной частью в армии и преследование нарушений интересов казны). Последнее назначение было особенно ответственным, поскольку Анна Иоанновна проводила последовательную реформу армии.

Во главе управления государством стоял фаворит императрицы граф Эрнст Иоганн Бирон, завоевавший сердце Анны Иоанновны своей наружностью и любезностью еще в Митаве (прежнее название города Елгава в Латвии), где Анна жила до приезда в Россию. Как писал известный историк В.О. Ключевский, «не доверяя русским, Анна поставила на страже своей безопасности кучу иноземцев, навезенных из Митавы и из разных немецких углов. Немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные места в управлении»³.

Время правления Анны Иоанновны вошло в русскую историю под названием «бионовщины». Э.И. Бирон из «курляндского канала» превратился в вершителя судеб России. Одним из близких людей к всемогущественному Бирону, «великолепному Бирону», как подобо-страстно называли его при дворе, стал Василий Яковлевич Новосильцев. Можно лишь догадываться, на какие жертвы и компромиссы пришлось ему пойти, поскольку тогда русским было очень нелегко удержаться при немцах.

Л., 1979. С. 146–152.

³ Ключевский В.О. Курс русской истории. Часть IV // Собрание сочинений. М., 1989.

О русских Бирон вообще отзывался с презрением. Кто из них не сумел поставить себя независимо или стать необходимым своими знаниями, талантами или просто угождением, занимали самые низкие должности. Даже сенаторам оставалось лишь почтительно кланяться и покорно переносить дерзости любимца императрицы. Люди самые высокопоставленные и родовитые, князья Барятинский, Шаховской, Трубецкой, целовали руку Бирона⁴. И не было в России человека, над которым не висела бы опасность его гнева.

Но лишь стоило Анне Иоанновне оказаться на смертном одре, как сразу же вспыхнул тот «горючий материал негодования, обильно копившийся 10 лет... Смерть Анны развязала языки, а оскорбительное регентство Бирона толкало к действию»⁵. Гвардия дожидалась только похорон императрицы, чтобы начать действия против него. На Бирона складывали все бедствия прошлого тяжелого царствования. Он был арестован, неоднократно подвергался допросам. По иронии судьбы несколько раз чинил допрос и Новосильцев. Вместе с другими следователями он подписал такую «сентенцию»: «Его Бирона... казнить смертию, четвертовать и все его движимые и недвижимые имущества конфисковать»⁶. Обвинительный акт содержал целое историческое исследование, где приговоренного сравнивали с Борисом Годуновым. Смертную казнь милостиво заменили ссылкой в захудалый город Пелым Тобольской губернии, позже в Ярославль.

И хотя Бирон, как выразился историк М.К. Любавский, «открыл полет немцев вниз»⁷, досталось и многим русским, близким к бывшему фавориту покойной императрицы. В их числе пострадал и В.Я. Новосильцев. Анна Леопольдовна, объявленная «правительницей» при новорожденном сыне Иване VI Антоновиче, после падения Бирона арестовала Новосильцева и сослала его в деревню⁸. Но поскольку правление ее было недолгим — всего-то год, — у опального Новосильцева не успели даже конфисковать имущество, как новая императрица Елизавета Петровна вернула его ко двору.

А имущество и владения у сенатора В.Я. Новосильцева были, естественно, немалыми. Например, в Петербурге ему принадлежал целый остров — Гутуевский⁹. После смерти В.Я. Новосильцева в 1743 году все унаследовал его сын Филипп Васильевич (1721 — 1792). Отцовские деньги позволили ему купить у П.Я. Голицына большой обустроенный двор на Мясницкой улице. В отличие от отца Ф.В. Новосильцев был

Т. IV. С. 272.

⁴ Долгоруков П. Записки / Рассказы по русской истории. М., 1995. С. 342.

⁵ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 277.

⁶ Русский биографический словарь. СПб., 1908. Т. 3 С. 67.

⁷ Любавский М.К. Русская история XVII-XVIII

веков. СПб., 2002. С. 331.

⁸ Строев В. Бироновщина и Кабинет министров. Очерк внутренней политики Императрицы Анны. М., 1909. Ч. 1. С. 95.

⁹ Азбучный указатель имен русских деятелей, для Русского биографического словаря.

частным человеком, «гипохондриком», как охарактеризовал его близкий знакомый, писатель И.М. Долгоруков, в автобиографической книге «Капище моего сердца». Он писал, что Новосильцев часто посещал дом Долгоруких и всегда привозил с собой дочь Варвару — «милую девушку, которая одарена была от природы характером любезным и простодушным»¹⁰. Был у него и сын Иван, ставший впоследствии тайным советником и сенатором.

Надворный советник Филипп Васильевич Новосильцев скончался в 1792 году и был похоронен в московском Новопасском монастыре, который служил местом родового погребения древней фамилии Новосильцевых.

Nendeln: Kraus repr., 1976. Ч. II. С. 92.

¹⁰ Долгорукий И.М. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я бывал в разных отношениях в течение моей жизни. М., 1874. С. 317.

НАУЧНЫЕ И НЕНАУЧНЫЕ УВЛЕЧЕНИЯ КНЯЗЯ УРУСОВА

Исторический план 1772 года указывает нового владельца усадьбы на Мясницкой улице — полковника князя Александра Васильевича Урусова¹. Позже она перешла к его сыну Александру Александровичу. Усадьба принадлежала Урусовым очень долго — до 1809 года. Даже ближайший «проезжий» переулок (ныне Малый Харитоньевский) одно время назывался Урусовским по имени этих владельцев.

Род Урусовых был древний, восходил к татарским ногайским ханам. Вообще княжеские фамилии татарского происхождения укоренились на Руси во второй половине XIV — начале XV века. К ним относятся фамилии известные — Годуновы, Юсуповы, Урусовы, Аксаковы, Тютчевы, Кочубей, Кантемиры, Чаадаевы — и мало знакомые, а то и угасшие роды — Сибирские, Бекбулатовы, Кудашевы, Нарымовы, Ачкасовы, Кугушевы и другие.

Князья Урусовы произошли от владетелей ногайских, родоначальником которых был знаменитый Едигей Мангит — любимый военачальник Тамерлана, потом могущественный вельможа в Золотой Орде. Он был победителем великого князя литовского Витольда на берегах Ворсклы в 1399 году, осаждал Москву и в 1407 году разорил Троице-Сергиеву Лавру. Впоследствии он стал владетельным князем улусов (родовых союзов) ногайских татар, кочевавших по обеим сторонам Волги от Казани до Уральских гор, до Астрахани и пределов Крыма².

Правнуки Едигея Мангита стали родоначальниками самостоятельных ветвей — князей Юсуповых, Шейдяковых, Кутумовых и Байтереховых. Три последних рода угасли еще в XVIII веке, Юсуповы же оставили заметный след в истории России. Мурза Урус Магмет Айдарович, по разрядным книгам Уруслан, князь ногайский, переселился на Русь и получил в 1600 году от царя Бориса Годунова город Касимов во владение с титулом царя. Урус-Мурза и считается основателем рода Урусовых. Многие из его потомков приняли православие и получили фамилию и звание князей Урусовых, были в знатных чинах.

¹ РГАДА, ф. 931, оп. 2, д. 4037, л. 2.

² Бобринский А. *Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской империи*. СПб., 1890. Ч. I. С. 480.

Влияние Урусовых при дворе возросло во время Смуты. В 1610 году Лжедмитрий II — Тушинский вор — убил в Калуге касимовского царя Урус-Мурзу. Тогда его внук Урак, получивший при крещении имя Петра Арслановича Урусова, начальник татарской стражи Лжедмитрия, заманил его в ловушку, убил и вместе с товарищами бежал в степи. Оставшиеся в Калуге две сотни татар были перебиты казаками³. И тут, как в сказке про дракона, у которого вместо одной срубленной головы вырастали три новые, на Руси объявилось много новых «воровских государей». Одного из них, также Димитрия, в Астрахани выставил «князь Петр Урусов, который калужского убил»⁴. Конечно, это был невыигрышный ход.

Князья Урусовы занимали высокое положение в Московском государстве. При Алексее Михайловиче они, в числе других знатнейших шестнадцати фамилий, жаловались прямо в бояре, минуя чин окольничего. Многие из них были воеводами. Князь Семен Андреевич Урусов был героем литовской кампании 1655 года, его сын Федор Семенович — начальником Пушкарского приказа. Известна староверка, ярая защитница протопопа Аввакума Евдокия Прокофьевна Урусова — сестра знаменитой боярыни Ф.П. Морозовой. Позже были среди Урусовых сенаторы, члены Государственного совета, даже три писательницы.

Хозяин усадьбы на Мясницкой улице полковник князь Александр Александрович Урусов (ум. 1828) был известен в Москве как любитель и знаток русских древностей, нумизмат и собиратель естественнонаучной коллекции. Он с детских лет увлекался естествознанием, слушал лекции за границей. В 1780 году князь Урусов издал научный труд под названием «Опыт естественной истории», содержащий в себе ориктологию — науку описания земель, мелов, глин, песков, камней, солей, смол, полуметаллов, металлов и прочего. Его коллекция — плод сорокалетних трудов — заключала собрание минералов, драгоценных камней, редких энкаустических и мозаических картин и мозаик, монет и медалей и была редчайшей не только в России, но и в Европе.

Вообще собирательство было очень распространено в России во второй половине XVIII века. Конечно, такие научные, тщательно подобранные коллекции, как у Урусова, были редкостью. В основном дворянство собирало предметы искусства — картины, мраморы, а также библиотеки. «Можно подумать, — писал путешественник Кларк, бывший в Москве в последних годах XVIII столетия, — что обообрали всю Европу для составления богатейших московских музеев»⁵.

³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга IV // Собрание сочинений.

М., 1989. Т. 7–8. С. 600.

⁴ Там же. С. 645.

⁵ Clarke. Voyages en Russia, en Tartarie et en

Многие жертвовали свои коллекции учебным заведениям, особенно Московскому университету. В среде достойных, образованных вельмож считалось хорошим тоном соревноваться в благотворительности. В 1785—1786 годах императрица Екатерина II купила дом и подарила его Московскому университету, пожаловала большие суммы на постройку главного университетского здания, позже неоднократно умножала его годовой доход. Вслед за ней некоторые частные лица стали жертвовать университету денежные средства и различные пособия, свои собрания. Так, П.А. Демидов, Я.Б. Твердышев и П.А. Татищев создали пансионы, на которые можно было содержать большое число студентов. П.Г. Демидов (двоюродный брат П.А. Демидова) купил собрание моделей, относящихся к горному и плавильному искусству. П.С. Сумароков подарил университету свой дом за Красными воротами, с садом и оранжереями, для заведения ботанического сада. А.С. Строганов прислал значительное собрание вещей для анатомического и зоологического кабинетов. И такие примеры можно продолжить.

В числе этих благородных людей, «усердных ревнителей просвещения», был и князь Александр Александрович Урусов. В 1806 году он подарил Московскому университету свою бесценную коллекцию и прекрасную библиотеку⁶. Один из современников, «старый театрал» С.П. Жихарев оставил тогда в своем дневнике такую запись: «П.П. Бекетов (известный издатель. — Т.Д.) и князь А.А. Урусов пожертвовали университету своими собраниями дорогих камней и чучел разных птиц и животных. Спасибо. Если б нашлось поболее таких жертвователей, то университетский музей вскоре бы обогатился; к несчастью, они редки»⁷. В университетском Музее натуральной истории, открытом для публики годом раньше, в 1805 году, более половины естественнонаучной коллекции составлял дар Урусова. Этот музей был одним из первых в Европе.

К сожалению, большая часть этого уникального собрания погибла в пожаре 1812 года. Погибли почти весь естественнонаучный музей, библиотека, имевшая более двадцати тысяч книг, великолепное собрание физических, астрологических, химических, хирургических и акушерских инструментов. Однако самые редкие экспонаты из систематического собрания ископаемых удалось спасти и вывезти из горевшей Москвы.

В 1824 году в актовом зале университета установили две памятные доски, на которых «для всегдашней памяти» золотыми буквами были

Turquie. I. 108.

⁶ Шевырев С.П. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. М., 1855. С. 369.

⁷ Жихарев С.П. Записки современника.

начертаны имена его благотворителей. Среди них в числе первых был назван и князь Александр Александрович Урусов.

Дневники С.П. Жихарева рассказывают и об увлечении князя Урусова совсем иного рода. Даже не об увлечении — о страсти, поскольку именно это слово более точно передает накал чувств истинного картежника, трепетный восторг от игры. Во время золотого века русской истории — царствования Екатерины II — играли поголовно везде и все с большим размахом. Даже и при дворе резались с упоением, несмотря на строжайший запрет⁸. Чуть ли не в каждом барском доме, будь то Петербург или Москва, «кипел банк». Деньги, когда выходили все, заменялись крестьянскими душами. Сотнями и даже тысячами их ставили на кон, и люди, прожившие спать в одном владении, просыпались уже в другом. Ведь и в ломбард живые души закладывались... Сколько поломанных судеб, сколько трагедий!

Москва тогда несколько не уступала северной столице в своем увлечении. А в размахе даже и превосходила: все-таки от высочайшего ока подальше. Были, конечно, тайные игорные заведения, но люди благородного звания играли в основном по своим домам. Так оно надежней и спокойней. Одним из таких «злачных мест» был дом князя Александра Александровича Урусова на Мясницкой улице, где часто играли по-крупному. Вот так колоритно описывает очевидец произошедший там «молодецкий проигрыш и еще более молодецкий отыгрыш нашего Л.Д. Измайлова» (рязанского помещика. — Т.Д.):

«Он понтировал у князя Урусова, державшего огромный банк вместе с князем Шаховским и многими другими дольщиками. Лев Дмитриевич... подойдя к столу, схватил первую попавшуюся ему карту, поставил ее темною и сказал: «Бейте пятьдесят тысяч рублей». Банкомет положил карты на стол и стал советоваться с товарищами. «Почему ж не бить? — сказал

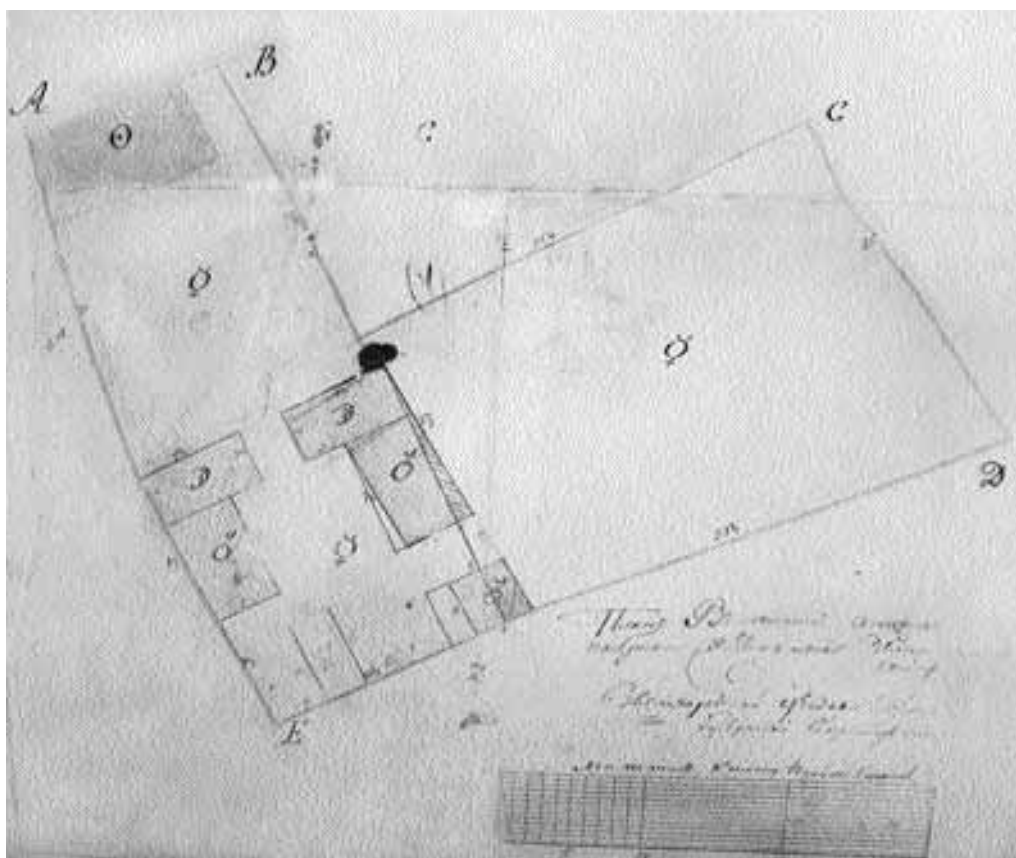
И.С. Бугаевский-Благодарный.
Карточный проигрыш. 1810-е гг.

Дневник чиновника. Л., 1989. Т. 2. С. 9.
⁸ Репин Л.Б. Москва — моя и твоя, или
Прогулки по старой Москве в поисках тех,

князь Шаховской. — Карта глупа, а не бивши не убьешь». Князь Урусов взял карты, и соника убил даму. Измайлов не переменялся в лице, отошел от стола и сказал только: «Тасуйте карты; я сниму сам». Банкомет стасовал карты и посоветовался еще раз с товарищами. Измайлов подошел опять к столу и велел прокинуть. Князь Урусов прокинул. «Фоска идет 50 000», и во втором абцуге Измайлов добавил 50 000 мазу. У банкмета затряслись руки, и он взглянул на товарища так жалостно, что князь Шаховской, не выдержав, усмехнулся и сказал ему: «Ну что ж? знай свое, мечи да и только». Банкомет повиновался, и через несколько абцугов трефовая десятка проиграла Измайлову... Он схватил новые карты, выдернул из середины червонную двойку и сказал: «Полтораستا». Банкомет помертвел и остоленел; минуты две продолжалась его нерешимость, бить или не бить страшную карту, но князь Шаховской, искусный пользоваться благосклонностью фортуны, опять ободрил своего собрата: «Чего испугался? не свои бьешь». Князь Урусов заметал: долго не выходила поставленная карта, и все присутствующие оставались в каком-то необыкновенно томительном ожидании, устремляя неподвижные взгляды на роковую карту, одиноко белевшуюся на огромном зеленом столе, потому что другие понтеры играть перестали. Наконец князь Урусов, против обыкновения своего, стал метать, не закрывая карт своей стороны, и — червонная двойка упала направо. «Ух!» — вскрикнул банкомет. «Ух!» — повторили его товарищи. «Ух!» — возгласила свита Измайлова, но сам он, не изменившись в лице и не смутившись нимало, отошел от стола, взял шляпу, поклонился хозяевам и промолвил: «До завтра, господа: утро вечера мудренее»⁹. На следующий день вечером у князя Урусова опять играли. Л.Д. Измайлов сумел отыграться.

Своеобразные карточные термины — выиграть соника, добавить мазу, абцуг, прометка талии — передают здесь горячий пульс игры. А полтораستا тысяч, проигранные рязанским помещиком-самодуром за один вечер, равнялись той сумме, в которую была оценена уникальная коллекция князя Урусова¹⁰.

Стало быть, дом Урусова был тогда хорошо известен в Москве. Мясницкая улица превратилась к этому времени в настоящую «барскую улицу», ухоженную и оживленную. Знаменитые зодчие возвели на ней дворцы для московских богачей. В.И. Баженов построил дом И.И. Юшкова (№ 21, ныне Институт живописи, ваяния и зодчества) у бывших Мясницких ворот, разобранных в 1780 году. Прекрасное

«Геометрический план дома полковника князя А.А. Урусова». 1803 г.

На углу Мясницкой улицы и переулка на дворе Урусова показан простой прямоугольный объем дома. Далее, на месте нынешнего владения № 5 по Малому Харитоньевскому переулку, располагался хозяйственный двор со служебными постройками, от которого в глубину квартала отходила территория обширного сада.

Экспликация чертежа:

А–В – Мясницкая улица;

В–С – владение купца К.Ф. Одинцова;

С–Д – владение майора П.А. Татищева;

Д–Е – подворье Чудова монастыря;

Е–А – Малый Харитоньевский переулоч.

соседство было и у Урусова. Рядом с его двором, через переулок, по проекту известного архитектора М.Ф. Казакова был выстроен великолепный ансамбль усадьбы И.И. Барышникова (дом № 42, в котором теперь помещается редакция газеты «Аргументы и факты»), а напротив, по другую сторону улицы Ф. Кампорези переделал в новом классическом вкусе старинные палаты графа П.И. Панина (дом № 43), хозяином которых в то время был уже А.И. Лобанов-Ростовский.

Значительной реконструкции подверглись и другие здания на Мясницкой улице, упрочившие ее престиж и значимость в жизни большого города. В 1783 году в бывших палатах А.Д. Меншикова, позднее увеличенных пристройками, открылся Московский почтамт. В 1768 году, когда в Петербурге и Москве были учреждены «ассигнационные банки» для обмена ассигнаций на серебро, в доме Строгановых открыли первый московский банк (дом № 24). Вот почему переулок возле дома до сих пор называется Банковским.

Конечно, такое соседство не то чтобы обязывало, но побуждало к действию. К началу XIX столетия усадьба Александра Александровича Урусова — а это была именно городская усадьба — на Мясницкой улице выглядела внушительно, претерпев изменения со времен предыдущего владельца. Ее территория была разделена на три основные зоны — парадную, хозяйственную и сад. Парадную часть, ориентированную на Мясницкую, по-прежнему формировал главный дом и просторный двор за ним, на который заезжали через ворота, расположенные слева от дома.

Позади в переулке был устроен хозяйственный двор. Вместо «деревянного жилого строения», показанного здесь при Ф.В. Новосильцеве на плане 1756 года⁹, А.В. Урусов, отец Александра Александровича, возвел два Г-образных каменных корпуса¹⁰.

Середина XVIII века была временем смены художественных стилей. Переход от барокко к классицизму — один из самых быстрых в смене стилей русской архитектуры. Если на конец 1750-х годов пришелся расцвет барокко, то в середине 1760-х широкое распространение уже получил классицизм. Сочной декоративности и динамизму форм барокко стала противостоять чуть суховатая рационалистическая архитектура раннего классицизма. В подчеркнута простых, строгих формах и были возведены новые служебные флигеля усадьбы Урусова. Да и вся структура застройки хозяйственной зоны отвечала принципам

⁹ Жихарев С.П. Указ. соч. С. 174–175.

¹⁰ Шевырев С.П. Указ. соч. С. 369–370.

нового стиля. Парные флигеля были возведены по законам симметрии, являющимся краеугольным камнем классицистической архитектуры. Симметричные Г-образные корпуса служб располагались по центральной оси усадьбы и образовывали замкнутый хозяйственный двор, отделенный от двора парадного, словно «земное» от «возвышенного».

В таком виде, с незначительными изменениями, усадьба просуществовала почти сорок лет — большой срок для владения, расположенного на одной из главных улиц города, где каждый хозяин старался не отстать от века, а каждый дом — обратить на себя внимание если не богатством, то новшеством. Фиксационный «план московскому двору» полковника князя А.А. Урусова 1791 года¹³ дословно повторяет план 1772 года. Интересно отметить, что в экспликации к этому плану сооружения на дворе Урусова значатся как «строение каменное в два и одно жилье построено в давнем времени». План 1801 года тоже аналогичен более раннему¹⁴.

А вот «геометрический план дому» 1803 года дополняет известную информацию конкретными сведениями об этажности и функции застройки. Главный дом по Мясницкой обозначен как строение «каменное двухэтажное жилое», парные одноэтажные Г-образные корпуса своими жилыми частями обращены на парадный двор, а протяженными нежилыми объемами выходят на хозяйственную зону. Здесь же в углу на границе с садом располагался еще один квадратный каменный корпус. Все эти строения, кроме флигеля по Харитоньевскому переулку, сохранились до наших дней, правда, в перестроенном виде, на территории соседнего домовладения № 3 по Малому Харитоньевскому переулку. На плане также впервые целиком показан огромный сад усадьбы, площадь которого почти равна территории основной части владения.

Вот в таком богатом, самодостаточном виде перешагнула порог XIX столетия усадьба Урусовых: полубарочная, полуклассическая, с обширным садом, уцелевшим еще с нарышкинских времен.

¹¹ РГАДА, ф. 931, оп. 2, д. 880, л. 2 об., 3.

¹² ЦИАМ, ф. 105, оп. 9, д. 1150, л. 6.

¹³ Там же. Л. 4.

¹⁴ ЦИАМ, ф. 171, оп. 1, д. 1637, л. 2–3.

«ВЕЛИКАЯ НЕПОСЕДКА» БАРТЕНЕВА И ЕЕ БОЛЬШОЕ СЕМЕЙСТВО

В 1809 году хозяйкой владения становится гвардии поручица Прасковья Николаевна Бутурлина, урожденная Мансурова, вдова Ивана Николаевича Бутурлина (ум. 1802). Она незамедлительно приступает к реконструкции своей усадьбы, что видно из архивных источников. «Квартирные книги Яузской части», к которой относился дальний отрезок Мясницкой улицы, зафиксировали значительное увеличение жилых покоев во владении Бутурлиной¹. Это произошло за счет расширения северо-восточного флигеля, граничащего с садом, и надстройки над ним второго этажа. И хотя планировка усадьбы осталась прежней, ее хозяйственный двор стал выглядеть более представительным. Образующие его одноэтажные служебные постройки были также расширены, а вдоль одной из них шла протяженная широкая галерея².

Большие бедствия усадьбе П.Н. Бутурлиной причинил пожар Москвы 1812 года. Многие современники описали это страшное событие, включая самого Наполеона, который был потрясен увиденным и пережитым в древней столице России: «Это было огненное море, небо и тучи казались пылающими, горы красного крутящегося пламени, как огромные морские волны, вдруг вскидывались, подымались к пылающему небу и падали затем в огненный океан. О! это было величайшее и самое устрашающее зрелище, когда-либо виданное человечеством!!!»³.

Бедствие было настолько значительным, что очевидцы приходили к единодушному мнению: Москвы не стало. Из 9151 дома, как свидетельствуют документы, уцелело только 2626. Яузская часть принадлежала к числу наиболее пострадавших. Здесь, как указано в «Генеральном плане столичного города Москвы с назначением сгоревших домов...», осталось только сорок семь уцелевших владений⁴.

В полосу пожара попало и владение П.Н. Бутурлиной. Дом горел, а вот каменные двухэтажные службы не пострадали. В 1813—1814 годах

¹ ЦИАМ, ф. 14, оп. 6, д. 18, л. 14 об.

² ЦАНТДМ, ф. 1, Яузская часть 10/8, д. 2, л. 2.

³ Цит. по: Московский летописец. М., 1988.
Вып. I. С. 65.

⁴ Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А.В. Щусева (ГНИМА), Р I 10410/ 8.

усадьба была полностью восстановлена⁵. Надо отметить, что это были просто рекордные сроки, поскольку далеко не все владельцы могли так быстро отстроиться, и погорелые здания в Москве были не редкостью даже спустя два десятилетия.

В начале 1820-х годов в доме П.Н. Бутурлиной жила большая семья ее дочери Феодосии Ивановны Бартеневой (1790—1835). Бартеневы — старинный дворянский род, ведущий свою родословную со времен Ивана III. В первой половине XVI века многие Бартеневы — так они тогда писались — участвовали в различных военных походах — колыванском, казанском, шведском, полоцком. Позже фамилия Бартеневых разделилась на семь ветвей, связь между которыми с годами стало трудно отыскать. Один из самых известных представителей рода — Петр Иванович Бартенев, историк, основатель и бессменный редактор журнала «Русский архив», который издавался в Москве с 1863 года.

Муж Феодосии Ивановны Арсений Иванович Бартенев (1780—1861) принадлежал ко второй ветви рода. В царствование Александра I он служил курским военным губернатором, позже стал статским советником, сенатором⁶, что не мешало ему быть никчемным, пустым человеком, который жил исключительно сплетнями и ничуть не интересовался домашними делами. После выхода в отставку Бартенев с семьей поселился в Москве в доме тещи на Мясницкой улице. В отстроенной и похорошевшей городской усадьбе нашлось место для всего большого семейства Бартеневых, у которых было девять детей. Четверо сыновей и пять дочерей вольготно чувствовали себя в большом доме и огромном саду.

Семейство Бартеневых было в Москве притчей во языцех. Дом их из-за бедности был пуст в самом прямом смысле слова — не только еда, но и мебель в нем почти отсутствовала. Зато имелись соответствующие дворянину средства передвижения — огромная карета-рыдван,

*Московская улица после пожара 1812 г.
Литография. Начало XIX в.*

⁵ ЦИАМ, ф. 14, оп. 6, д. 127, л. 6 об., 7.

⁶ Петров П.Н. История родов русского дворянства. М., 1991. Кн. 2. С. 190.

четверня лошадей, крепостной кучер, фореитор и лакей. Безалаберный быт этой семьи и странную жизнь детей красочно описала Е.П. Янькова — автор интереснейших воспоминаний под названием «Рассказы бабушки», собранных ее внуком:

«В Москве была одна Бартенева, урожденная Бутурлина; звали ее Федосья Ивановна. Она была очень недурна собой, премилая, прелю-

П.А. Бартенева. Портрет ра-
боты К.П. Брюллова. 1830-е гг.

безная и женщина очень хороших правил, но великая непоседка, потому что была охотница веселиться и мыкаться из дома в дом. У нее было несколько человек детей — дочери и мальчики. Как начнется день, насажает она своих детей в четверместную свою карету и поедет в гости. Где есть дети, она туда привезет и своих: в том доме, положим, барышни берут урок музыки, вот она и просит хозяйку: «Позвольте и моим девочкам послушать, как ваши дочери играют».

Так прикинет своих дочерей, а сама с мальчиками отправится, где есть мальчики. В том доме какой-нибудь учитель истории или математики: «Ваши сыновья за уроком, ну и очень хорошо, позвольте и моим послушать». Тут она бросит мальчиков, а сама поедет куда-нибудь обедать, а вечером заедет за мальчиками, а потом за девочками — и домой. Такие путешествия она совершала каждый день и детей

не кормила и не учила дома. Если же ей почему-нибудь не удавалось где-нибудь разместить своих детей на день, она или возила их с собой по гостям, или же оставляла их в карете, в которую клали на всякий случай что-нибудь съестное, ежели дети проголодаются, чтоб им было что поесть, и так как в карете бывали и крошки, и всякие объедки, то, говорят, в ее карете наконец развелись мыши и пользовались детскими съестными припасами. Дети так привыкли к этой кочующей жизни, что говаривали: «Нам нужен дом только для того, чтобы переночевать, а днем нам нужна большая карета; жаль только, что наша без печи, потому что бывает холодно, а то бы нам и дом не нужен»⁷.

⁷ Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989. С. 182–183.

Однажды при разъезде с бала мать не досчиталась одной дочки. Все обыскали — пропала! Феодосия Ивановна уже пришла в отчаяние, когда отъезжающие гости нашли девочку уснувшей под их шубами. Оказалось, она озябла в карете, вошла погреться в дом и заснула под ворохом теплой одежды⁸.

Другой раз, когда мать зимой веселилась на балу у московского генерал-губернатора Д.В. Голицына, дети, чтобы немножко согреться, стали пищать и резвиться в карете. Камердинер генерал-губернатора не стерпел происходящего и, жалея сироток при живых родителях, доложил своему хозяину, что в карете у Бартеневой дети мерзнут и плачут. Князь Д.В. Голицын приказал перенести их в свой кабинет, накормить и положить спать на больших диванах. «И после этого случая всякий раз, когда Бартенева придет к нему на бал, он и вспомнит про детей и пошлет за ними, опять их переносят к нему в кабинет, и, пока их мать танцует, они опять у него в кабинете, опять в ожидании конца бала. Вот какие еще бывали матери»⁹, — сокрушалась «бабушка Янькова».

Со временем от бывлой красоты Ф.И. Бартеневой не осталось и следа. «Первый раз, когда я увидела Бартеневу, — вспоминала баронесса Е. Менгден, — она меня поразила своей странной внешностью. Мы обедали у Елизаветы Евгеньевны Кашкиной. Посреди обеда дверь отворилась и вошла Бартенева с многочисленными своими детьми. На ней было старое полинялое платье, полуоткрытое, без корсета, без воротничка и мантильи. Волосы были в беспорядке, глаза как-то мутно и тускло смотрели. Она имела вид слегка помешанной. Детей сейчас посадили за стол и накормили»¹⁰.

Умерла Феодосия Ивановна, когда старшей дочери Прасковье шел двадцать четвертый год, и ее взяла к себе фрейлиной императрица Александра Федоровна. Младших детей устроили в Екатерининский институт. А никчемный муж-вдовец, тщательно одетый и со взбитым коком, еще четверть века разъезжал по гостям, всякий раз радуясь, когда мог первым сообщить какую-нибудь скандальную или политическую новость.

Прасковья Арсеньевна Бартенева (1811—1872) унаследовала от матери красоту и прекрасный голос. Феодосия Ивановна в молодости училась музыке у итальянского композитора Мускети и пользовалась известностью великосветской певицы. Теперь же ее дочь Прасковья серьезно занималась пением, была ученицей М.И. Глинки, хотя и не получила

⁸ Вострышев М.И. *Московские обыватели*. М., 2003. С. 135.

⁹ *Рассказы бабушки*. Указ. соч. С. 183.

¹⁰ Менгден Е. *Из дневника внучки / Русская старина*. 1913. № 1.

систематического музыкального образования. Одаренная певица-любительница Прасковья Бартенева выступала не только в светских салонах, но и на творческих вечерах самого Глинки, которые он устраивал в 1834 году после возвращения из Италии и Австрии¹¹.

Многие восхищались чудесным сопрано Бартеневой. Ее исполнение ставили даже выше прославленной мировой знаменитости Г. Зонтаг. М.Ю. Лермонтов, Е.П. Ростопчина, И.И. Козлов, И.П. Мятлев посвящали ей свои стихи. Е.П. Ростопчина восторженно писала в стихотворении 1831 года «Певица»:

Она поет... и мне сдается,
Что чистых серафимов хор
Вдоль горних облаков несется,
Что мне их слышен разговор.

Она поет... и я мечтаю,
Что звукам арфы неземной
Иль песням пери молодой
Я в упоении внимаю.

Она поет... и сердцу больно,
И душу что-то шевелит,
И скорбь невнятная томит,
И плакать хочется невольно.

Она поет... и голос милый,
Тая дыханье, я ловлю,
И восхищаюсь, и люблю
Его звук томный и унылый!

Она поет... и так умеет
И грусть и чувство выражать,
Что сердцу, кем тоска владеет,
Немудрено ее понять!¹²

Прасковья Арсеньевна Бартенева была хорошей знакомой А.С. Пушкина, который в 1832 году в Москве вписал в ее альбом три стиха из «Каменного гостя»¹³. Встречались они и в Петербурге. Художник, впоследствии вице-президент Академии художеств князь Г.Г. Гага-

¹¹ М.И. Глинка. Альбом. Составитель, автор вступительной статьи и текста А.С. Розанов. М., 1987. С. 58.

¹² Ростопчина Е.П. Талисман. Избранная лирика. Драма. Документы, письма, воспоминания. М., 1987. С. 24–25.

¹³ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.–Л., 1935. С. 861.

рин однажды сделал зарисовку завтрака в гостинице Демута, на котором в числе участников были Пушкин и Бартенева¹⁴.

А.О. Смирнова-Россет в своих воспоминаниях много пишет о жизни императорского двора, упоминает и фрейлину Полину Бартеневу, иллюстрируя этим именем известную пушкинскую строку о матери Татьяны Лариной, которая «звала Полиною Прасковью». Одной фрейлине, пишет Смирнова-Россет, «строил куры» адъютант великого князя, но она предпочла ему бедного, скромного чиновника Министерства финансов. При дворе поднялся настоящий бунт. Полина Бартенева прокомментировала это событие так: «Il ne me reste plus qu'epouser un tambourmajor» — «Мне остается только выйти замуж за полкового барабанщика»¹⁵. За тамбурмажора она, конечно, замуж не вышла, но подходящей партии для нее так и не нашлось. Прасковья Арсеньевна осталась в девицах.

Две ее младшие сестры также стали фрейлинами. Один из братьев числился камер-юнкером, другой служил поручиком лейб-гвардии Преображенского полка, третий имел чин генерал-майора. Придворные и военные должности требовали их постоянного пребывания при дворе в северной столице. Так что со временем все семейство Бартеневых окончательно переселилось в Петербург.

¹⁴ Пушкин и его время. Вып. 1. Л., 1962. С. 382.

¹⁵ Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 199–200.

I OTIUM CUM DIGNITALE

Дальнейшие перестройки в усадьбе были связаны уже со следующими ее владельцами. В 1825 году усадьбу купила тайная советница Надежда Михайловна Арсеньева. Согласно «Квартирным книгам Яузской части», в том же году на ее дворе был «вновь выстроен каменной корпус и к оному пристроено деревянное жилое строение»¹.

Об этих изменениях дает представление план усадьбы 1827 года, выполненный по запросу Квартирной экспедиции «по поданному объявлению для освобождения от постоянной повинности»². Еще петровским указом была установлена обязанность домовладельцев размещать в своих домах солдат московского гарнизона. Только с выходом в 1797 году указа Павла I, разрешившего сбор средств на постройку казарм, начинается постепенное освобождение домовладельцев от этой повинности — на владениях горожан, исправно плативших деньги на их строительство, появились таблички: «Свободен от постоя». Получил ее и дом Н.М. Арсеньевой.

На плане 1827 года видно, что к заднему фасаду главного дома со стороны двора были пристроены два ризалита, разных по размеру. В маленьком правом ризалите разместился парадный вход, находящийся на этом месте и поныне, а по левой боковой оси возвели довольно значительное по объему жилое двухэтажное крыло, частью каменное, частью деревянное, ставшее предшественником существующего ныне корпуса.

Облик главного дома усадьбы Арсеньевых доносит чертеж более позднего времени, выполненный в 1847 году³ — в год продажи участка новому владельцу. В нем узнаются прежний объем, знакомые членения фасада и основные элементы его ритмической организации, но все они уже потеряли простодушную привлекательность барокко. Классицизм, пришедший на смену барокко, исповедовал совсем другие принципы, основанные на творческом осмыслении наследия античности и Ренессанса. Ясные и логичные архитектурные образы, рационализм

¹ ЦИАМ, ф. 14, оп. 6. д. 389, л. 32 об., 33.

² ЦАНТДМ, ф. 1, Яузская часть 10/8, д. 2, л. 2.

³ Там же. Д. 3, л. 3.

художественного языка стали основными факторами формообразования нового стиля. Если барокко понимало красоту как богатство, декоративный блеск и динамическое разнообразие, то классицизм осознал ее, согласно знаменитой формулировке французского философа и эстетика И. Тэна, как «благородную простоту и спокойное величие».

Облик старого дома при Арсеньевых получил интерпретацию в духе классицизма. Вернее, не классицизма, а ампира — его поздней и заключительной стадии, господствовавшей в русском искусстве первой трети XIX века. Скромный фасад дома Арсеньевых отличался простой форм и декора, пожалуй, даже излишней строгостью и лаконизмом, характерными для ампира. Внешний вид дома в первую очередь определяли спокойный фон гладкой стены с упрощенным мотивом деталей и четкие горизонталы карнизов.

Первый этаж почти не подвергся изменениям. Он по-прежнему был обработан рустом, а небольшие окна имели такое же лучковое завершение, как и в середине XVIII века. Эти элементы, как уже говорилось, оказались на удивление живучими и сохранились до настоящего времени. Плоские выступы — пилястры в центре здания имитировали классический портик, в котором помещались три высоких арочных окна, служивших главным — и единственным — украшением этого незамысловатого фасада. Окна боковых частей, меньшие по размеру, обрамляли простые рамочные наличники.

Упрощенный, если не сказать схематизированный фасад дома теперь как нельзя лучше соответствовал облику подчеркнуто скромных раннеклассических служебных построек, возведенных еще А.В. Урусовым в 1770-х годах. Городская усадьба Арсеньевых стала выглядеть более однородной, чем прежде. Правда, длилось это совсем недолго.

Очевидно, тогда же были заново оформлены интерьеры. Но с этих времен почти ничего не сохранилось, поскольку они получили новую обработку во второй половине XIX века. К эпохе классицизма относятся лишь вогнутые угловые печи в одной из гостиных. В глубоком анфиладном проеме этой гостиной, превращенном в шкаф, прежде была дверь с богатой росписью и позолотой на внутренней стороне. К сожалению, она была утрачена во время последней реставрации.

Распрощавшись со старомодным обликом, дом потерял и свою индивидуальность. На фоне великолепных соседних дворцов — И.И. Барышникова по ту сторону Малого Харитоньевского переулка или

А.И. Лобанова-Ростовского напротив, на Мясницкой улице — особняк Арсеньевых выглядел простым обывательским домом, выстроенным по типовому проекту.

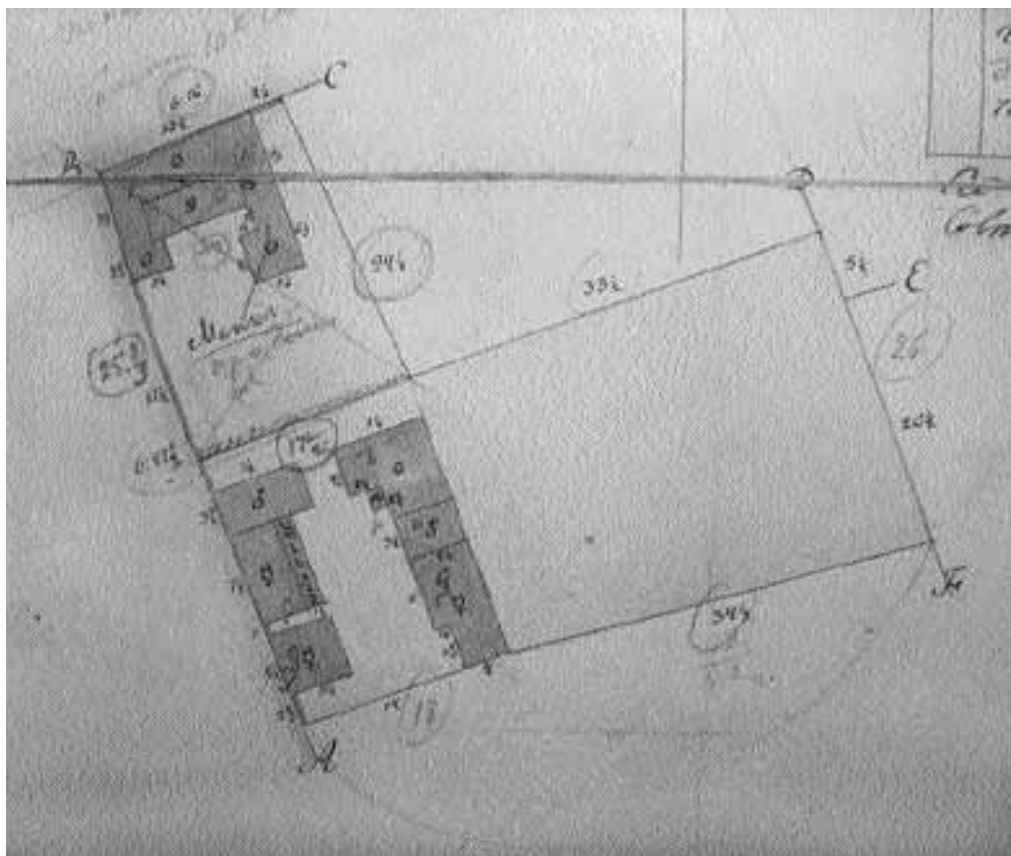
Но это было не главным для его обитателей. За таким незамысловатым фасадом билась яркая жизнь, встречались выдающиеся люди, читал свои стихи Пушкин, музицировал Лист... Можно сказать, что в доме Арсеньева перебивало пол-Москвы, за его хлебосольным столом сходились старые и молодые, таланты и поклонники, «правые» и «левые», правые и виноватые. Арсеньевых тогда в Москве было немало, но такой блестящий, открытый, гостеприимный барин — один.

Предки Арсеньевых, как и Урусовых, были выходцами за Золотой Орды. В 1389 году знатный татарин Ослан-Мурза прибыл ко двору великого князя Дмитрия Донского, принял крещение с именем Прокопий и был пожалован поместьями. Прокопий женился на дочери стольника Зотика Житова Мавре и оставил пять сыновей, от которых пошли несколько фамилий, частью угасших, частью существовавших до начала XX века. Арсений Прокопьевич стал родоначальником Арсеньевых, Федор — Сомовых, от Якова Ждана пошли Ждановы и угасшие фамилии Кременецкие и Яковцевы, от Павла — Павловы, а от Льва, носившего прозвище Широкий Рот, вели свой род дворяне Ртищевы⁴.

Потомкам Арсения Прокопьевича за Московское осадное сидение царь Михаил Федорович пожаловал поместья. Позже Арсеньевы служили стольниками, воеводами, стряпчими. Михаил Афанасьевич Арсеньев был при Петре I Якутским воеводой. Его дочь Дарья Михайловна стала женой всесильного царского любимца А.Д. Меншикова и разделила с ним не только славу и богатство, но и изгнание. Позже, при Екатерине II, Михаил Михайлович Арсеньев служил генерал-поручиком и правителем Иркутского наместничества, Никита Васильевич и Николай Васильевич были тайными советниками и почетными опекунами московского Воспитательного дома. Константин Иванович Арсеньев в первой половине XIX века стал известным статистиком, историком и географом, а его сын Константин Константинович получил известность как публицист, юрист и критик. Флегонт Арсеньевич Арсеньев был этнографом.

Будущий хозяин дома на Мясницкой улице Александр Александрович Арсеньев родился в 1756 году — в год начала Семилетней войны, на которой его отец Александр Савельевич погиб в Силезии, командуя

⁴ Петров П.Н. История родов русского дворянства. М., 1991. Кн. 2. С. 184.

«План дому... владения тайной советницы
Н.М. Арсеньевой». 1827 г.

На чертеже видно, что при Арсеньевых к дому со стороны парадного двора были пристроены два ризалита. Позже, в конце 1840-х гг., в небольшом левом ризалите разместился тамбур с главным входом в здание, который до сих пор находится на этом месте. Служебные постройки на хозяйственном дворе усадьбы Арсеньевых были расширены.

кирасирским полком. Мать чуть ли не боготворила своего единственного сына, еще младенцем оставшегося без отца. Она была фрейлиной при регентше Анне Леопольдовне и теперь, пользуясь дворцовыми связями, сумела зачислить своего малолетнего сына на службу в лейб-гвардии Преображенский полк. Его первым учителем был строгий француз, содержатель маленького пансиона, в котором воспитывались только четыре мальчика. В их числе, между прочим, находился А.С. Шишков, впоследствии президент Академии наук.

Когда Александру минуло пятнадцать лет, мать, скрепя сердце, отправляла его в Петербург, отслужив напутственный молебен в часовне Иверской Божией Матери. Он вступил на военную службу в 1771 году унтер-офицером, в следующем году получил звание сержанта, в 1774 был произведен в прапорщики.

Жизнь молодого военного человека в Петербурге в то время была скучновата. Кутежи случались редко, публичных увеселений было очень мало, и гвардейские офицеры довольствовались частными балами и театром. Раз в два-три зимой молодежь ездила на тройках, без дам, в излюбленный тогда «Красный кабачок», где происходили попойки по большей части с шампанским. В целом же, по нынешним меркам, вели себя очень целомудренно.

А.А. Арсеньев служил в Преображенском полку до 1783 года, когда «за болезнью» был уволен в отставку, но на самом деле причина была совсем другая, можно сказать, более оригинальная. Арсеньев удачно провел в Крыму набор рекрутов и должен был предстать перед могущественным П.А. Потемкиным для поощрения. Позже он рассказывал своему сыну, как «явился в назначенное время и подходил с радужным лицом к светилу светил, как вдруг Потемкин жестом руки остановил его.

— Послушайте, господин офицер, на что похожи вы?! Вы не гвардеец, а неряха!

Что же оказалось? — у отца съехала с сапога штифель-манжета.

Отец, оскорбленный этим диктаторским замечанием, на другой же день подал прошение об отставке и был уволен от службы... Молодой бригадир немедленно покинул Петербург и поселился в своем родном городе — Москве-Белокаменной»⁵.

Александр Александрович был уволен в отставку с чином бригадира, который соответствовал рангу статского советника. Все свое время он посвятил, как сам выражался, «окончанию недоконченного своего

⁵ Арсеньев И.А. Слово живое о неживых (Из моих воспоминаний) // Исторический вестник. СПб., 1887. Кн. 1. С. 71.

образования»: много читал, учил немецкий язык, занимался историей и философией, с жадностью глотал труды французских энциклопедистов. Одним словом, Арсеньев наслаждался здесь *otium cum dignitate* — так древние называли «досуг с достоинством». Под этим емким выражением Цицерон когда-то подразумевал досуг после удаления от государственных дел, посвященный занятиям наукой, литературой и искусством. Арсеньев с энтузиазмом начал обучать грамоте своих крепостных дворовых людей и самым прилежным из них выдавал награды. Все лето он проводил в подмосковном имении, где составил себе богатую библиотеку, тысяч в пять томов, которая частью сгорела, а частью была растащена в 1812 году.

Ненависть Арсеньева к «Бонапартишке», как он называл Наполеона, не имела границ, и когда произносили его имя, он из самого добродушного, сердечного человека превращался в лютого зверя. Своих собак Александр Александрович звал Жозефинкой и Наполеошкой и таким трогательным, невинным выражением негодования успокаивал себя. До мозга костей легитимист, он не мог допустить мысли, чтобы, кроме законного наследника, «родившегося на престоле», мог кто-нибудь другой занять этот престол. «Наследственный монарх, — говорил он, — не может быть пристрастен, не может никого ненавидеть уже потому, что по своему положению не может иметь личных врагов. Законному монарху не для чего хитрить и лукавить; между тем как узурпаторы, прежде всего, принуждены платить жирно тем, которые помогали им сесть на престол. Они поневоле должны лгать и обманывать народ. Все узурпаторы мошенники, проходимцы, грабители и воры...»⁶

В 1811 году А.А. Арсеньев был избран московским уездным предводителем дворянства и в этом звании пробыл три выбора кряду. В 1812 году его произвели в действительные статские, а в 1821 году — в тайные советники. В 1834 году Александр Александрович Арсеньев стал сенатором⁷.

В 1817 году Арсеньева назначили членом Комиссии для строений в Москве, целью которой было возрождение древней столицы после пожара 1812 года. А.А. Арсеньев принимал самое деятельное участие в работе Комиссии. По его инициативе вдоль Кремлевской стены был разбит Александровский сад. Река Неглинная, защищавшая подступы к Кремлю, в XVI—XVII веках имела важное стратегическое значение. Но в начале XIX века надобность в подобном оборонительном рубеже

⁶ Там же. С. 72.

⁷ Русский биографический словарь. СПб., 1900. Т. II. С. 315.

отпала, и в 1818 году Неглинка была заключена в подземный коллектор, а на ее месте появился сад, вернее, сады, которые долгое время именовались Кремлевскими. Позднее городские власти в угоду царской фамилии переименовали их в Александровские⁸. Их проектировал и устраивал знаменитый московский архитектор Осип Иванович Бове, создатель Триумфальных ворот, 1-й Градской больницы, Большого театра.

Работа в Комиссии для строений еще раз свела Арсеньева и Бове именно на строительстве Большого театра. Построенный в 1824 году на месте старого сгоревшего, новый театр получил название Большого Петровского из-за своего местоположения на углу улицы Петровки. Монументальное здание с мощным портиком и квадригой Аполлона над фронтоном стало одним из выдающихся по красоте и внутреннему устройству памятников русского ампира.

В последние дни перед окончанием строительства на стройплощадке неожиданно разыгрались весьма драматичные события. Ко дню освящения и открытия Большого театра 6 января 1825 года в Москву должен был прибыть Александр I. Между тем подрядчик под разными предложениями медлил с отделкой театра. А.А. Арсеньев, наблюдавший за возведением театра как член Комиссии от строений, вышел из себя и стал действовать более чем энергично: он велел привязать подрядчика к трубе на крыше театра и объявил ему, что не отпустит его отсюда до тех пор, пока отделка театра не будет окончена. Подрядчик, как говорится, все осознал и через два дня великолепно исполнил принятую им по контракту обязанность, и к приезду государя театр был готов.

Александр I, узнав о таком оригинальном способе, употребленном А.А. Арсеньевым, «как будто бы рассердился, но потом смеялся до упаду и неоднократно вспоминал об этом при встречах с ним, присовокупляя:

— Ты, Александр Александрович, истый татарин, для тебя законы не писаны!»⁹.

Арсеньев даже в глубокой старости был не просто хорош собой, но очень красив и привычками, манерами, образом мыслей походил на какого-нибудь французского маркиза XVIII века. Да и сам он считал, что его лучшие годы остались в этом ушедшем столетии. Все его друзья и сверстники, естественно, были с ним солидарны.

В доме А.А. Арсеньева все было заведено, как в старые времена. Утренний кофе неизменно был в девять часов. В это время приходили дети, здоровались. Арсеньев садился за стол не иначе, как во фраке

⁸ Белицкий Я.М., Глезер Г.Н. Москва незная. М., 1993. С. 64–65.

⁹ Арсеньев И.А. Указ. соч. С. 73.

и галстук, всегда напудренный, с кружевным жабо, выходящим из-за жилета. Ежедневно в два часа он возвращался из Сената домой, садился в большое кресло «близ угольного окна» и тотчас же приказывал читать себе газеты: «Московские ведомости», «Journal de Francfort» и «Debats». Чтение оканчивалось ровно в три часа дня, в ту минуту, когда дворецкий докладывал, что «кушанье поставлено». Обед в дружеской компании продолжался обычно до шести часов. За сим все разъезжались, а Александр Александрович отправлялся в Английский клуб, где обязательно играл шесть робберов в вист.

«Накануне своей кончины он был в клубе и, возвратившись домой, по обыкновению, в одиннадцать часов вечера, объявил, что чувствует себя очень дурно и полагает, что завтра умрет. Слова его сбылись: на другой день, в четыре часа пополудни, он скончался без всяких страданий, угасши как свеча»¹⁰.

Это случилось в 1844 году. А через месяц умер его старший сын Александр, двадцати восьми лет от роду. Оба они похоронены на Ваганьковском кладбище.

Наследниками А.А. Арсеньева остались жена Надежда Михайловна, урожденная Коваленская, и сын Илья Александрович.

Кроме того, чета Арсеньевых призрела двух малолетних сирот, девочек Дарью и Екатерину Пановых. К ним относились, как к родным, отдали на воспитание в Екатерининский институт, выдали замуж.

Илья Александрович Арсеньев (1820—1887) стал известным журналистом¹¹. Он окончил юридический факультет Московского университета, после чего служил в канцелярии генерал-губернатора. В 1848 году И.А. Арсеньев переселился в Петербург. В конце 1850-х годов он оставил службу и посвятил себя журналистике — публиковал статьи и брошюры на экономические, юридические и политические темы во многих русских и иностранных газетах. В 1863—1865 годах Арсеньев был издателем и редактором юмористического журнала «Заноза»,

И.А. Арсеньев. Дагеротип.
Середина XIX в.

¹⁰ Там же.

¹¹ Русский биографический словарь. Указ. соч. С. 316–317.

а позже окончательно занялся издательской деятельностью и основал «Петербургскую газету» и «Петербургский листок». Герценовский «Колокол» высказывался о нем очень недружелюбно, современники считали агентом III отделения¹², что не помешало им в некрологе на смерть И.А. Арсеньева называть его «человеком очень умным, способным и чрезвычайно добрым, не сделавшим блестящей служебной карьеры лишь вследствие случайных обстоятельств»¹³.

В том же некрологе говорилось, что Илья Александрович Арсеньев «по своему происхождению, воспитанию и образованию принадлежал к лучшему обществу»¹⁴. Это общество он запечатлел на страницах воспоминаний под названием «Слово живое о неживых», которые начал помещать в «Историческом вестнике» с 1886 года и которые оборвались год спустя в связи с его смертью.

¹² Венгеров С. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Пг., 1915. Т. I. С. 32.

¹³ Исторический вестник. СПб., 1887. Т. IV-VI. С. 69.

¹⁴ Там же.

ПЛЕЯДА ДРУЗЕЙ, ПРИЯТЕЛЕЙ И ЗНАКОМЫХ

Мемуары Ильи Александровича Арсеньева передают необыкновенную ауру его семьи. Эти воспоминания — хрестоматия к истории повседневности, без которой не бывает Истории с большой буквы. Может быть, кому-то эти маленькие сюжеты, обрывки разговоров, осколки чувств покажутся обочиной истории, но многие почувствуют в них биевание подлинной, полнокровной, пусть и давно прошедшей жизни.

К Арсеньеву на Мясницкую к обеду всегда приезжали его друзья и приятели, причем каждый имел свой *jour fixe* — журфикс, то есть день приема. Меньше пятнадцати — шестнадцати человек никогда не садилось за стол. Именно обеды, а не вечерние светские рауты или легкая салонная болтовня были сутью этого хлебосольного дома.

Еще А.С. Пушкин отмечал, что «московские обеды... вошли в поговорку»¹. Современники немало написали об этих обедах, о вольготной и, пожалуй, даже патриархальной жизни московского дворянства. Один дом славился гигантской кулебякой, другой — бланманже, приготовленным крепостным поваром по рецепту парижских рестораторов, третий — зимней клубникой и ананасами, выращенными в оранжереях подмосковных усадеб.

Было свое «коронное блюдо» и в доме Александра Александровича Арсеньева — рассольник. Обычно 1 мая по случаю традиционного гулянья в Сокольниках у него собирались близкие друзья и завсегдатаи — «охотники до рассольника с рубцами». А менее знакомые гости приходили вечером, чтобы смотреть из окон на нарядную проезжающую мимо публику, благо окна дома выходили на оживленную Мясницкую².

А некоторые обеды проходили в траурной обстановке. Друзья собирались даже во время холеры 1830 года, когда «по Мясницкой то и дело проезжали дровни с гробами... Такова была ежедневная панорама, на которую мы смотрели перед обедом»³.

¹ Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. М., 1949. С. 264.

² Арсеньев И.А. Слово живое о неживых // Исторический вестник. СПб., 1887. Кн. 1. С. 79. ³ Слово живое. Кн. 2. С. 351–352.

На страницах воспоминаний Ильи Александровича Арсеньева эти обеды оживают десятками голосов, милых деталей. Вот один из гостей, давясь от смеха, «поперхнулся и брызнул красным вином на свою тарелку», тогда как другой соблюдал при этом неизменную «ком-иль-фотность». Вот после оглашения ядовитой эпитаграммы ее адресату стало дурно, и его отпаивали в соседней комнате «холодной водой с сахаром и флер-д'оранжем». И что за люди это были!

Н.Б. Юсупов. Портрет работы И.Б. Лампи-старшего. 1794 г.

Люди за столом у Александра Александровича Арсеньева собирались необыкновенные, без преувеличения можно сказать, составившие славу русской культуры XVIII—XIX веков, — И.И. Дмитриев, Н.Б. Юсупов, А.С. Пушкин, П.Я. Чаадаев, С.А. Соболевский, Н.И. Надеждин, Е.Ф. Павлов, М.И. Глинка и многие другие.

Закадычным другом Арсеньева был Николай Борисович Юсупов, известный меценат, владелец знаменитого Архангельского, библиофил, которого называли одним из последних блестящих вельмож блестящего века Екатерины. «Юсупов покровительствовал художникам, людям, которых он находил даровитыми... В натуре его была жилка любви ко всему хорошему, ко всему изящному, ко всему умному»⁴. Н.Б. Юсупов ежедневно заезжал к Арсеньеву по дороге домой из своего присутствия в Кремле, где он был начальником

Кремлевской экспедиции строений, благо дом его находился совсем рядом — в Большом Харитоньевском переулке (ныне дом № 21). И.А. Арсеньев вспоминал, что Юсупова почти выносили из кареты его гайдуки, и когда он входил в дом, то шмыгал ногами по полу и кашлял так громко, что его можно было слышать через три-четыре комнаты. Друзья обнимались, и Юсупов начинал разговор обычной фразой: «Да, любезный друг, а плохо старикам жить на свете — и климат-то изменился, и силы-то не те, да, признаться, и скучновато». «И эта фраза повторялась изо дня в день, и оба старика находили ее вполне естественной»⁵.

⁴ Слово живое. Кн. 1. С. 76.

⁵ Там же.

Известный баснописец, в прошлом министр юстиции Иван Иванович Дмитриев любил Москву и в особенности дом А.А. Арсеньева за «спокойствие». За столом на Мясницкой часто был слышен его густой бас, плавный и протяжный. И наружность он имел оригинальную: всегда ходил в рыжем парике огромных размеров, с завитыми буклями в три ряда, в коротеньких панталонах в обтяжку, в черных шелковых чулках и башмаках с золотыми пряжками. При этом, само собой разумеется, он был необычайно вежлив и церемонен донельзя даже с малыми детьми. А жил он тоже неподалеку от Мясницкой, в Большом Козловском переулке (дом не сохранился).

В числе «коротко знакомых» у Арсеньева бывал и Сергей Львович Пушкин со своим сыном Александром Сергеевичем, но приезжали они обычно поодиночке. Если же вдруг сталкивались в один день, у них непременно начинались пререкания, споры, даже ссоры, если Сергей Львович вздумает сделать сыну какое-нибудь замечание о необходимости поддержания родственных связей и связей в свете. Ссоры эти заходили иногда так далеко, что хозяин дома находил нужным останавливать их и, «пользуясь почтенными своими годами, давал крепкую нотацию отцу и сыну, говоря первому, что он некстати чопорен, а второму, что «порядочному человеку, хотя бы и даже гению стихотворства, следует всегда уважать своего отца»⁶.

Илья Александрович Арсеньев сознавался: «Великий наш поэт оставил во мне,

И.И. Дмитриев. Портрет работы В.А. Тропинина. 1835 г.

С.Л. Пушкин. Рисунок К. Гампельна. 1824 г.

⁶ Там же. С. 78.

как ребенку, самое неприятное впечатление: бывало, придет к нам и тотчас отправится в столовую, где я с братом занимался рисованием глаз и носов или складыванием вырезных географических карт: Пушкин, первым делом, находил нужным испортить нам наши рисунки, нарисовав очки на глазах, нами нарисованных, а под носами черные пятна, говоря, что теперь у всех насморк, а потому без этих «капель» носы не будут

натуральны. Если мы занимались складными картами, А.С. непременно переломает, бывало, кусочки и в заключение ущипнет меня или брата довольно больно, что заставляло нас кричать»⁷.

Тут за детей обычно заступалась Ольга Алексеевна Борисова, «заведывавшая в доме чайным хозяйством и необыкновенно хорошо приготавливавшая ягодные наливки». Она грозилась расшалившемуся Пушкину пожаловаться на него «господам», но тот принимался льстить Ольге Алексеевне, целовал у нее ручку, превозносил чуть не до небес ее искусство готовить наливки, и дело кончалось тем, что пожилая женщина таяла, прощала «шалопуту», как она его называла, и, сменив гнев на милость, угощала Пушкина смородиновкой, которую он очень любил.

А.С. Пушкин.
Гравюра Н.И. Уткина. 1827 г.

К слову сказать, А.С. Пушкин тепло вспоминал Мясницкую улицу осенью 1830 года в Болдине в стихотворении «Дорожные жалобы»:

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?
...То ли дело быть на месте,
По Мясницкой разъезжать,
О деревне, о невесте
На досуге помышлять!⁸

Завсегдатаем в доме А.А. Арсеньева был еще один родственник А.С. Пушкина — Матвей Михайлович Солнцев (встречается и написание

⁷ Слово живое. Кн. 1. С. 76.

⁸ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений.
М., 1948. Т. 3. Ч. 1. С. 177–178.

Сонцов), женатый на родной тетке поэта Anne Львовне. Он тоже был соседом Арсеньевых: в 1820-х годах жил у Красных ворот в Трехсвятительском тупике (ныне Хоромный тупик, 4), позже — в Милютинском переулке неподалеку от церкви Евпла (дом № 16). Солнцев был не самым приятным человеком в компании: «толстый, постоянно пыхтевший, чванный и вечно всем недовольный, он спорил, что называется, «до риз положения»⁹.

М.М. Солнцев привел в дом Арсеньевых и рекомендовал как «замечательного по независимому уму человека» Петра Яковлевича Чаадаева.

Петр Яковлевич Чаадаев, чувствовавший себя в доме Арсеньева в полной безопасности, «постоянно и очень громко критиковал все административные распоряжения в России, считал себя непонятым правительством и обществом»¹⁰. Был он человеком добрым и мягкосердечным, но в пылу спора, кусая губы, расточал без меры жесткие слова, любил насмехаться и «философствовать».

Его единственным достойным оппонентом был Николай Филиппович Павлов, который постоянно разбивал все доводы Чаадаева и заставлял присутствующих соглашаться со своим мнением. Бывший крепостной, Павлов сумел стать известным литератором и публицистом. Его стихи, эпиграммы, романсы все знали наизусть, они служили в то время предметом общих разговоров. Но имя его сделалось популярным по всей России в 1835 году, когда вышли в свет его «Три повести».

П.Я. Чаадаев. Портрет работы неизвестного художника. 1840-е гг.

Н.Ф. Павлов. Гравюра. 1840-е гг.

⁹ Слово живое. Кн. 1. С. 79.

¹⁰ Там же. С. 81.

Н.И. Надеждин. Гравюра. 1841 г.

С.А. Соболевский. Портрет работы К.П. Брюллова. 1832 г.

Талантливые повести Павлова вскоре стали известны и за границей и были переведены на французский и немецкий языки. Острая социальная окраска книги вызвала гнев Николая I, запретившего ее перепечатку. Позже Павлов занялся журналистикой, основал газеты «Наше Время» и «Русские Ведомости»¹¹. Его жена Каролина Карловна Яниш была адресатом лирических стихотворений Адама Мицкевича, вела ученую переписку с А. Гумбольдтом, позже сама стала поэтессой.

Чаадаев познакомился в доме Арсеньева с известным критиком, журналистом, историком Николаем Ивановичем Надеждиным, который был очень по душе хозяину дома и посещал его «довольно часто, хотя видимо дичился общества»¹². Надеждин был профессором Московского университета по кафедре теории изящных искусств и археологии, издавал журнал «Телескоп» с приложением газеты «Молва», в которых сотрудничал В.Г. Белинский.

В 1836 году Н.И. Надеждин опубликовал в своем журнале скандально знаменитые «Философические письма» Чаадаева. Из-за них автора объявили «временно сумасшедшим» и учредили над ним унизительную опеку, а издателя сослали в Усть-Сысольск, затем в Вологду, где он не сломался, а нашел в себе силы заняться совсем новой для него деятельностью — историко-этнографическими исследованиями. Он стал одним из пионеров исторической географии в России. Сын А.А. Арсеньева Илья, который в Надеждине души не чаял и во время его посещений не отходил

¹¹ Арсеньев И.А. Из моей памятной книжки. Николай Филиппович Павлов // Колосья. 1885. № 6. С. 253–258.

¹² Слово живое. Кн. 3. С. 555.

от него, позже писал: «Ссылка его в Усть-Сысольск произвела на меня удручающее впечатление, не взирая на мои юные лета. Я не спал несколько ночей и возненавидел виновника несчастья, постигшего Николая Ивановича, Петра Яковлевича Чаадаева, не скрывая моих чувств от последнего»¹³.

В славную плеяду друзей А.А. Арсеньева входил также Сергей Александрович Соболевский — редкий эрудит, библиограф и библиофил, известный в свое время эпиграммист, бывший многие годы «присяжным песнопевцем» событий московской жизни. По своим энциклопедическим знаниям, остроумию и тонкому юмору, по необыкновенной находчивости и оригинальному поэтическому таланту он, безусловно, принадлежал к выдающимся личностям. Он собрал уникальную библиотеку, переписывался с западноевропейскими библиографами и сам написал несколько работ библиографического характера.

С.А. Соболевский был близким другом Пушкина, его помощником и «ангелом-хранителем», поскольку не раз предотвращал дуэли своего приятеля. Граф В.А. Сологуб даже говорил, что «один Соболевский, по своему влиянию на Пушкина, мог бы удержать его от роковой дуэли, если бы был тогда в Петербурге»¹⁴. И хотя многие считали Соболевского циником и прожигателем жизни, в кругу друзей он был славным и милым человеком, оставившим по себе самую добрую память.

Часто посещал дом Арсеньевых легендарный доктор Федор Петрович Гааз, которого знала вся Москва, от аристократа до простолюдина¹⁵. Гааз был главным врачом тюремных больниц, с любовью и энергией посвятившим себя заботе об участии арестантов. Безграничная любовь к ближним и полное самоотречение его имели тогда огромное нравственное значение для Москвы, да и для всей России. Гааз жил в полном

Ф.П. Гааз. Портрет работы К. Куникакиса.

¹³ Там же. С. 556.

¹⁴ Сологуб В.А. Воспоминания.

¹⁵ Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. СПб., 1892. Т. VII. С. 742–744.

одиночестве, весь преданный своему делу, не отступая ни перед трудом, ни перед холодностью окружающих, ни перед насмешками и унижениями. Чудак и фанатик в глазах одних, в глазах других он был святым. Высокий ростом, сангвиник, с добрыми и вдумчивыми глазами, в поношенном платье и заштопанных чулках, он был вечно в движении и никогда не бывал сам болен. Он не только принимал у себя бедных больных бес-

М.Ю. Лермонтов в штатском сюртуке. Портрет работы А.Е. Заболотского. 1840 г.

платно, но и ездил навещать их по чердакам и подвалам, невзирая на свои преклонные лета. Когда Гааз встречал на улице какого-нибудь пьяненького мужичка, то непременно сажал его в свои дрожки и довозил до дома. Об арестантах он заботился, как будто они были его родные дети, и арестанты просто боготворили его. Их непритворная любовь к Ф.П. Гаазу выразилась хотя бы в том, что сосланные в Сибирь арестанты, узнав о его смерти, собрали между собою по грошу деньги и соорудили ему маленький памятник в Нерчинском остроге, у которого ежегодно служили панихиды по усопшему.

Близким другом доктора Гааза был граф Николай Иванович Зотов. Об их несколько странных на первый взгляд отношениях пишет все тот же И.А. Арсеньев: «Замечательно, что Гааз принадлежал к числу людей, твердо и слепо верующих, тогда как гр. Зотов был скептик, последователь учения энциклопедистов и мало ве-

рующий. Между тем, эти две крайности сходились — их соединяла и общила любовь к ближнему, любовь к добру и теплое, сердечное влечение к проявлению этого добра, этой любви... Не проходило ни одного обеда, чтобы между простодушным Гаазом и Зотовым не происходило горячего, даже крупного разговора по поводу отстаиваемых каждым из них, вполне противоположных принципов; но споры эти не могли расстроить дружбы стариков»¹⁶.

Н.И. Зотов был постояльцем в доме Арсеньевых: он нанимал флигель, «находившийся на первом дворе и окруженный великолепным

¹⁶ Слово живое. Кн. 3. С. 569.

садом»¹⁷. И.А. Арсеньев вспоминает: «Зотов, как и мой отец, был большой хлебосол, и старики часто обменивались обедами, составлявшими для них весьма серьезную статью жизни»¹⁸.

Еще одним постояльцем был Антон Бравур — ныне совсем забытое имя, а в 1830—40-х годах довольно известное в Москве. Братья-кастраты Антон и Жером Бравуры были когда-то певчими у Папы Римского, а потом судьба забросила их в Россию. Жером считался тогда лучшим учителем пения в Москве и давал уроки в аристократических домах. Антон Бравур, тоже дававший уроки пения, нажил кое-какие деньги и посчитал для себя гораздо более выгодным заняться покупкой и продажей картин и антиквариата, с помощью чего составил себе круглый капиталец.

Будучи хорошим игроком, Антон Бравур снискал к себе расположение завсегдатаев в Английском клубе. Старики к нему так привыкли, что постоянно звали его к себе обедать или вечером на партию модного тогда бостона. Александр Александрович Арсеньев тоже оценил это дарование Бравура и предложил ему бесплатно квартиру в своем доме на антресолях, с условием, чтобы он ежедневно у него обедал, а вечером сопровождал в Английский клуб.

И.А. Арсеньев пишет: «По перекочевке Антона Бравура в наш дом, у нас появилась чуть не вся итальянская колония Москвы»¹⁹. Это были и знаменитый портретист Сальватор Тончи, и скульптор Иван Петрович Витали (автор скульптурного декора Триумфальных ворот в Москве, Исаакиевского собора в Петербурге), и архитектор Кремлевской экспедиции Карлони, и содержатель магазина редкостей Негри, и другие. «Все эти итальянцы пользовались у нас широким гостеприимством, которого никогда во зло не употребляли»²⁰.

Более редкими гостями Арсеньевых были их родственники Елизавета Алексеевна Арсеньева и ее внук Михаил Юрьевич Лермонтов.

Е.А. Арсеньева. Портрет работы неизвестного художника. Начало XIX в.

¹⁷ Там же. Кн. 2. С. 352.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 346.

²⁰ Там же. С. 346–347.

Как только она приезжала на несколько дней из деревни в Москву, то обязательно привозила внука сюда, на Мясницкую. Елизавета Алексеевна потихоньку жаловалась хозяйке дома на избалованного внука. И действительно, «этот внучек-баловень, пользуясь безграничной любовью своей бабушки, не хотел никого слушаться, трунил над всеми, даже над своей бабушкой, и пренебрегал наставлениями и советами...»²¹.

Таким гениального поэта М.Ю. Лермонтова запомнили в доме Арсеньевых.

В хлебосольном доме А.А. Арсеньева бывал его самый близкий сосед — археограф и историк Алексей Федорович Малиновский, начальник Московского архива Министерства иностранных дел. Он жил напротив, в бывшем доме Лобановых-Ростовских (Мясницкая улица, 43). Иногда приходил остроумный, энциклопедически образованный князь Петр Иванович Шаликов — поэт, переводчик, журналист, редактор «Московских ведомостей» — любимой газеты Арсеньева.

Изредка на обедах появлялся великий композитор, основоположник русской композиторской школы Михаил Иванович Глинка, «замечательно скромный, добрый, сердечный», «увлекающийся как ребенок». Он был тихий и сентиментальный

человек, который плакал, слушая играющего на свирели пастуха, но при этом любил и веселые сборища в доме Арсеньевых: «они заставляли его забывать обычное меланхолическое настроение духа, почти никогда его не покидавшее»²². Иногда Глинка садился за фортепьяно, чем доставлял большое удовольствие Александру Александровичу Арсеньеву, «страшно любившему музыку», и его многочисленным гостям.

На этом фортепьяно не раз играл и Ференц Лист.

М.И. Глинка. Дагеротип.

²¹ Слово живое. Кн. 2. С. 353.

²² Там же. С. 356.

«ЛИСТ, КОТОРЫЙ МОСКВУ СВЕЛ С УМА!»

Знаменитый венгерский композитор и гениальный исполнитель Ференц Лист с 1837 года занимался интенсивной концертной деятельностью, объехал за несколько лет всю Европу. В 1842 году Лист собрался и в Россию, в Петербург, где его приезд ожидался с огромным нетерпением. Его выступления проходили с триумфом, но отношения с царским двором у него не заладились. В Листе, это отмечали все, всегда чувствовалось презрение к аристократической иерархии. Ни перед кем он не раболепствовал, больше всего в жизни ценил свободу, к людям предъявлял лишь одно требование — благородства убеждений. Этого-то он и не нашел у петербургской знати, которая в следующий приезд Листа, через год, встретила его уже довольно холодно. Из Петербурга Лист поехал в Москву и прибыл в Первопрестольную 22 апреля 1843 года.

Москва приняла Листа с истинно русским великодушием. Словно стараясь загладить полученные им в Петербурге неблагоприятные впечатления, старинный город широко распахнул ему свои объятия. Все концерты проходили при полных сборах с феноменальным, небывалым успехом.

Первый концерт Листа состоялся в огромном зале Большого театра. Здесь ему был оказан блестящий прием. Этому искренне радовался виднейший композитор Москвы, руководитель московских театров А.Н. Верстовский. «Сколько я мог заметить, — докладывал он своему начальнику, директору императорских театров А.М. Геденову, — ни один еще артист, бывший в Москве, так не нравился, как Лист»¹. А несколько позднее он же сообщал Геденову: «...Лист, который Москву свел с ума! Играет везде и для всех! В публичных и в частных концертах!»². О том же писал и С.П. Шевырев: «Щедрый и великолепный, он (Лист. — Т.Д.) расточал богатства своего таланта, где только мог... Редко бывает, чтоб Москва сливалась так единодушно в полное чувство восторга и удивления, как было в те незабвенные минуты, когда она его слушала»³.

¹ Письма А.Н. Верстовского к А.М. Геденову
// Ежегодник императорских театров. СПб.,
1912. Вып. 7. С. 63.

² Там же. Вып. 1. 1913. С. 100.

³ Шевырев С.П. Несколько слов о Листе // Москвитянин. 1843. № 5.

Горячо откликнулись на концерты Листа и другие представители московской интеллигенции. Так, поэт Ф.Н. Глинка, близкий знакомый Пушкина, писал в «Московских ведомостях»: «Где набрать сравнений, чтобы придать жизнь и правду описаниям? Игра Листа имеет одну судьбу с мечом Скандербега: тайна обоих в руках их обладателей!.. Под перстами Листа пиано — не пиано и он сам не пианист: это кто-то играет на чем-то!.. Он Паганини на своем фортепиано»⁴.

Ф. Лист. Литография
К. Миттага по портрету
Ф. Крюгера. 1842 г.

Глинку поддерживал московский почт-директор А.Я. Булгаков, написавший в «Москвитянине»: «...Лист превосходит всех в мире пианистов в тайне проникать в душу истинных знатоков... Он преобразил фортепиано, или, говоря правильнее, создал какой-то новый инструмент, который, по его воле, трогает, пленяет или поражает»⁵. Взмолвленную запись в своем дневнике сделал и молодой А.И. Герцен.

Все сольные выступления Ф. Листа, как и выступления в концертах других артистов, проходили при битком набитых залах, бурным овациям не было конца. Может быть, единственный раз в своей жизни, в Москве Лист выступал перед публикой в качестве органиста⁶. Это было в католической церкви Петра и Павла в Старосадском переулке. И успех этого концерта был не менее значителен, чем других.

Литературно-музыкальная Москва дала в честь Листа торжественный обед. Одним из его устроителей был писатель Н.Ф. Павлов (завсегда́тай дома А.А. Арсеньева), который так начал свою пышную речь: «От имени собравшихся здесь гостей, от имени литераторов, артистов, всех тех, кто Вас окружает и чьи благородные сердца всегда готовы воздать должное невестественной власти искусства, я провозглашаю этот тост за Вас, Франц (так тогда называли Листа. — Т.Д.) Лист! Пусть Вы сохраните воспоминание об этой интимной благодарности, выраженной Вам в глубине России, в нашей

⁴ Глинка Ф.Н. Очарование и существенность // Московские ведомости. 1843. № 55. 8 мая.

⁵ Москвитянин. 1843. № 5.

⁶ Мильштейн Я.И. Ференц Лист. М., 1999. С.

старой, патриархальной Москве. На географической карте она далеко отстоит от тех мест, которые привыкли считать центрами цивилизации, но она не более чужда, чем они, чувству прекрасного. Она, быть может, более правдива в своих симпатиях, более искренна в своем восторге!

За Вас, господин Лист, за величие Вашего искусства, за могущество Вашей музыки, превосходящее человеческое слово, так как слово может быть ограничено одной какой-нибудь страной; язык, на котором Вы говорите, мы могли не понять, но Вашу музыку мы все поняли. Она будет понятна во всех местах земного шара, она овладеет всеми умами, она проникнет во все сердца»⁷.

Ф. Лист отвечал со свойственным ему тактом и остроумием, умно и тонко, что чувствует себя «очень молодым в... старом городе, который, с вечной силой, заключающейся в нем, так благосклонно принял» его. Растроганный теплым приемом москвичей, он закончил свою речь словами: «Вы

Автограф Ф. Листа, сделанный в доме Арсеньевых в 1843 г.

знаете, господа, мое красноречие на фортепиано» — и провозгласил тост за развитие и процветание искусства в «древней столице» Москве⁸.

Листа очень заинтересовали русские народные песни, исполненные во время пиршества⁹. С особенной охотой он ездил слушать и пение московских цыган, которым его почти ежедневно «потчевали» литераторы, как писал В.В. Стасов¹⁰. Красочное искусство цыган, их «глубокая меланхолия и огненная смелость» (определение Листа) доставляли ему ни с чем не сравнимое удовольствие. Он приходил в восторг от лирических песен известной исполнительницы Мани, от поразительного мастерства старухи Настасьи, от бешеных танцев хора Ильи Соколова.

В свободные от официальных концертов дни Лист знакомился с достопримечательностями Москвы, часто бывал в домах московских любителей музыки, литераторов и артистов, выступал на домашних вечерах, участвовал в благотворительных концертах.

102.

⁷ У.О. Обед, данный Листу в Москве // Москвитянин. 1843. № 5.

⁸ Там же.

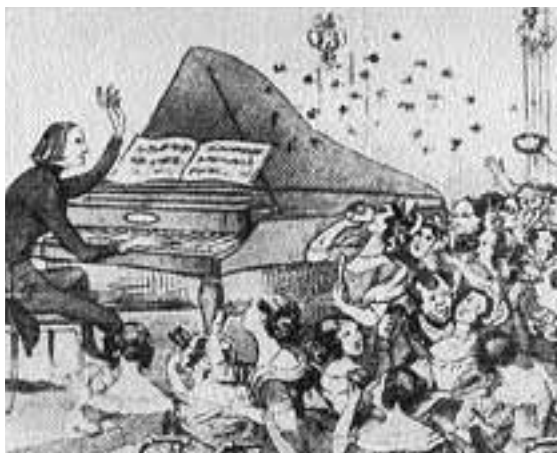
⁹ Левашова О.Е. Ференц Лист. Молодые годы. М., 1998. С. 203.

¹⁰ Стасов В.В. Лист, Шуман и Берлиоз в

Почти ежедневно Ференц Лист бывал в доме Арсеньевых на Мясницкой улице. Илья Александрович Арсеньев пишет в своих воспоминаниях, что Лист «всегда с готовностью садился за рояль, чтобы доставить моему отцу удовольствие. Однажды... Лист попросил лист почтовой бумаги и, разлиновавши страничку, написал две строки нот, подписал их и подарил мне на память»¹¹. Эта нотная запись почиталась

в доме Арсеньевых как семейная реликвия.

И.А. Арсеньев вспоминал также, что Лист в домашней обстановке чувствовал себя свободно и комфортно, а вот на публичных концертах «страшно конфузился, очень неловко кланялся», но «в момент прикосновения пальцев его к клавишам, Лист, видимо, забывал все его окружающее и овладевал публикою своей воистину гениальной игрой, равной которой мы не находим до сих пор у современных композиторов-пианистов. Присутствующие на его концертах не замечали смешных взмахиваний Листом рук чуть не выше го-

Берлинская карикатура на выступление Ф. Листа в концертном зале А. Бреннгласса. 1840-е гг.

ловы, его ерзанья на стуле... волшебные звуки электризовали публику, и мертвая тишина царила в концертном зале, не только во время игры Листа, но несколько минут и по окончании им той или другой пьесы»¹².

Илье Александровичу Арсеньеву довелось встретиться с Листом спустя тридцать пять лет, на Международной выставке в Париже в 1878 году. Лист пригласил его на завтрак, и за рюмочкой мадеры они пустились в воспоминания «о дорогом прошлом». На прощание обнялись и поцеловались¹³.

Ференц Лист пробыл в Москве месяц. В последний раз он играл с благотворительной целью. Об овациях, устроенных слушателями уезжавшему артисту, Верстовский писал Геденову: «Восторг московских дилетантов доходил до высочайшей степени! Нынешний раз цветы летели уже чуть-чуть не горшками из всех ярусов лож и рядов кресел!..

России. СПб., 1896. С. 39–43.

¹¹ Арсеньев И.А. Воспоминание о Листе.

(Из моей памятной книжки) //

Исторический вестник. СПб., 1886. Т. 7–9.

С. 577.

Не знаю, чествовали ли где так Листа, как в Москве? Редкий не запасся его бюстом или портретом!»¹⁴. Верстовский даже высказывал опасение, что после его отъезда город погрузится в глубокий траур!

Московские дамы с ума сходили от любви к Листу. Говорили даже, что «он оставил по себе в Белокаменной очень много *серьезных* следов своего там пребывания» и что якобы одна красавица «покинула ради него своего мужа и семейство»¹⁵. Другие дамы грустили, а некоторые даже писали стихи.

Вообще Листу было посвящено тогда много прекрасных строк и стихотворений. Вот стихотворение П.А. Вяземского «Листу», в котором сделана попытка передать непосредственное впечатление от его игры:

Когда в груди твоей созвучий
Забьет таинственный родник
И на чело твое из тучи
Снисходит огненный язык;
Когда, исполнясь вдохновенья,
Поэт и выпренный посол!
Теснишь души своей виденья
Ты в гармонический глагол:
Молниеносными перстами
Ты отвергаешь новый мир
И громозвучными волнами
Кипит как море твой клавир,
И в этих звуках скоротечных,
На землю брошенных тобой,
Души бессмертной, таинств вечных
Есть отголосок неземной¹⁶.

Ференц Лист покинул Москву 20 мая 1843 года. Свои впечатления о ней он позже облек в музыкальную форму пьесы «Воспоминание о Москве».

¹² Там же. С. 576.

¹³ Там же. С. 577–578.

¹⁴ Письма А.Н. Верстовского к А.М. Геденову // Ежегодник императорских театров. СПб., 1913. Вып. 1. С. 106.

¹⁵ Арсеньев И.А. Указ. соч. С. 577.

¹⁶ Вяземский П.А. Листу // Санкт-Петербург-

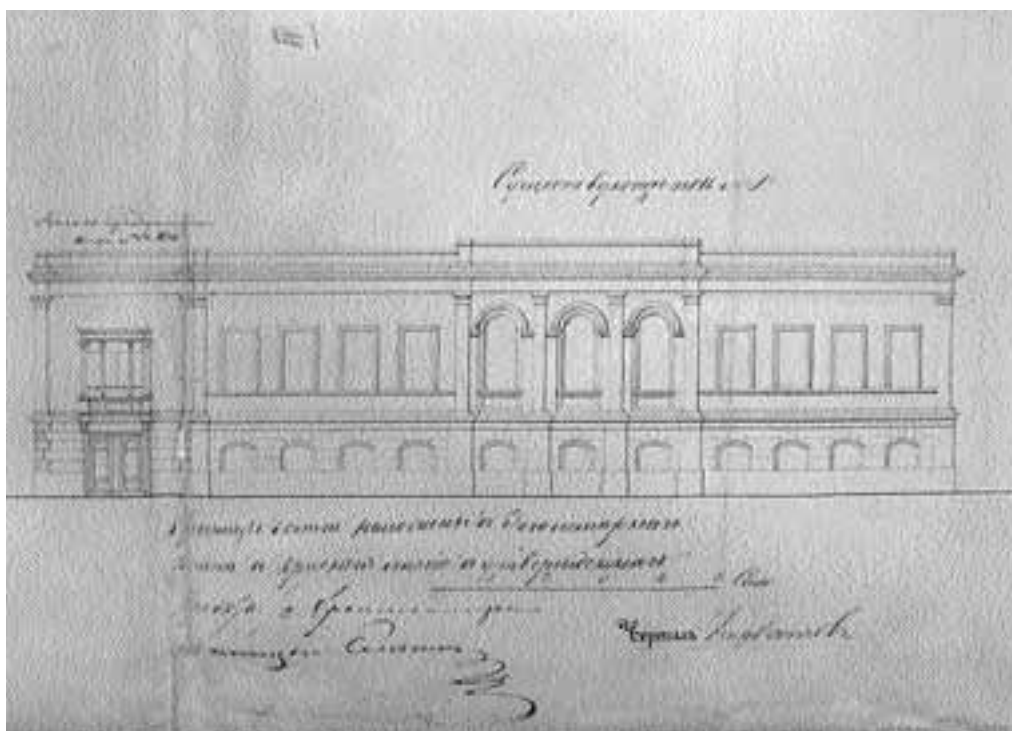
«ПАЛАТЫ, ПОКИДАЕМЫЕ ДВОРЯНСТВОМ»

Еще в конце 1830-х годов наблюдательный А.С. Пушкин в своем очерке «Путешествие из Москвы в Петербург» с грустью писал: «Москва, утратившая свой блеск аристократический, процветает в других отношениях: промышленность, сильно покровительствуемая, в ней оживилась и развилась с необыкновенною силою. Купечество богатеет и начинает селиться в палатах, покидаемых дворянством»¹. Это справедливо по отношению и к дому Арсеньевых, и стоящему напротив дому Малиновских, в которых так часто бывал поэт. Уже тогда облик первопрестольной столицы начал заметно изменяться, а к середине XIX века Москва «пушкинская», Москва «грибоедовская» осталась в далеком прошлом.

В 1847 году Арсеньевы продали свою усадьбу купцу Ф.Е. Белоусову. Навсегда простившись с родным домом, Илья Александрович Арсеньев уехал из Москвы в Петербург. А новый хозяин незамедлительно приступил к усовершенствованию своего владения, в котором произошли существенные перемены, впоследствии отразившиеся на развитии всего старого усадебного комплекса.

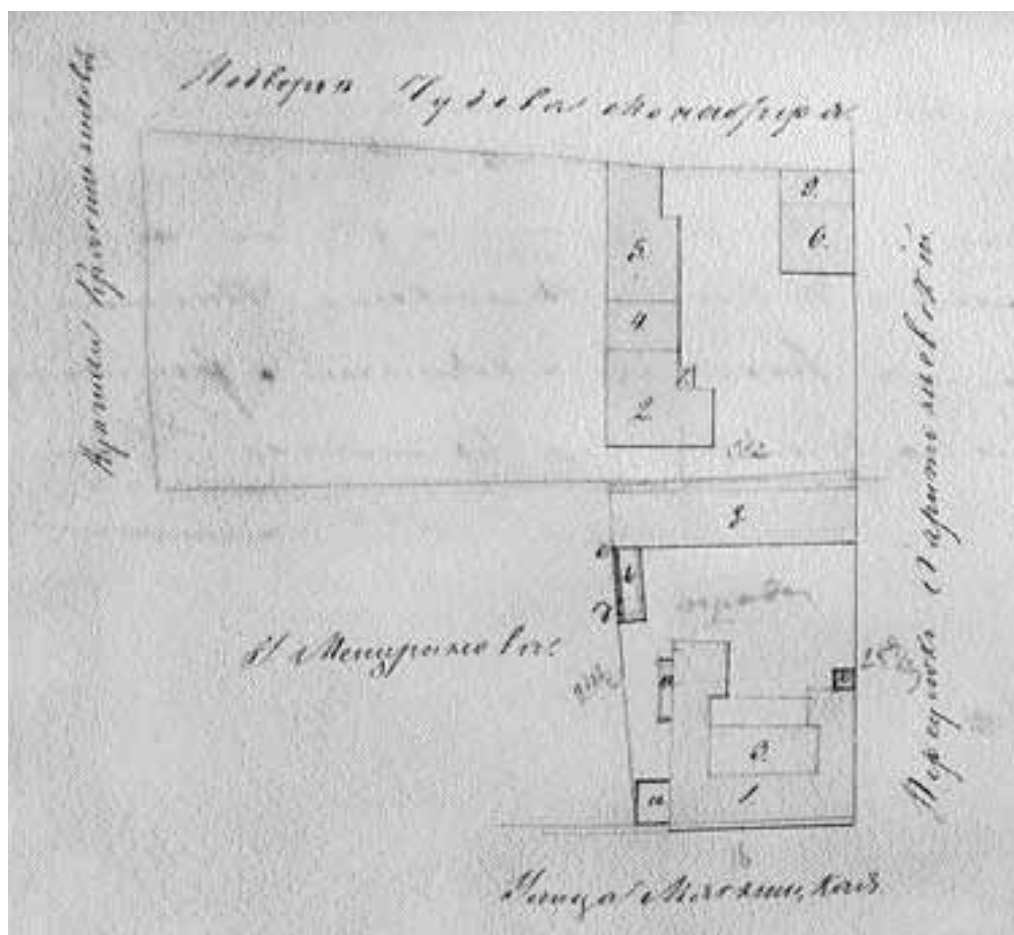
Московский купец второй гильдии Флегонт Егорович Белоусов хотя и носил звучную купеческую фамилию, славившуюся в торговом центре Москвы — Китай-городе, но был персонажем малоизвестным. Однако деньгами ворочал немалыми, поскольку и усадьбу купил немалую на одной из самых оживленных улиц Москвы. Первым делом Белоусов снес служебный флигель с галереями вдоль по линии Малого Харитоньевского переулка, что нарушило прежнюю симметричную композицию хозяйственного двора, распланированного еще при Урусовых. Какими соображениями руководствовался при сносе Белоусов, осталось неизвестным. Может быть, на их месте предполагалась другая, более значительная постройка, но она осталась в замыслах. Зато по границе парадной и хозяйственной зоны возвели одноэтажные каменные лавки, выходящие торцом в переулок. Надо сказать, что их облик

¹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. М., 1949. Т. 11. С. 247.

Фасад дома Н.М. Арсеньевой. 1847 г.

При Арсеньевых дом получил скромный облик в стиле классицизма. Следующий владелец купец Ф.Е. Белоусов сделал слева небольшую пристройку, занявшую место первоначального въезда на парадный двор.

«План владения московского купца 2-й гильдии Ф.Е. Белоусова». 1847 г.

В 1847 г. новый хозяин владения Ф.Е. Белоусов возвел на границе парадного и хозяйственного дворов здание лавок, которое разделило усадьбу на две практически изолированные части. Слева к дому на месте первоначального въезда во двор сделали пристройку. Часть служебных построек по линии Малого Харитоньевского переулка снесли.

был не лишен привлекательности². Так усадьба разделилась на две практически изолированные части с въездами со стороны Малого Харитоньевского переулка.

Ф.Е. Белоусов обратился в Московскую Городскую управу и получил дозволение сделать пристройку к главному дому³. По проекту 1847 года на месте парадных ворот по линии Мясницкой у левого торца дома возвели каменный двухэтажный объем. Первоначально его использовали как входной тамбур с лестницей, но вскоре он был приспособлен под жилье. А парадные сени устроили со стороны переулка, в маленькой пристройке 1820-х годов — там, где и сейчас находится главный вход в здание.

Впрочем, Ф.Е. Белоусова интересовали не только чисто практические перестройки, но и внешний облик его нового жилища. Как говорится, не хлебом единым... Одновременно с запросом на разрешение возвести пристройку в Управу для утверждения был представлен проект нового оформления главного фасада дома. Сдержанные классические формы арсеньевского особняка были довольно тактично переименованы в соответствии с понятиями времени эклектики, склонной к украшательству.

Старая схема трехчастной композиции фасада осталась, но получила более укрупненные формы и дополнилась новыми деталями. У боковых окон второго этажа появились нарядные наличники с полочками на кронштейнах, а в междуэтажной тяге по осям окон — лепные филенки, особенно замысловатые в пилястровом портике в середине фасада. В целом же эта дробная обработка фасада привела к тому, что он стал восприниматься как суховатая, графичная декорация, причем декорация подчеркнута плоскостная. Новая пристройка вообще выпадала из общего ритма здания своими мелкими формами. Одним словом, дом получил облик типичного городского жилища середины XIX века.

Едва закончив перестройки, в 1849 году Ф.Е. Белоусов продал свой участок жене нежинского грека Анне Николаевне Харитовой⁴. В то время существовала традиция записывать недвижимость на жен. Женщинам полагались льготы при уплате налогов на имущество, и к тому же в случае, не дай Бог, разорения записанное на жену владение не подлежало конфискации и оставалось в семье. Для представителей купеческого сословия, каковыми являлись Харитовы, это было особенно актуально.

² ЦАНТДМ, ф. 1, Яузская часть 10/8, д. 4.

³ ЦАНТДМ, ф. 1, Яузская часть 10/8, д. 3.

⁴ ЦИАМ, ф. 14, оп. 6, д. 2971, л. 5 об.

В 1858 году Анна Николаевна продала усадьбу на Мясницкой улице своему мужу Александру Мануиловичу (писалось еще Эммануиловичу) Харитову (1822—1885)⁵. Сегодня этот акт опять же может показаться странным, но в XIX столетии подобное не вызывало удивления. Решив вступить в купеческую гильдию, Харитов должен был заявить соответствующий капитал: живой, в виде ценных бумаг или недвижимости. Очевидно, до нужного объема собственные средства не дотягивали, и он вынужден был формально купить у своей жены дорогое владение на одной из центральных улиц города, которое фактически ему и принадлежало. В 1872 году А.М. Харитов, торговавший лесом и дровами, состоял уже в 1-й гильдии⁶. И хотя значился он «временно московским купцом», но вечный покой обрел именно в московской земле, в Алексеевском монастыре.

При Харитовых никаких существенных изменений в их владении не произошло. Даже на месте снесенного Белоусовым флигеля ничего не возвели, хотя, казалось бы, хозяева были заинтересованы в увеличении жилых площадей, поскольку использовали усадьбу в доходных целях, для сдачи в наем. Лишь в 1862 году к главному дому и каменным лавкам во дворе сделали одноэтажные деревянные пристройки⁷.

В 1866 году А.М. Харитов разделил свою большую усадьбу на два самостоятельных владения по границе поперечного корпуса каменных лавок. Выходящая на угол Мясницкой и Малого Харитоньевского переулка парадная часть усадьбы с главным домом была продана, а бывший хозяйственный двор и сад, составляющие почти две трети участка, остались за прежними владельцами.

Купчая гласит: «Лета 1866 июля в 21 день временно московский купец Александр Мануилов сын Харитов продал жене инженер подполковника Надежде Филаретовне фон Мекк собственный мой каменный двухэтажный дом со всем при нем строением и с отделенною от принадлежащего мне владения землею, состоящей Яузской части 1-го квартала под № 8, новым 10 на улице Мясницкой... Взял я, Харитов, с нее покупки за оный мой дом денег серебром 45 тысяч рублей...»⁸.

⁵ ЦИАМ, ф. 117, оп. 17, д. 157, л. 19.

⁶ Справочная книга о лицах, получивших в 1872 году купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1872. С. 323.

⁷ ЦАНДМ, ф. 1, Яузская часть 10/8, д. 3.

⁸ Предварительные работы. Памятник архитектуры I половины XVIII в. и II половины XIX в. Городская усадьба. Ул. Мясницкая, д. 44.

Историко-архивные исследования. М., 1996. Т. 3. С. 14.

| БАРОККО II

Исторически сложилось так, что многие иностранцы селились именно в этой части города — на бойкой Мясницкой улице, на Покровке и Сре-тенке или поблизости от них. Понятно, почему возле Мясницкой со-средоточились и многие иностранные церкви — немецкая, француз-ская, польская. Может быть, не случайно, что фон Мекки поселились именно здесь.

Прослеживая историю дома во второй половине XIX века, нельзя не обратить внимание на изменение социальной принадлежности его владельцев: это не старые дворяне и не купцы, пусть и миллионщики, это уже представители нового класса торгово-промышленных и фи-нансовых слоев русского общества. Не будем говорить об их роли в со-циальной и экономической истории России — она хорошо известна. Но и их воздействие на дальнейшее развитие русской художественной культуры оказалось весьма значительным.

Новые поколения купеческих, промышленных и банковских деяте-лей получили хорошее образование, владели иностранными языками, были большими любителями и знатоками литературы и искусства, становились меценатами и коллекционерами. Поскольку они занима-ли ведущее положение в быстро развивающемся промышленном ми-ре, то стремились утверждать его и на общественном и культурном по-прище. Покупая дворянские дома и усадьбы, они начинали их реконструировать, пытаясь и в облике жилого дома показать свое имущественное и общественное положение. Прошло время, измени-лась мода, и строгая гармония архитектурных памятников эпохи клас-сицизма уже утратила роль идеала и образца. Новым людям нужна была новая архитектура. Социальный статус и положение в обществе побуждали к заботе о престиже собственного дома, а это, в свою оче-редь, стимулировало развитие новых художественных идей и форм в архитектурном творчестве.

Большую роль в определении стилистики архитектуры этого времени сыграло заимствование старых, «доклассических» архитектурных форм, стремление их имитировать, но уже в иных соотношениях и масштабе. В каких только стилях не строились дома и не отделялись старые фасады и интерьеры — греческом и ренессансном, барочном и древнерусском, готическом и мавританском. Они могли эклектично сочетаться и в пределах одного сооружения.

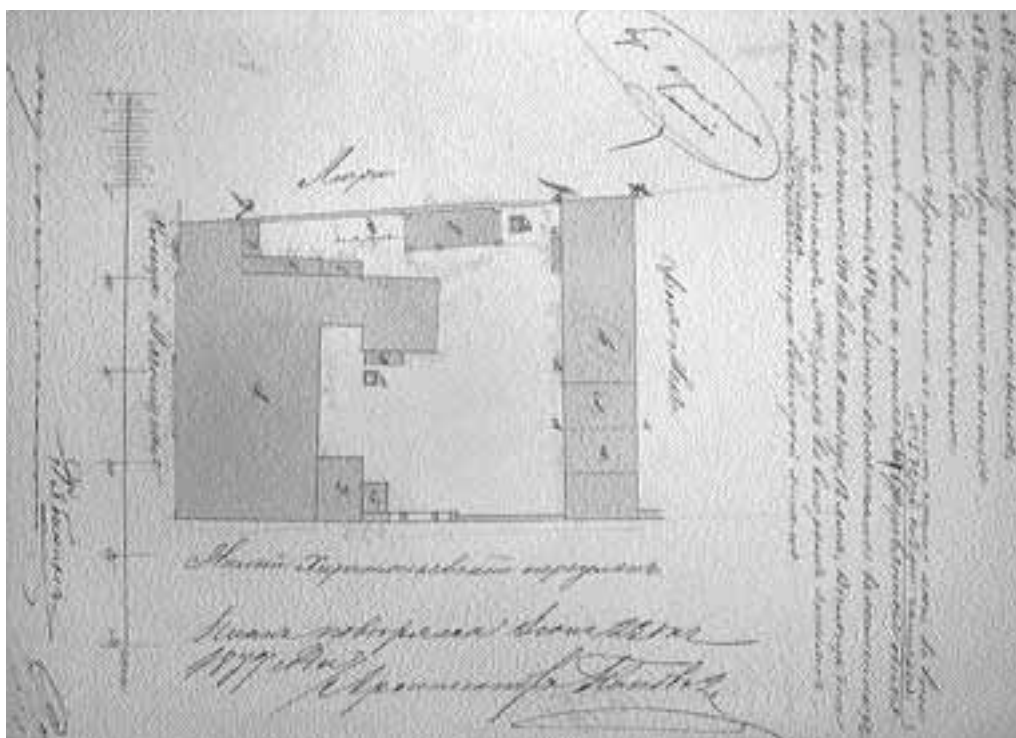
Интересно, что в отличие от теперешнего понимания это явление «многостилья», подражательности, вторичности вовсе не воспринималось современниками как отрицательное. Более того, именно эта гибкость и подвижность форм эклектики в их глазах и была новым завоеванием архитектуры, которое противопоставлялось устойчивым канонам красоты классицизма.

«Наш век эклектический, — писал в одной из своих статей литератор и художественный критик Нестор Кукольник, — во всем у него характеристическая черта — умный выбор... Парфенон и другие остатки Греческого искусства; мавританская Алгамбра, готические соборы старого и нового стиля; Италианская архитектура Палладия, Сансовино, Брунелески, Банаротти и т. д. Венецианская древняя... Индийская с Византийским своим развитием, все, одним словом, роды зодчества могут быть изящны и заключают каждая немалочисленные тому доказательства: все они взаимно пользуются своими средствами, перемешиваются и производят новые роды. Но эти роды только тогда изящны и оригинальны, когда сохраняют согласие в частях и величие или сладость в целом»¹.

Характеристика эклектики как «умного выбора» здесь знаменательна. «Умный» выбор самых разнообразных средств выразительности, самых различных свободных сочетаний декоративных форм стал сущностью эклектики, творческим кредо ее мастеров. Однако историки архитектуры обычно добавляют к названиям разных «стилей» этого времени приставки «нео» или «псевдо» — неогрек, псевдорусский стиль и так далее. И это справедливо, поскольку во всех новых сооружениях, даже самых лучших из них, высокохудожественных, есть чуть заметная «передержка», а порой и некоторый гротеск, которые никогда не позволят спутать их с первоисточником. И при этом в них всегда ощутим оттенок интеллектуальной игры.

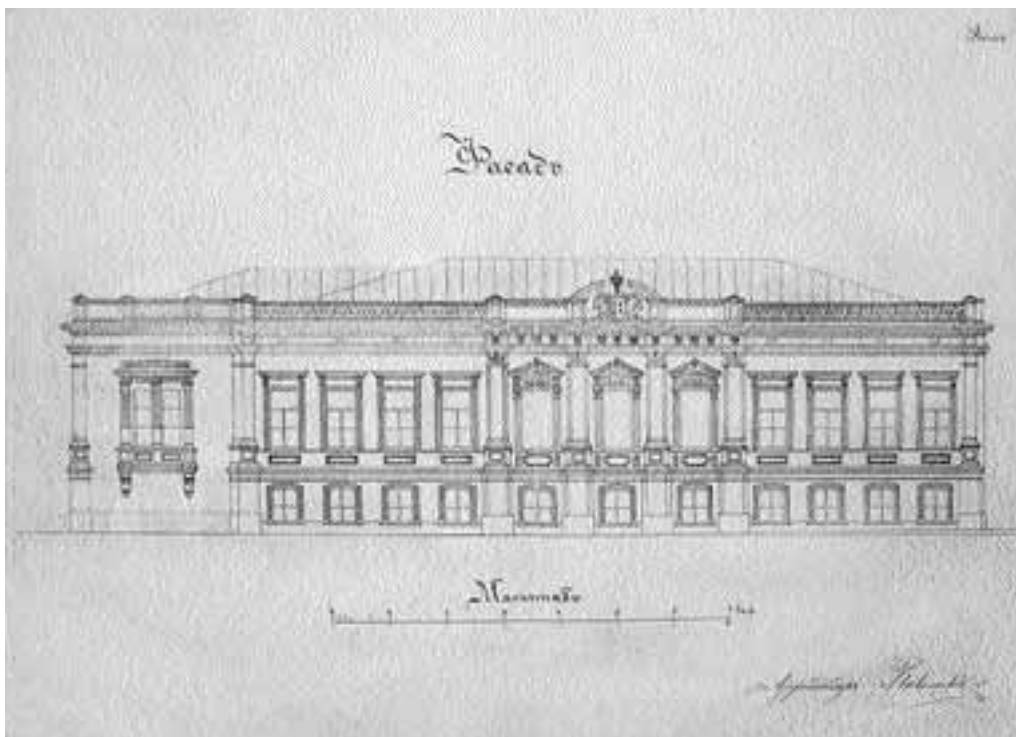
История нового, вернее, старого дома Н.Ф. фон Мекк на Мясницкой улице наглядно демонстрирует поступательное движение архитектурной

¹ Кукольник Н. Новейшие постройки в Петергофе // Художественная газета. СПб., 1837. Июль. № 11–12. С. 176.

«План владения жены инженер-полковника
Н.Ф. фон Мекк». 1877 г.

Предыдущий владелец купец А.М. Харитов
продал фон Меккам лишь парадную часть
своего участка с большим домом. Так раздро-
билась территория одной из самых больших
городских усадеб на Мясницкой улице.

Проект перестройки дома Н.Ф. фон Мекк.
Архитектор Д.И. Певницкий. 1866 г.
Дом фон Мекков получил новый фасад в духе
модного тогда псевдобарокко.

мысли XVIII—XIX веков. В 1770-х годах Урусов превратил барочные палаты в главный дом раннеклассической усадьбы. В 1820-х годах, при Арсеньевых, он получил строгий классический вид, характерный для облика послепожарной Москвы. Белоусов в конце 1840-х отделал фасад дома в духе эклектики. И вот фон Мекк в середине 1860-х годов вернула ему барочное обличье, как будто замкнув круг длиною в столетие, но на самом деле перевела его на новый виток.

Уже через месяц после покупки усадьбы, в августе 1866 года, Надежда Филаретовна фон Мекк обращается в Городскую управу: «Приобрела я покупкою дом состоящий Яузской части I квартала № 8, на который форменного плана не имею, в настоящее время имея в оном надобность и желая вместо существующего отделать вновь согласно представленного мною фасада... Дабы повелено было прошение принять, а просимое дозволить, и отделить у Харитова участок, проданной согласно купчей дом с землею, выдать на мое имя план...»².

Тогда же фон Мекк получает из управы план своего владения³, абсолютно повторяющий план времен Ф.Е. Белоусова и А.М. Харитова, и разрешение на «вновь дозволяемые перестройки строений 1 и 2», то есть главного дома с левой пристройкой, у которых фасады отделываются заново.

В архиве сохранился чертеж фасада дома Н.Ф. фон Мекк, выполненный архитектором Д.И. Певницким⁴. Дмитрий Иванович Певницкий (?—1887) окончил Московское дворцовое архитектурное училище и имел звание архитектора придворного ведомства. Наиболее известные его постройки — мечеть на Большой Татарской улице и особняк на Пятницкой улице, 52 в духе эклектики с элементами «кирпичной готики». Минимальными средствами Певницкий сумел превратить скромный дом фон Мекк в пышный богатый дворец в стиле необарокко, или «второго барокко», как называют его историки искусства.

Яркий и своеобразный стиль необарокко был тогда в большой моде. Зародившись в середине XIX века, этот «изящный стиль», по выражению современников, вплоть до 1910-х годов питал зодчих новыми архитектурными идеями. В характере барокко возводились самые разные по назначению постройки — частные особняки и доходные дома, павильоны и дачи, церкви и общественные здания. Оно было связано с запросами и потребностями привилегированных сословий, в первую

² Предварительные работы. Памятник архитектуры первой половины XVIII и второй половины XIX века. Городская усадьба. Ул. Мясницкая, д. 44. Историко-архивные исследования. М., 1996. Т. 3. С. 14.
(Далее: Предварительные работы...)

³ ЦАНТДМ, ф. 1, Яузская часть 10/8, д. 5.

⁴ Там же.

очередь аристократии, монархов и придворных, родовой знати и, конечно же, желающих подражать «большому свету» крупных промышленников и предпринимателей.

И хотя художественные критики поначалу отнеслись ко «второму барокко» пренебрежительно, считали его незначительным и бесперспективным, архитектурная практика опровергала их высокое мнение. Количество необарочных памятников из года в год увеличивалось, и к началу XX века его наследие выглядело столь внушительным, что этот стиль стало никак нельзя считать второстепенным и уж тем более маргинальным⁵.

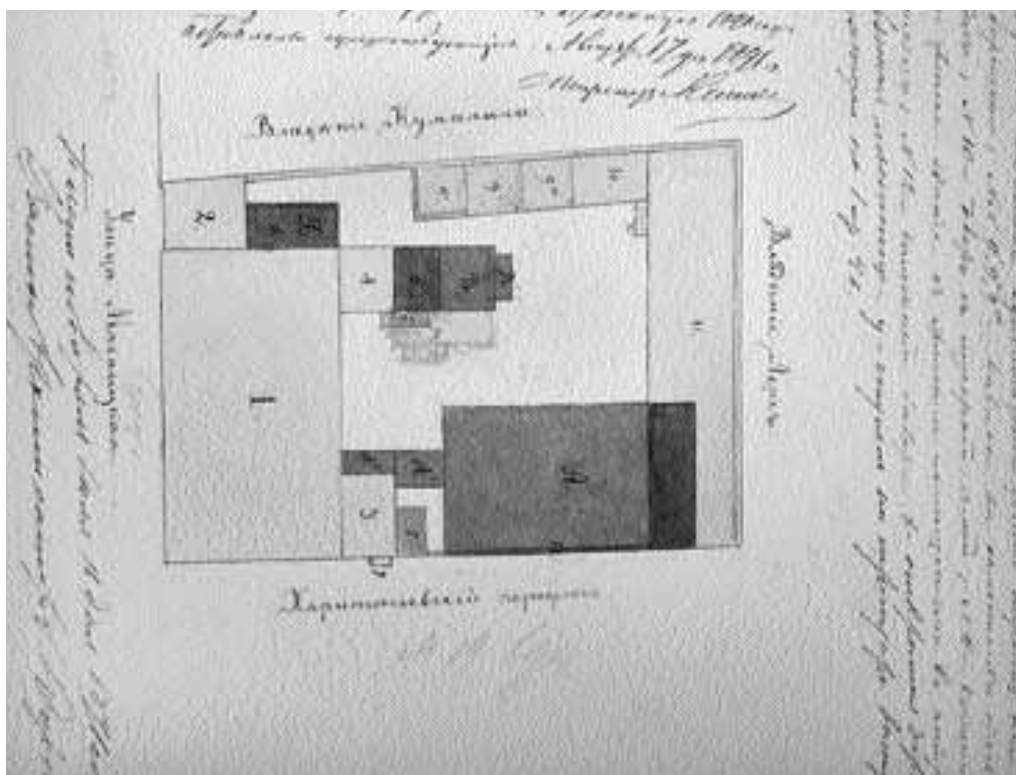
Перестраивая дом Н.Ф. фон Мекк, Д.И. Певницкий сделал грамотный ретроспективный проект, основанный на осмысленном обращении к давно минувшему. В данном случае он был особенно уместен и убедителен, поскольку воспроизводил характерные черты стиля, в котором изначально было выстроено здание. На первый взгляд, он сделал лишь «расчистку», скромную реставрацию подлинника, сохранившегося под спудом позднейших напластований. На самом же деле это, скорее, авторская реплика, сравнимая с вариацией в музыке. Формы оригинала здесь — не образец, а лишь ориентир, позволяющий органически вжиться в иное историческое время. Вкус и художественный такт мастера стали залогом успеха.

Архитектор предложил очень экономный проект, изменив лишь центральную часть здания и его карниз, и уже одно это позволило вернуть дому давно утраченный облик. Три центральных окна вместо полукруглых завершений получили треугольные «разорванные» фронтоны с лепным растительным орнаментом под ними. В этих окнах были запроектированы зеркальные стекла — цельные, без переплетов. На пилястрах появились лепные коринфские капители, причем раннебарочного образца времен Петра I и Анны Иоанновны. Здание венчал нарядный парапет с каменными столбиками, глухой в центре и ажурный над боковыми частями дома. И наконец, главным акцентом псевдобарочного убранства фасада стал «разорванный» лучковый фронтон, в котором в обрамлении растительного орнамента помещался фамильный герб.

Очевидно, тогда же была изменена и лепная обработка интерьеров.

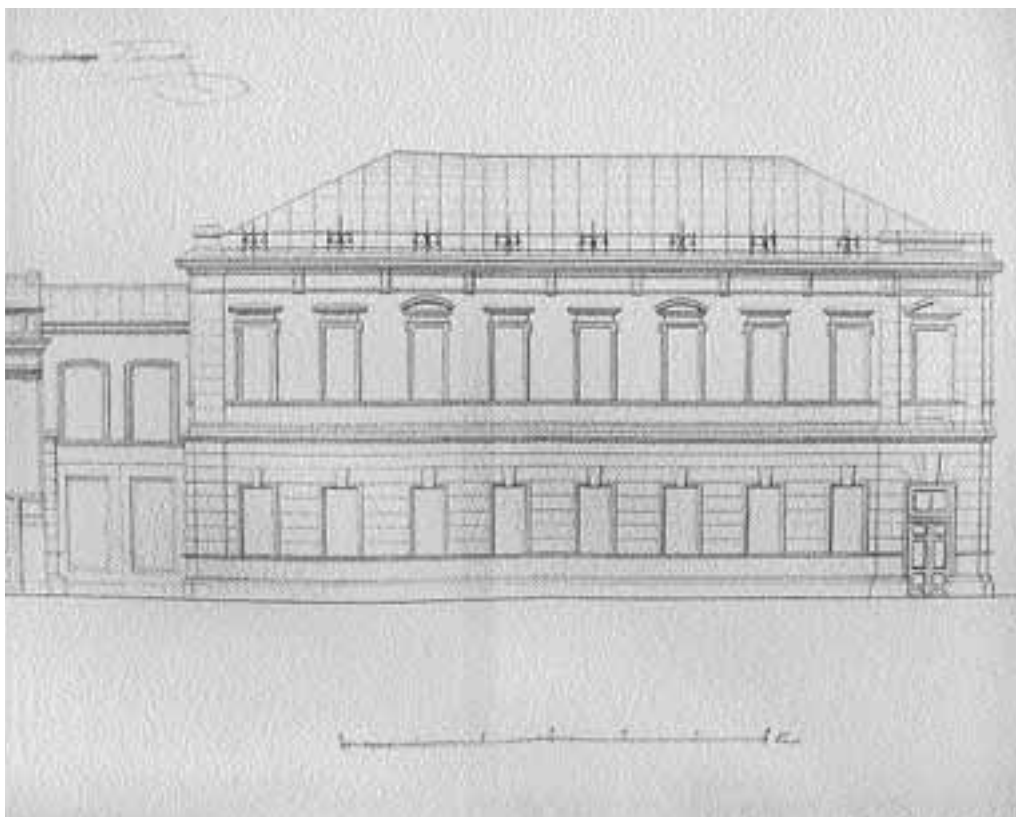
В 1876 году, будучи уже в чине действительного статского советника, умирает муж Надежды Филаретовны фон Мекк. После смерти мужа ведение строительных дел она поручает своему брату, штабс-капитану

⁵ Бурдяло А.В. *Необарокко в архитектуре*
Петербург. СПб., 2002.

«План владения камер-юнкера В.К. фон Мекка». 1891 г.

Молодой фон Мекк осуществил крупную перестройку владения. На месте ограды по Малому Харитоньевскому переулку и части служебного корпуса возвели двухэтажный доходный дом, соединенный с главным домом арочным переходом. К правому ризалиту со стороны двора пристроили большое помещение кухни, впоследствии снесенное. Во дворе также появились новые служебные постройки. Возведение нового дома стало началом преобразования бывшей усадьбы в доходный комплекс с характерной застройкой по периметру двора. Следующий владелец Д.Н. Стахеев на месте лавок купца Ф.Е. Белоусова возвел новые жилые постройки, соединив их с доходным домом.

*Проект доходного дома В.К. фон Мекка по
Малому Харитоньевскому переулку.
Архитектор И.С. Епанешников, 1891 г.
При следующем владельце купце Н.Д. Ста-
хееве в 1895 г. фасад доходного дома был
изменен по проекту архитектора
М.Ф. Бугровского.*

в отставке Александру Филаретовичу Фроловскому. В 1877 году он подал прошение на разрешение перестройки бывших каменных лавок, тогда уже двухэтажных, под жилье, для чего предоставил в Управу план владения фон Мекк с обозначением всех строений⁶. Из этого плана известно, что по линии Малого Харитоньевского переулка шла каменная ограда с воротами возле дома. По противоположной, восточной границе участка стояли в ряд небольшие хозяйственные постройки, а во дворе возле черного крыльца находился колодец.

Согласно новому проекту благоустройства города предполагалось расширение Мясницкой улицы. Дом фон Мекк выступал за проектируемую красную линию на тринадцать вершков по всей своей длине, так что его нужно было или сносить, или реконструировать. В это время владелица дома пережила очень неприятные минуты, но, к счастью, эта сторона улицы не была затронута, ее расширение осуществили за счет противоположной стороны.

План владения 1881 года⁷ зафиксировал жилую одноэтажную деревянную пристройку у левого торца главного дома, позади пристройки Ф.Е. Белоусова. В подвал под ней вели сени с каменной лестницей. В самом же доме особо оговаривается наличие антресолей и «металлический зонт с каменной ступенькой» у парадного входа со стороны переулка.

В Историческом архиве Москвы сохранились интереснейшие документы, связанные с оценкой и страховкой недвижимого имущества Надежды Филаретовны фон Мекк. В них дается подробное описание и оценка всех строений ее владения на Мясницкой улице.

Пятнадцатого сентября 1889 года Н.Ф. фон Мекк подала заявление в Московское городское кредитное общество на выдачу ей ссуды под залог имущества до 1 марта 1890 года. Размер ссуды — 33500 рублей облигациями с купонами. Четвертого октября по специально составленному для этой цели плану участка⁸ и по осмотру недвижимости страховое общество «Саламандра» произвело оценку строений и земли⁹.

Главный дом с крыльцом и деревянными хозяйственными сенями значился на плане как одноэтажный с полуподвальным этажом, а точнее: «Одноэтажное каменное строение с антресолями, с жилым подвальным этажом; каменные стены снаружи оштукатурены, кровля железная. В сем строении 1 барская квартира, в которой: в 1-ом этаже: потолки и стены — оштукатурены, потолки в парадных комнатах с лепными украшениями; стены и перегородки оклеены обоями; полы —

⁶ ЦАНТДМ, ф. 1, Якузская часть 10/8, д. 7, л. 6а.

⁷ Там же. Д. 8, л. 4а.

⁸ ЦИАМ, ф. 117, оп. 17, д. 157, л. 24.

⁹ Там же. Л. 25, 25 об., 26, 26 об.

паркетные дубовые и простые досчатые; оконные рамы: дубовые с зеркальными стеклами и сосновые окрашены масляною краскою; двери: сосновые окрашены масляною краскою и дубовые, в одной комнате двери (двупольные) с позолотою и с резными украшениями; приборы (то есть оконные ручки и шпингалеты. — *Т.Д.*): медные и бронзированные; печи: голландские, израсчатые и камины с мраморными облицовками; в полуподвальном этаже: кирпичные своды и стены — оштукатурены; полы: в чистых комнатах дубовые паркетные, плитные и досчатые; оконные рамы и двери окрашены масляною краскою; приборы медные и железные; печи голландские, израсчатые, кухонные очаги с плитами и русская печь... В означенной квартире устроены ватерклозеты».

Строение было оценено в 31295 рублей. Деревянная сторожка при нем, примыкавшая к парадным сеням по переулку, — в 464 рубля.

В бывших каменных лавках Белоусова в первом этаже находились сараи, кладовые и конюшня с денниками, во втором — квартиры. Цена строения составляла 8673 рубля. И последним в числе недвижимости был сарай с тремя каменными стенами, оцененный в 905 рублей.

В целом строения были оценены в 41337 рублей, а все имущество вместе с землей — в 68742 рубля. Постоянный валовой доход с них составлял 5300 рублей, а именно: 4600 с каменных строений и 700 с деревянных. В январе 1890 года страховое общество «Саламандра» застраховало имущество Надежды Филаретовны фон Мекк на сумму 75700 рублей. Ссуду по доверенности получил ее брат А.Ф. Фроловский.

Двадцать девятого октября 1890 года Н.Ф. фон Мекк оформила на свою усадьбу дарственную на имя сына Владимира Карловича фон Мекка, который в ноябре вошел в право владения¹⁰.

Год спустя, в 1891 году, камер-юнкер Двора Его Императорского Величества Владимир Карлович фон Мекк затеял у себя на Мясницкой большие перемены. Он подал прошение в Московскую Городскую управу на разрешение ему построить вновь каменное двухэтажное жилое строение по линии Малого Харитоньевского переуллка и сделать со стороны двора каменные пристройки к дому взамен деревянных¹¹. Проект был заказан инженеру И.С. Епанешникову¹².

Инженер-строитель Иван Семенович Епанешников был из «своих». Он служил начальником первой дистанции Московско-Казанской железной дороги и возводил в основном сооружения для нужд своего ведомства, например зернохранилище на станции Москва-Товарная.

¹⁰ Предварительные работы... С. 17.

¹¹ ЦАНТДМ, ф. 1, Яузская часть 10/8, д. 10, л. 8а.

¹² Там же.

Он выстроил также здание технического училища Московско-Казанской дороги, организованного Н.К. фон Мекком.

Для строительства нового здания разобрали не только каменную ограду по переулку, но и часть длинного белоусовского корпуса. На их месте по красной линии переулка И.С. Епанешников возвел довольно внушительное двухэтажное сооружение в стиле эклектики с использованием классицистических архитектурных деталей и декора. Оно неплохо согласовывалось с главным домом владения благодаря сходству оформления окон второго этажа и ажурному чугунному парапету над венчающим карнизом. Кроме того, по изначальному плану новое здание соединялось с барским особняком переходом над проездной аркой, ведущей во двор, для чего увеличили объем парадных сеней.

Это был небольшой и незатейливый доходный дом, каких много возводилось в Москве во второй половине XIX века. В каждом этаже было по одной просторной квартире, состоящей из восьми комнат. Вдоль главного фасада шла анфилада парадных залов, а жилые помещения и кухни выходили во двор. Так было положено начало преобразованию старинной усадьбы в доходный комплекс с характерной для того времени застройкой по периметру двора.

I ДИНАСТИЯ ФОН МЕКК

Среди крупнейших предпринимательских династий в прошлом было немало семей, ведущих свое происхождение от выходцев из других стран, чья судьба тесно переплелась с жизнью России, ее историей. Соцветие иностранных фамилий даже попало в сатирические стихи, гулявшие по Москве в конце XIX века:

Брабец, Яни и Трамбле,
Фаберже, Сиу, Ралле,
Борман, Циндель и Гужон,
Бартельс, Оливье, Омон,
Дациаро и Аванцо, —
Немцы, греки, итальянцы,
И французы, и британцы, —
Юлий Циммерман, Депре,
Мерилиз и Поль Буре,
Марк, Вогау и фон Мекк,
Вольф, и Фишер, и Дюбек...
Ох, кружится голова,
Это — матушка Москва!¹

Далеко не все из этих имен сегодня известны. Ну, с Фаберже, Оливье и Буре все понятно. Припоминаются Мюр и Мерилиз, державшие модный пассаж, который с советских времен называется ЦУМом. В московскую поговорку вошел владелец металлургических заводов Гужон: у вашего брата, мол, завод, как у Гужона, только труба пониже да дым пожиже. А остальные? Остальные были в свое время не менее знамениты. Дациаро — издатель, владелец известного магазина книг и литографий на Кузнецком мосту. Бартельс был булочником, его магазин находился у Никитских ворот. Трамбле тоже принадлежала известная московская кондитерская на углу Кузнецкого моста и Петровки. «Личный почетный гражданин» Депре основал Товарищество виноторговли

¹ Никулин Л. *Старая и новая Москва в художественной литературе. Краткий историко-литературный очерк. М., 1947. С. 49–50.*

своего имени, владел многочисленными магазинами в Москве и Петербурге. Богатейшие банкиры Вогау и Марк финансировали строительство железных дорог.

Вогау и Марк не случайно стоят в стихотворении рядом с именем фон Мекк. Фон Мекки были «железнодорожными королями», стремительно выдвинувшимися в ряды богатейших семей России на волне «железнодорожной горячки» второй половины 1860-х—1870-х годов. Начиная с этого времени и вплоть до революции многие представители династии занимали выдающееся место не только в экономической, но и в общественной и культурной жизни России. С их именами связаны крупнейшие проекты развития железнодорожной сети в нашей стране и покровительство музыкантам и художникам, в числе которых в первую очередь нужно назвать П.И. Чайковского и М.А. Врубеля, разнообразная благотворительная и общественная деятельность, замечательные инициативы по созданию и развитию многих полезных научных, культурных, спортивных, просветительских учреждений и организаций².

Фон Мекки происходили из старинного остзейского дворянского рода, предки которого переселились в Лифляндию из Силезии в конце XVI века. Родоначальником династии считается силезский канцлер Фридрих фон Мекк (р. 1493). Многие представители этого рода находились на военной службе, вначале в шведской, а затем в российской армии. Род фон Мекков внесен в «матрикул Лифляндского дворянства и в VI часть книги Смоленской губернии», в книгу дворянского сословия Тульской губернии³.

Карлу Федоровичу (Карлу Отто Георгу) фон Мекку (1821—1876) выпала судьба стать одним из пионеров частного железнодорожного строительства в России. В девятнадцать лет он начал учиться в Петербургском институте путей сообщения. В 1844 году успешно закончил

К.Ф. фон Мекк. Фотография.

² Гавлин М.Л. Из истории российского предпринимательства: династия фон Мекк. М., 2000.

³ Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. СПб., 1892. Т. 19. С. 2; Чернопятов В.И. Дворянское сословие

его и поступил на службу в чине поручика в ведомство путей сообщения. Молодой инженер вскоре получил место начальника дистанции Московско-Варшавского шоссе. Его дальнейшая служба была связана с работой в качестве инженера и инспектора строительства стратегических дорог в западной части России.

В 1848 году в его жизни произошло важное событие: он женился на дочери смоленского помещика Надежде Филаретовне Фроловской, которая стала ему надежной опорой и поддержкой на всем их совместном жизненном пути.

Продвижение К.Ф. фон Мекка по службе шло медленно. Работа в казенном ведомстве мало удовлетворяла талантливого и энергичного инженера. Он вряд ли бы самостоятельно решился порвать с ненавистой казенной службой, опасаясь поставить семью в трудное положение, если бы Надежда Филаретовна решительно не настояла на его уходе. В 1860 году Карл Федорович оставил государственную службу, чтобы заняться предпринимательской деятельностью. Это был смелый и во многом рискованный шаг, сыгравший решающую роль в дальнейшей судьбе их семьи. И он был бы невозможен без полного доверия и взаимной поддержки супругов. Вот как сама Надежда Филаретовна позже описывала это событие в одном из писем к П.И. Чайковскому:

«Я не всегда была богата, большую часть своей жизни я была бедна, очень бедна. Мой муж был инженер путей сообщения и служил на казенной службе, которая доставляла ему 1500 р. в год — единственные, на которые мы должны были существовать с пятью детьми и семейством моего мужа на руках: не роскошно, как видите. При этом я была кормилицей, нянькой, учительницей и швеей моих детей, а также камердинером мужа; хозяйство было, конечно, тоже на моих руках, работы было много, но я не тяготилась ею, но вот что давило меня невыносимо: знаете ли вы, Петр Ильич, что такое казенная служба? Знаете ли, что при ней человек должен забыть, что у него есть разум, воля, человеческое достоинство, что он должен сделаться куклой, автоматом? И вот этого положения моего мужа я не в состоянии была выносить и, наконец, стала просить, умолять его бросить службу, а на его замечание, что тогда нам нечего будет есть, я отвечала, что мы будем трудиться и не пропадем; но когда он, наконец, согласился исполнить мою неотступную просьбу и вышел в отставку, мы очутились в таком

положении, что могли проживать 20 коп. в день на все. Тяжело было, но я ни одной минуты не жалела о том, что было сделано. Это было не последнее тяжкое положение в материальном отношении...»⁴.

Уход Карла Федоровича со службы совпал с началом развертывания в России широкого железнодорожного строительства. Россия сильно отставала в развитии этой отрасли народного хозяйства. Правильным выходом было решение привлечь в нее частные капиталы при финансовой поддержке казны и гарантировании государством высоких прибылей. Правда, поначалу, как свидетельствует министр путей сообщения и позже министр финансов С.Ю. Витте, находилось немного «охотников получать концессии, потому что никто на железных дорогах тогда не наживался»⁵. К тому же, чтобы заниматься этим рискованным делом, требовались большие капиталы. Однако к 1860-м годам положение стало меняться.

Начало предпринимательской деятельности К.Ф. фон Мекка было связано со строительством в 1860—1862 годах линии Москва — Коломна Обществом Саратовской железной дороги. Это было одно из первых обществ с широким участием представителей русского капитала. Его учредителями были московские коммерсанты К.Т. Солдатенков, Ф.М. Вогау, представители фирмы «Братья Сапожниковы», финансист Г.А. Марк, предприниматель П.Г. фон Дервиз и другие, а акционерами стали даже великие князья и наследник-цесаревич. Фон Мекк имел подряды на проведение основных работ по сооружению дороги. Все заинтересованные лица единодушно сходились в том, что Карлу Федоровичу принадлежала большая заслуга в успешном окончании строительства. Здесь он впервые проявил свои способности организатора и инженера, энергию, инициативу, умение заинтересовать людей, честность и обязательность в ведении дел и в расчетах. Он постоянно говорил, что «честность в расчетах — это тоже коммерция»⁶.

Крупнейший предприниматель в области железнодорожного строительства П.Г. фон Дервиз высоко оценил профессионализм своего соплеменника фон Мекка, как специалиста и талантливого организатора, и предоставил ему оптовый подряд на строительство нового участка дороги от Коломны до Рязани, начатое в 1863 году. Благодаря его энергии и распорядительности работы шли очень быстро, и меньше чем через полтора года стало возможным открыть движение до Рязани. Московские остряки тогда шутили по этому поводу, что если «Магомет нашел в Мекке свою погибель, то Дервиз — свое спасение»⁷.

Тульской губернии. М., 1909. Т. 3. С. 375–376.

⁴ Чайковский П.И. Переписка с Н.Ф. фон Мекк. М., Т. 1. 1934. С. 105.

⁵ Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 1. С. 125.

⁶ Палтусова И.Н. Династия фон Мекк // Труды Государственного Исторического музея. М., 1997. Вып. 98. С. 152.

Линия Москва — Коломна — Рязань стала одной из самых доходных в России. Инженер-подполковник К.Ф. фон Мекк приобрел на сооружении этой дороги репутацию высокопрофессионального строителя и инженера, проявил себя и первоклассным мостостроителем. Строительство линии Коломна — Рязань знаменательно и тем, что оно положило начало баснословному состоянию как фон Дервиза, так и фон Мекка. Оба компаньона официально заработали на строительстве железной дороги огромную сумму — полтора миллиона рублей⁸. Но ходили слухи, что такой барыш получил один фон Мекк, а еще больший «учредительский куртаж» остался в кармане фон Дервиза. Благодаря тому, что правительственная гарантия значительно превышала действительную стоимость работ и строительство дороги велось за счет облигационного капитала, большей частью помещенного за границей, концессионеры сумели хорошо заработать на сделке.

Позже железнодорожная линия была продолжена от Рязани до Козлова. Концессию на ее строительство получил фон Дервиз, а оптовым подрядчиком был вновь выбран Карл Федорович фон Мекк, руководивший всеми работами. И опять за счет «экономии» строительных средств он нажил миллионный барыш⁹. По некоторым оценкам, стоимость строительства дороги была искусственно завышена почти вдвое. По существу, для ее постройки был использован лишь облигационный капитал, а акционерный капитал оставался чистым барышом, причем гарантированным правительством. Более того, как свидетельствовал С.Ю. Витте, «нередко, за невозможностью разместить облигации в частные руки, правительство оставляло их за собой. Таким образом, фактически железные дороги строились на государственные средства, или средства, гарантированные государством, которое из-за этого вошло в громадные долги, управление же всем железнодорожным делом отдано было частным предпринимателям почти в бесконтрольное владение»¹⁰.

Московско-Рязанская и Рязанско-Козловская дороги давали самый близкий путь от Центра к черноземной полосе, что сохраняло за ними монополию на хлебные грузы и позволяло ее владельцам держать высокие тарифы. Они сразу же стали очень доходными железнодорожными ветками.

Нажива на Рязанской дороге и особенно на Козловской разожгла аппетиты и привлекла многих предпринимателей. С.С. Поляков, П.И. Губонин и другие стали вкладывать огромные деньги в строительство

⁷ Скальковский К.А. Воспоминания молодости. (По морю житейскому). 1843–1896. СПб., 1906. С. 258.

⁸ Палтусова И.Н. Указ. соч. С. 152.

⁹ Предпринимательство и

железных дорог. Началась самая настоящая «железнодорожная лихорадка», вдохновленная богатствами, приобретенными фон Дервизом и фон Мекком.

Карл Федорович фон Мекк был одним из наиболее удачливых в «концессионной горячке» 1860–70-х годов. Большую роль в его предпринимательской карьере сыграло получение концессии на строительство Курско-Киевской железной дороги в 1866–1868 годах. Здесь к двум постоянным компаньонам присоединился третий — статс-секретарь, а впоследствии член Государственного совета, князь С.А. Долго-рукий. Льготные условия концессии дали возможность учредителям-подрядчикам получить за счет казны около шести миллионов рублей. Кроме того, управление дорогой, выстроенной исключительно на казенные средства, фактически находилось в распоряжении учредителей.

С каждым годом получить выгодную концессию становилось все труднее, началась отчаянная конкуренция. Слишком уж сильно пора-жали воображение примеры быстрого и фантастического обогащения в этой области. С 1871 года система конкуренции путем торгов была отменена: Министерству путей сообщения было предоставлено право единолично выбирать концессионера. Это только усилило позиции раз-ных влиятельных групп и обострило борьбу за получение концессий.

Нужно сказать, что Карл Федорович фон Мекк проявил недюжин-ные способности в налаживании контактов с придворными и прави-тельственными кругами и накопил немалый опыт взаимоотношений с влиятельными лицами, от которых зависело получение крупных под-рядов. Он умел добиваться своих целей, используя обширные связи и знакомства в Министерстве путей сообщения, где его хорошо знали по прежней службе и высоко ценили. Именно связи и широкий круг знакомств помогли ему победить в ожесточенной борьбе, развернув-шейся за получение концессии на Ландваровско-Роменскую дорогу, причем в почти безнадежно проигрышной ситуации. Не последнюю роль сыграли и деньги. По одним свидетельствам, фон Мекк выложил на взятки полтора миллиона, по другим — до трех миллионов рублей¹¹.

Получив концессию, Карл Федорович пригласил по старой памяти в компаньоны фон Дервиза, но тот наотрез отказался от сотрудничества. Как свидетельствует Витте, фон Дервиз заявил, что «он не такой дурак, чтобы, раз нажив состояние, стал им рисковать; что ему совершенно до-статочно тех миллионов, которые он имеет, поэтому он предпочитает

*предприниматели России. От истоков до
начала XX века. М., 1997. С. 271.*

¹⁰ Витте С.Ю. Указ. соч. С. 347.

¹¹ Предпринимательство и

вести жизнь мецената, какую он и ведет»¹². Фон Дервиз, как оказалось, был прав: постройка этой дороги принесла фон Мекку большие убытки.

В отличие от фон Дервиза, проживавшего остаток дней свое состояние за границей, К.Ф. фон Мекк до конца жизни не изменил своему профессиональному делу строительства железных дорог в России. Получая выгодные контракты и умело организуя дело, он постепенно ско-

пил огромное состояние. Свои многомиллионные капиталы он держал в акциях построенных им дорог: Ландваровско-Роменской (впоследствии переименованной в Либаво-Роменскую), Московско-Рязанской, Рязанско-Козловской, Курско-Киевской, Моршанской, а также в акциях Волжско-Камского банка и пароходного общества «Ока». Он имел недвижимость в Москве, огромное имение Браилово в южной Украине.

Скончался Карл Федорович фон Мекк в 1876 году от тяжелого сердечного приступа.

После смерти мужа семейным бизнесом какое-то время пришлось заниматься Надежде Филаретовне фон Мекк, вступившей по завещанию в права наследования. «После мужа, — писала она П.И. Чайковскому в 1878 году, — мне остались очень запутанные и затруднительные дела...»¹³. К ним она привлекла старшего сына Владимира и своего брата Александра Филаретовича Фроловского. Оказалось, что у Карла Федоровича было шесть миллионов долгов. Обострились отношения с наследниками П.Г. фон Дервиза, пытавшимися перехватить контроль над принадлежавшими фон Меккам железнодорожными компаниями и оттеснить их от владения ими. Не желая трогать основной капитал, Надежда Филаретовна была вынуждена в 1881 году продать Либаво-Роменскую дорогу и украинское имение, чтобы расплатиться с долгами. Несмотря на такие потери и откровенно слабое умение вести дела, проявленное ее помощниками, ей все же удалось сохранить семейное состояние для своих многочисленных подрастающих детей.

Н.Ф. фон Мекк.
Фотография. 1870-е гг.

Надежда Филаретовна фон Мекк (1831—1894) была дочерью смоленского помещика Филарета Васильевича Фроловского и Анастасии Дмитриевны, урожденной Потемкиной, дочери отставного подполковника смоленской шляхты Д.Д. Потемкина. Мать ее, энергичная, деловая женщина, была главой семьи. Отец же, страстный любитель музыки, совсем отстранился от хозяйственных дел и в основном предавался игре на скрипке. Хотя родители были небогаты, Надежда получила прекрасное разностороннее домашнее образование и с ранних лет училась игре на фортепиано. Еще девочкой она аккомпанировала отцу. Позже, когда под старость ему стало тяжело музицировать, он превратился в слушателя, а Надежда со старшей сестрой часами играли в четыре руки классические произведения великих мастеров, доставляя отцу большое удовольствие. Со временем Надежда приобрела значительную музыкальную начитанность. Вместе с тем она не отставала и в начитанности литературной благодаря прекрасной библиотеке, доставшейся по наследству от матери.

Еще в юности в Надежде отмечали редкое сочетание романтической мечтательности с трезвым мужским расчетом. Если от отца она унаследовала тонкий вкус и любовь к музыке, то от матери — власть, волевой и энергичный характер, пылливый ум, твердость и решительность. Рано, в шестнадцать лет, выйдя замуж за Карла Федоровича фон Мекка, она, тем не менее, оказалась вполне готовой к трудностям практической жизни. Модест Ильич Чайковский, брат композитора и его биограф, в своей хронике писал, что «с замужеством для Надежды Филаретовны начался новый период жизни, где проявились во всей силе и ее энергия и подготовленность к жизненной борьбе. Как любящая жена и мать одиннадцати детей, она сумела стать настоящим помощником, советчиком и другом мужа и благодетельницей семьи»¹⁴. При постоянном содействии Надежды Филаретовны начало складываться многомиллионное состояние фон Мекков, половину которого, как свидетельство доли участия в его приобретении, Карл Федорович отдал в личную собственность жене.

М.И. Чайковский писал также, что Надежда Филаретовна фон Мекк отличалась редкой самостоятельностью в убеждениях, деловитостью и серьезностью мужчины, презирала все условное, пошлое и мелочное. Она была «безупречно чистой в стремлениях и сознании своего долга, без единой черты сентиментальности в общении с окружающими,

Статьи 1874–1895 годов. М., 1909. С. 109.

¹² Витте С.Ю. Указ. соч. С. 126.

¹³ П.И. Чайковский. Переписка с Н.Ф. фон Мекк. М., 1934. Т. 1. С. 292.

¹⁴ Чайковский М.И. Жизнь Петра Ильича

но с глубоким чувством и способностью увлекаться до самозабвения всем высоким и прекрасным»¹⁵. В своей монограмме фон Мекк использовала девиз «Нет прав без обязанностей».

После смерти мужа у Надежды Филаретовны, помимо сложного и запутанного семейного дела, главной заботой стали подрастающие дети. Из одиннадцати детей семь были при ней, а остальные жили отдельно, своими семьями. Ее большой помощницей была старшая дочь Юлия.

По решению Надежды Филаретовны опекуном малолетних братьев и сестер по наследственному имуществу стал ее старший сын Владимир Карлович (1852–1893), который взял на себя также руководство коммерческими предприятиями семьи. Однако руководство это было нельзя признать удачным, поскольку особой предприимчивостью и деловитостью Владимир Карлович не отличался, а неудачи в делах и в личной жизни быстро подорвали его здоровье.

Но благодаря старшему брату в 1884 году в состав правления Московско-Рязанской железной дороги вошел Николай Карлович (1863–1929), с деятельностью которого был связан новый взлет железнодорожного предпринимательства династии фон Мекк. Он стал талантливым продолжателем отцовского дела и крупнейшим железнодорожным деятелем России рубежа XIX–XX веков. Еще совсем молодым человеком он занял должность председателя правления Московско-Казанской железной дороги, руководил им вплоть до 1917 года и добился ее процветания. Это была тогда одна из самых мощных и значительных железных дорог России. Современники отзывались о Николае Карловиче фон Мекке как о человеке, отличающемся чрезвычайной работоспособностью, трезвым мышлением, исключительной энергией в достижении цели. Его успех основывался на высоком профессионализме, тщательном проведении изыскательских работ, проработке проектов. Общество Московско-Казанской дороги было обязано Н.К. фон Мекку коренным улучшением его технической оснащенности, модернизацией оборудования. Он заботился об улучшении труда и жизни своих рабочих, открывал технические училища и школы.

Его энергия распространялась и на общественную деятельность и благотворительность. Он делал крупные пожертвования Московскому институту благородных девиц, учредил там три стипендии от семейства фон Мекк. Николай Карлович отдал дань и коллекционированию произведений русской живописи.

После революции бывший «железнодорожный король» царской России Н.К. фон Мекк работал в Госплане постоянным представителем от Наркомата путей сообщения, выпустил несколько книг по истории и экономике железнодорожного транспорта. Но ни лояльность к новой власти, ни сорокалетний опыт работы на благо родины не смогли уберечь его от гибели. В 1928 году он был арестован по делу «вредительской» инженерной организации, «объемлющей всю страну». Ему инкриминировалось «вредительство на транспорте». А.И. Солженицын в своей книге «Архипелаг ГУЛАГ» отмечал стойкость фон Мекка и его товарищей, проходивших по этому делу, на следствии¹⁶. Николай Карлович фон Мекк был расстрелян в 1929 году.

Еще один сын фон Мекков, Александр Карлович (1864—1911), был яркой личностью с необычайно разносторонними общественными, научными и профессиональными интересами. Вопреки желанию Надежды Филаретовны, прочившей ему успехи на музыкальном поприще, музыкантом он так и не стал. Зато стал известным альпинистом и путешественником. Александр Карлович фон Мекк совершил немало серьезных восхождений, в частности на Казбек и Монблан. Он основал и возглавлял вплоть до смерти Русское горное общество, устраивал выставки, издавал и редактировал «Ежегодник», знакомявший россиян с развитием альпинизма в мире. Фактически, он создал русский альпинизм. Он много путешествовал, побывал в Альпах, Пиренеях, на Балканах, Корсике, оставив описания некоторых своих путешествий. А.К. фон Мекк был членом Русского Географического общества, Общества любителей естествоиспытания, антропологии и этнографии.

Имя Александра Карловича фон Мекка также пользовалось авторитетом в кругу российских библиографов и архивистов. Ему принадлежат работы по организации русского археографического и архивного дела. Библиотека фон Мекка считалась одним из лучших собраний

*Семейство фон Мекк. Фотография.
Около 1878 г.*

*хранящимся
в архиве имени покойного композитора
в Клину). М., 1992. Т. 2. С. 8. (Далее: Жизнь*

в России. Ее основу составляли книги по экономике России и стран Западной Европы. Занимался он и филантропической деятельностью. Словом, А.К. фон Мекк внес заметный вклад в общественную и культурную жизнь своей страны¹⁷.

Младший сын фон Мекков Максимилиан Карлович (р. 1869) избрал дипломатическую карьеру. В разные годы он служил секретарем посольств России в Вашингтоне, Стокгольме и других городах. После революции он поселился во Франции, где опубликовал ряд трудов по современным направлениям мистицизма и оккультизма. Еще один младший сын, Михаил (1871–1883), умер в двенадцатилетнем возрасте.

О дочерях Карла Федоровича и Надежды Филаретовны известно гораздо меньше. Александра (1849–1920) вышла замуж за крупного тульского и новгородского помещика П.А. Беннигсена, Юлия (1853–1915) — за своего учителя музыки пианиста В.А. Пахульского, Лидия (1855–1910) — за полковника Ф. фон Левис оф Менар. Наиболее известна Софья (р. 1867), бывшая в первом браке за А.А. Римским-Корсаковым, во втором за князем Д.М. Голицыным. Она основала в Москве Высшие женские курсы.

Самая младшая из дочерей, любимица матери — Людмила (р. 1872), в замужестве княгиня Ширинская-Шихматова. «Милочка» была «дитя любви», вспыхнувшей между немолодой уже Надеждой Филаретовной и инженером А.А. Иолшиным, который позже женился на старшей дочери Н.Ф. фон Мекк Елизавете (1848–1903).

В третьем поколении династии особенно выделяется Владимир Владимирович фон Мекк (1877–1932), «Воличка», обожаемый Надеждой Филаретовной. Он стал крупным коллекционером и меценатом, деятелем культуры, близким к кругу «Мира искусства». Всего же у Надежды Филаретовны и Карла Федоровича было более тридцати внуков¹⁸.

После кончины мужа в личной жизни Надежды Филаретовны стали проявляться особенности ее душевного склада. Врожденная меланхолия постепенно нарастала, и фон Мекк заболела недугом, называемым ею мизантропией. Светские знакомства и интересы потеряли для нее свою прелесть, она отказалась от всяких светских отношений и замкнулась в семье. Но суровость матери заставляла детей держаться в почтительном отдалении. По словам Модеста Ильича Чайковского,

Чайковского)

¹⁵ Жизнь Чайковского. С. 7.

¹⁶ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования. М., 1989. Т. 1. С. 369.

она «оставалась до конца дней своих совершенной невидимкой для всех посторонних, кроме лиц непосредственно служивших ей или состоявших при ее детях»¹⁹.

Фон Мекк была совершенно одинока, и все ее радости сосредоточились на любви к природе, чтению и, главным образом, на страсти к музыке, которая персонифицировалась для нее в образе Петра Ильича Чайковского, с чьей музыкой она познакомились на концертах Московской консерватории и Русского музыкального общества.

¹⁷ Вострышев М.И. Московские обыватели. М., 2003. С. 354–359.

¹⁸ Смирнов М.И. Компьютерный поиск потомков Карла и Надежды фон Мекк // Труды Государственного Исторического музея. М., 1997. Вып. 98. С. 167–171.

ФОН МЕКК И ЧАЙКОВСКИЙ: «Я ГОТОВА ДУШУ ОТДАТЬ ВАМ...»

Располагая значительным состоянием, Надежда Филаретовна фон Мекк вела большую меценатскую деятельность в области музыки: оказывала поддержку Московской консерватории, Русскому музыкальному обществу в деле развития национальной музыкальной культуры. Конечно, при ее твердом, независимом характере не обходилось без конфликтов с известным музыкальным деятелем, директором консерватории Николаем Григорьевичем Рубинштейном, который недолюбливал ее, но не мог не считаться с нею, так как ее помощь была действительно важной.

Фон Мекк также поддерживала материально молодых музыкантов. Многие из них бывали в доме фон Мекк в качестве учителей музыки ее детей, а также ее аккомпаниаторов, поскольку музицирование было потребностью Надежды Филаретовны. Для нее это был не досуг, а образ жизни.

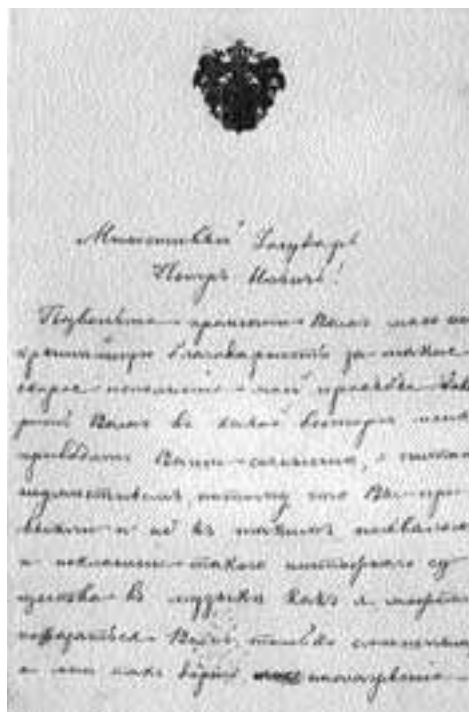
Находясь после смерти мужа в Москве, фон Мекк обратилась к Н.Г. Рубинштейну с просьбой рекомендовать ей скрипача, который бы мог вместе с ней играть с листа сочинения для скрипки и фортепиано. Рубинштейн указал на Иосифа Котека, виртуозного скрипача, ученика и приятеля П.И. Чайковского. Лучшего положения нельзя было пожелать молодому человеку, бедному и к тому же не очень здоровому. Фон Мекк со своей семьей только незначительную часть года проводила в Москве, в своих особняках на Рождественском бульваре (дом № 12) и на Мясницкой улице, остальное время жила то за границей, то в своем роскошном поместье на Украине, так что, кроме очень щедрого вознаграждения, Котек получил возможность путешествовать вместе с ее семьей и иметь много времени, чтобы совершенствоваться в игре на скрипке.

И.И. Котек был поклонником таланта своего профессора и друга, но в лице Надежды Филаретовны фон Мекк он нашел еще более восторженное отношение к Чайковскому. К его произведениям она питала

какое-то исключительное чувство, силу и глубину которого позже довелось узнать Петру Ильичу. Она интересовалась и личностью любимого композитора, и кто, как не Котек, мог рассказать ей о характере, вкусах, будничной жизни Чайковского. Узнала она и о его затруднительном денежном положении, о стремлении вырваться на свободу из оков консерваторских обязанностей и от души захотела избавить композитора от материальных забот.

Через Котека она обратилась к Петру Ильичу с просьбой сделать ей несколько переложений его сочинений для скрипки и фортепиано. Эти пустячные для Чайковского музыкальные работы были щедро оплачены. Потом последовала другая просьба, и постепенно через посредство Котека между заказчицей и исполнителем установились постоянные отношения. Петр Ильич с интересом расспрашивал своего приятеля о Надежде Филаретовне, удивлялся ее странностям. Тронутый и польщенный культом, которым было окружено его имя в доме богатой меценатки, Чайковский поручал передавать ей изъявления своей благодарности. В свою очередь фон Мекк, польщенная тем, что любимый композитор не гнушался исполнять ее просьбы, через того же Котека высказывала свою признательность и глубокую симпатию.

«Так начались, — пишет брат и биограф композитора Модест Ильич Чайковский, — странные, но имевшие громадные последствия отношения Петра Ильича и Надежды Филаретовны. Они глубоко отразились на всей его последующей судьбе, в корне изменили основы его материального состояния, что доставило ему столь важную для него свободу в его композиторском творчестве»¹. И вместе с тем, сами по себе, они носили такой высокопоэтический характер и были так непохожи на все происходящее в обыденной жизни, что стали событием русской культуры XIX столетия.

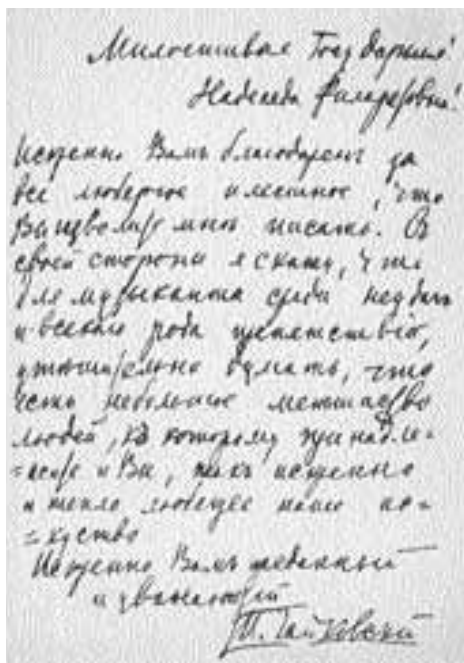

Первая страница первого письма Н.Ф. фон Мекк к П.И. Чайковскому от 18 декабря 1876 г.

¹ Жизнь Чайковского. С. 6-7.

Их необыкновенная переписка началась в знаменательный для Чайковского период. Сегодня весь мир знает его имя, но в 1870-х годах он еще был далеко не известным композитором. Он заслужил тогда только эпитет «талантливый». Его оперы изредка шли на императорской сцене. Его оркестровые произведения иногда исполнялись на симфонических собраниях, романсы, пьесы входили в быт. Одним сло-

вом, опусы талантливого профессора Московской консерватории были известны музыкальному миру. Имя Чайковского постепенно проникало и за границу. Европейские дирижеры и солисты пытались знакомить публику с новым русским композитором. Публика внимательно слушала, одобряла, но курила фимиам еще другим богам. Не было и признаков того ореола, который впоследствии окружил Чайковского в России, в Западной Европе, во всем мире. Молодой Чайковский уже испытал свои силы во всех родах музыкального искусства. Он обнародовал две оперы, три симфонии, четыре значительных оркестровых произведения, три квартета, фортепианный концерт, но известность его не успела еще подняться выше уровня популярности даровитого профессора-композитора. Перелом в его жизни относится ко времени заочного знакомства с Надеждой Филаретовной фон Мекк в декабре 1876 года.

Первое письмо П.И. Чайковского к Н.Ф. фон Мекк от 19 декабря 1876 г.

В начале следующего, 1877 года, Чайковский начал два произведения, сразу выдвинувших его: оперу «Евгений Онегин» и Четвертую симфонию. В сентябре 1878 года в русских концертах на Всемирной выставке в Париже они покорили избалованную европейскую аудиторию. Осенью Петр Ильич покинул консерваторию и навсегда расстался с ненавистой ему педагогической деятельностью, весь отдавшись творчеству. Он стал пользоваться все большим и большим признанием.

Тогда же, в 1877 году, произошло событие, наложившее отпечаток на всю его жизнь. Чайковский сделал первую и последнюю попытку жениться и испытал жестокое потрясение. Женитьба стала одним из самых исключительных событий в его жизни. Почти не начавшись, она едва не кончилась трагически, может быть, наложив отпечаток на всю его дальнейшую жизнь, на все творчество. Это было не просто несходство характеров, но роковая ошибка. Петр Ильич называл свою женитьбу не иначе, как «катастрофой». В число близких людей, оказавших тогда ему поддержку, следует, кроме двух братьев, включить также новое, доселе почти неизвестное ему лицо — Надежду Филаретовну фон Мекк. Дальнейшая биография Чайковского неразрывно связана с ее именем.

Редкий музыкальный вкус и природное чутье помогли фон Мекк выделить среди музыкантов неизвестного ей лично профессора Чайковского. С присущим ей пылом она объявила Чайковского выдающимся, почти гениальным композитором, и сделала это одной из первых. Его произведения она ставила на один уровень с классическими произведениями давно признанных авторитетов. Тогда это было слишком смело, могло показаться чрезмерной экзальтированностью, дамским увлечением. Но время подтвердило правильность ее оценки. Она стала пророком в своем отечестве.

Переписка П.И. Чайковского и Н.Ф. фон Мекк занимает исключительное место в эпистолярной литературе. Это не переписка друзей, не обмен письмами близких приятелей, это — стенограмма отношений двух лиц, лично не знакомых, не перекинувшихся ни одним словом, не слышавших даже голоса друг друга, но связанных своеобразными более чем дружескими узами. Ни одного штриха, ни одной детали не добавлено в жизни к тому, что запечатлелось на этих страницах.

Их отношения не изменились, несмотря даже на родственные связи, возникшие в 1884 году. Сын Надежды Филаретовны Николай Карлович фон Мекк женился на племяннице композитора Анне Львовне

Н.К. фон Мекк и А.Л. Давыдова-фон Мекк. Фотография. 1884 г.

Давыдовой. Чайковский, конечно же, виделся с ее детьми, своей новой родней, оживленно переписывался с ее сыновьями Александром и Николаем, но Надежда Филаретовна всегда оставалась для него лишь «добрым, но невидимым гением»².

Отношения Чайковского и фон Мекк полностью исчерпывались перепиской, длившейся с 1876-го по 1890 год. За неполные четырнадцать лет они написали друг другу около тысячи двухсот писем³.

Их переписка началась в декабре 1876 года. В этом году скончался муж Надежды Филаретовны, и ее все чаще стали охватывать приступы меланхолии, а потом она и совсем отказалась от света, заполнив свои сумрачные дни музицированием и незаметной для быстрых глаз благотворительностью. Не зря И.И. Котек называл ее «музыкальной анахореткой»⁴. Не случайно именно в это время завязалось ее необычное знакомство с композитором, которого она так ценила. Представилась возможность принять участие в его судьбе, играть почти решающую роль. И помогать без покровительства, почтительно, восторженно.

Как-то само собой, без обсуждения и предварительных условий, фон Мекк взяла на себя заботы о материальном благополучии Чайковского, выдавая ему ежегодно по шести тысяч рублей. В любой момент своей жизни Чайковский находил в ней тот отклик, ту поддержку, которые в данную минуту ему были нужны. Надежда Филаретовна создавала исключительно благоприятную атмосферу для творчества, и Чайковский ее одну допускал в свою творческую лабораторию. Опять-таки само собой, без уговоров, без мотивировки, было решено лично не знакомиться, а от других старательно скрывать свою дружбу. И мало кто знал об их знакомстве, и не встретились они никогда. Только переписывались, живя в разных городах, еще чаще переписывались, живя в одном и том же городе.

В одном из первых писем к «милостивому государю Петру Ильичу» фон Мекк просила прислать ей его фотографию: «...у меня есть их две, но мне хочется иметь от Вас. Мне хочется на Вашем лице искать тех вдохновений, тех чувств, под влиянием которых Вы писали музыку, что уносит человека в мир ощущений, стремлений и желаний, которых жизнь не может удовлетворить. Но от этой тоски не хочешь оторваться, в ней человек чувствует свои высшие способности, в ней находит надежду, ожидание, счастье, которых жизнь не дает»⁵. Мироощущение фон Мекк, ее аскетизм и отрешенность, тонкое понимание музыки с первых же строк стали близки и дороги Чайковскому, встретившему в ней родственную душу.

² Жизнь Чайковского. С. 249.

³ Чайковский П.И. Переписка с Н.Ф. фон Мекк / ред. и примечания В.А. Жданова и Н.Т. Жегина. М.; Л. 1934–1936. Т. 1–3. (Далее: Переписка).

⁴ Алтаев А., Ямщиков Л. Чайковский в Москве. М., 1951. С. 145.

⁵ Переписка. Т. 1. С. 5.

«Милостивый государь» скоро сменился в письмах «дорогим», потом «другом» с увеличивавшимся количеством нежных эпитетов. Во многих письмах фон Мекк стала касаться того влияния, которое оказала встреча с Чайковским на ее жизнь, восторженно писала о восприятии его музыки: «Ваша музыка и Ваши письма доставляют мне такие минуты, что я забываю все тяжелое и все дурное, что достается на долю каждому человеку, как бы ни казался он хорошо обставленным в жизни. Вы — единственный человек, который доставляет мне такое глубокое, такое высокое счастье, и я безгранично благодарна Вам за него»⁶. «...Невозможно выразить, сколько добра доставляют мне эти милые письма, каким благотворным бальзамом служат для моего истомленного сердца, одержанного несовладаемою тоскою. Когда я выхожу в свою гостиную и вижу на столе конверт с таким знакомым милым почерком, я чувствую ощущение, как от вдыхания эфира, которым прекращается всякая боль»⁷. «Моя любовь к Вам есть также фатум, против которого моя воля бессильна»⁸. «...Я чувствую такую страстную привязанность к Вам, Вы так милы и дороги мне, что слезы выступают у меня на глазах и сердце дрожит от восторга. Боже мой! как я благодарна Вам за такие минуты, как светлее и теплее стала для меня жизнь, как много вознаграждает мне Ваше отношение, как многое искупает такая натура, как Ваша»⁹. «Я не могу Вам передать, что я чувствую, когда слушаю Ваши сочинения. Я готова душу отдать Вам, Вы обоготворяетесь для меня; все, что может быть самого благородного, чистого, возвышенного, поднимается со дна души»¹⁰.

П.И. Чайковский. Фотография
с дарственной надписью
Н.Ф. фон Мекк. 1882 г.

Неожиданную интимность она объясняла родством душ: «Меня давно уже поразила и продолжает изумлять та необыкновенная симпатия, та сверхъестественная тождественность мыслей и чувств, которые

⁶ Там же. С. 37.

⁷ Там же. С. 158.

⁸ Там же. С. 250.

⁹ Там же. С. 417.

¹⁰ Там же. С. 425.

доказываются почти в каждом письме между нами. Такого сродства двух натур редко можно встретить в самом близком кровном родстве»¹¹.

Ей вторил Чайковский: «Вы тот человек, которого я люблю всеми силами души, потому что я не встречал в жизни еще ни одной души, которая бы так, как Ваша, была мне близка, родственна, которая бы так чутко отзывалась на всякую мою мысль, всякое биение моего сердца»¹². «Мне кажется, что Вы оттого сочувствуете моей музыке, что я всегда полон тоски по идеалу, так же точно как и Вы. Наши страдания одинаковы, Ваши сомнения так же сильны, как и мои, мы одинаково с Вами плывем по безбрежному морю скептицизма, ища пристани и не находя ее. Не оттого ли моя музыка так родственна и так близка вам?»¹³. Одним словом, по выражению Гете, это было «избирательное сродство».

Но ради истины нельзя умолчать и о дневниковой записи Чайковского, сделанной десять лет спустя после начала переписки, в 1888 году. В ней Петр Ильич неожиданно исповедуется в том, что порой «рисует» в своих письмах, не всегда бывает в них искренним и заботится о том, «какое впечатление произведет письмо, и не только на корреспондента, а и на какого-нибудь случайного читателя»¹⁴. Возможно, он и сгустил краски в таком откровенном саморазоблачении, но все же в его письмах нельзя не признать некоторой доли искусственности и фиктивности. И это понятно: материальная зависимость не могла не внести некоторой напряженности. Как ни старался Чайковский уверить друга, что он не чувствует «той условности, которая лежит в основании обычных людских отношений», но в откровенных письмах к братьям он признавался, как тяжела была ему порой эта зависимость. Чайковский ждал, внутренне почти требовал субсидии, но он боялся обязательств, и территориальная близость, подчеркивавшая неловкость положения, просто сердила его¹⁵.

Они ловко обходили все деликатные темы. И хотя Надежда Филаретовна не без мазохистского удовольствия писала о том, что во время женитьбы Чайковского ревновала его «самым непозволительным образом: как женщина — любимого человека», Петр Ильич с умом замалчивал подобные порывы. В его жизни любовь к женщине ограничивалась страстной привязанностью к матери, сестре, племянницам. Другой любви к женщине он не знал.

И все же в первую очередь в переписке Чайковского и фон Мекк поражает поток чувства симпатии, благодарности друг другу, общности

¹¹ Переписка. С. 176.

¹² Там же. С. 253.

¹³ Там же. С. 89.

¹⁴ Дневники П.И. Чайковского. М.; Пг. 1923. С. 213–214.

¹⁵ Переписка. Т. 1. С. XXIII.

мыслей и переживаний. Их переписку можно рассматривать как летопись музыкальной и духовной жизни композитора, его подробной и интересно написанной автобиографией. Оба они доверялись перу и бумаге с явным удовольствием и были прекрасными стилистами. Они умели вести в письмах непринужденный светский разговор и выпукло зарисовывать важнейшие моменты жизни и творчества композитора, исторические события и быт музыкального мира. Как сказал Ю.М. Нагибин, письма этих двух незаурядных личностей стоят в одном ряду с такими выдающимися явлениями мировой литературы и культуры, как переписка Абеляра с Элоизой, Гете с Беттиной фон Арним, венских романтиков друг с другом¹⁶. Эта переписка — литературный памятник им обоим.

Есть и музыкальный памятник фон Мекк: Чайковский посвятил свою Четвертую симфонию Надежде Филаретовне — «моему лучшему другу». Четвертая симфония фа минор, созданная в 1877 году, стала одним из счастливейших творений Чайковского. Она далась композитору нелегко, но писалась с увлечением и подъемом. Как и всегда при окончании очередного крупного произведения, Чайковский отзывался о новой симфонии как о лучшем своем сочинении. Но, в отличие от многих других, Четвертая симфония осталась «любимой» на всю жизнь. Публика приняла ее с удовольствием, ее исполнения пользовались успехом и в России, и за границей. Законченная на рубеже двух периодов творческой жизни, Четвертая симфония венчает инструментальное творчество молодого Чайковского¹⁷.

В знаменитом письме фон Мекк, посвященном этому опусу, Чайковский впервые поведал другому человеку программу своего произведения и дал психологическое истолкование его идеи. Он так характеризует лейтмотив Четвертой симфонии, который был, пожалуй,

Первая страница партитуры Четвертой симфонии П.И. Чайковского с посвящением Н.Ф. фон Мекк — «Моему лучшему другу». 1877 г.

¹⁶ Нагибин Ю.М. Вечная музыка. М., 1998. С. 448.

¹⁷ Альшванг А.А. П.И. Чайковский. М., 1970. С. 267.

лейтмотивом и его собственной жизни: «Это фатум, это та роковая сила, которая мешает порыву к счастью дойти до цели, которая ревниво стережет, чтобы благополучие и покой не были полны и безоблачны, которая, как дамоклов меч, висит над головой и неуклонно, постоянно отравляет душу. Она непобедима, и ее никогда не осилишь. Остается смириться и бесплодно тосковать»¹⁸.

Дом Н.Ф. фон Мекк на Рождественском бульваре. Фотография. 2005 г.

Надежда Филаретовна, не наслышке зная о том, о чем писал ей Чайковский, на протяжении всех четырнадцати лет переписки пыталась спасти композитора от уныния, близкого к отчаянию, пыталась «отогреть» его своим искренним участием, чутким вниманием, заботой. Фон Мекк взяла на себя роль покровителя, хранителя его покоя.

Уже вскоре после начала переписки, в ноябре 1877 года, Надежда Филаретовна стала приглашать Чайковского пожить в своих московских домах и имениях в ее

отсутствие, обещая полный покой и комфорт. Сам Петр Ильич однажды в письме проговорился: «Я очень люблю Москву и охотно бы пожил в ней, если б можно было, в самом деле, обойтись без встречи с людьми, в совершенном затворничестве. Но возможно ли это? Сомневаюсь»¹⁹.

Да, это возможно, говорит фон Мекк, предлагая ему остановиться в своем особняке на Рождественском бульваре: «У меня в доме очень легко скрыться от всего света. Вы знаете, какую замкнутую жизнь я сама веду, и вся прислуга привыкла жить на положении гарнизона в крепости. Следовательно, Вы здесь были бы неприступны»²⁰.

Чайковский был несколько смущен, горячо благодарил Надежду Филаретовну, но предложением ее не воспользовался. Через год она вновь стала звать композитора пожить в ее доме на Рождественском бульваре «в пятьдесят две комнаты, со всеми роялями, органами, картинами, фарфорами и проч. и проч.»²¹. Чайковский в Москву опять не приехал, но не смог отказаться от предложения фон Мекк погостить

¹⁸ Переписка. Т. 1. С. 217.

¹⁹ Там же. С. 97.

²⁰ Там же. С. 84.

²¹ Там же. С. 419.

у нее в имении Браилово на Украине, в Каменец-Подольской губернии. Осенью 1878 года он писал брату Модесту Ильичу, что слуга фон Мекк Марсель Егорович встречал его в Жмеринке на железнодорожной станции, что он «учтивости и услужливости необычайной. Пальто и шляпу имеет лучше моих и потому, когда я уселся в великолепную коляску, запряженную великолепной четверкой, а он на козлы рядом с кучером, то я стал конфузиться и проконфузился до самого Браилова. Ехали около часа. Дом в полном смысле дворец. Моя комната — верх роскоши и удобства. Умывшись, я шествовал по приглашению Марселя в столовую, где стоял огромный серебряный самовар, кофейник на спирту, яйца, фарфоровый сервиз, масло и т. п. Кофе и чай идеальны. Я тотчас же заметил, что Марсель предупрежден; в разговоры не вступает, не торчит, а подав то или другое, тотчас же уходит... Что касается нижнего этажа дома, где я живу, то нет пределов утонченной комфортабельности. В моей комнате все принадлежности туалета, как-то щетки, гребенки, ногтяные и зубные щеточки, мыло, порошки, все имеется новое. На двух столах лежит бумага, перья, и все принадлежности письма. Несколько шкафов с книгами стоят в разных комнатах. Повсюду интересные иллюстрированные издания. В музыкальном зале рояль, великолепная фисгармоника и масса нот»²².

В Браилове Чайковского принимали по-царски. «Катаюсь, как сыр в масле»²³, — сам себе не веря, пишет он Модесту Ильичу. После этого композитор еще несколько раз гостил у фон Мекк на Украине. В 1881 году она в связи с материальными трудностями продала Браилово и купила в Московской губернии усадьбу Плещеево близ Подольска. Там Чайковский также неоднократно останавливался и жил в удобстве и роскоши. Надежда Филаретовна даже хотела по соседству с Плещеевым снять для Петра Ильича дачу Ордынцы, но это осталось лишь в проекте²⁴. Приглашала она Чайковского пожить летом у нее и в Турене во Франции, на вилле Belair²⁵.

Усадьба Н.Ф. фон Мекк Плещеево.
Фотография. Конец XIX в.

²² Жизнь Чайковского. Т. 1. С. 134–135.

²³ Там же. С. 142.

²⁴ Переписка. Т. 2. С. 146.

²⁵ Там же. Т. 3. С. 260.

Отношение к Москве было у Чайковского противоречивым. Впервые он поселился в ней в 1866 году. В его письмах многократно встречаются слова самой нежной признательности ей. С Москвой, говорил Чайковский, «меня соединяет неразрывная связь», к ней, «как магнит к северу, я постоянно обращаюсь мыслями. Люблю я эту грязную старуху, ужасно люблю и вне ее не могу жить...»²⁶. «Я уже теперь до конца жизни останусь закоренелым москвичом»²⁷, — писал он в 1873 году. Но этого не случилось. Будучи человеком сложным, мятущимся, он тяготился постоянным местом жительства, часто подмечал мрачные стороны жизни, где бы он ни бывал. В 1879 году он горько жаловался брату Анатолию Ильичу: «До чего постыла мне Москва! Каким чужим и одиноким я здесь себя чувствую!»²⁸. Впрочем, и Петербург он ругал ничуть не меньше.

И все же Москва манила и манила Чайковского. Он часто приезжал сюда и по делам, и по зову сердца, несмотря на некоторое бравирование своей неприязнью. В Москве Петр Ильич иногда снимал квартиры, например, на Знаменке, Малой Никитской улице, в Троицком переулке возле Пречистенки, иногда поселялся у друзей, но в основном предпочитал жить в гостиницах. Он часто останавливался в «Большой Московской» гостинице, в «Лоскутной» гостинице, но особенно любил Кокоревское подворье, которое находилось на Софийской набережной против Кремля. «Как у меня хорошо в гостинице, — писал он брату в 1880 году. — Я отворяю балкон и беспрестанно выхожу любоваться видом на Кремль»²⁹.

Но чужое, холодное жилье со временем перестало устраивать композитора. В 1882 году он делился с братом Анатолием Ильичом: «В сущности, самая приятная форма жизни есть жизнь в Москве, в хорошей домашней обстановке»³⁰. Он не раз говорил своему близкому другу Петру Ивановичу Юргенсону, владельцу крупнейшей музыкально-издательской фирмы, издателю почти всех его произведений, что «хотел бы иметь в Москве хоть маленький постоянный свой уголок, дабы не тяготиться жизнью в гостинице, когда приходится подолгу гостить в Москве»³¹. Юргенсон в своем доме в Хохловском переулке (дом № 5), неподалеку от Покровских ворот, сделал пристройку — маленький флигелек, который «до конца жизни» отдал в полное распоряжение композитора. Чайковский наконец-то был очень доволен: «Я тем более рад этому, что место, где находится дом Юрг/енсона/ очень мне симпатично, и вид оттуда на всю Москву великолепный»³². Петр Ильич

²⁶ Переписка. Т. 2. С. 156.

²⁷ Жизнь Чайковского. Т. 1. С. 138.

²⁸ Там же. С. 267.

²⁹ Там же. С. 329.

³⁰ Там же. С. 472.

³¹ Переписка. Т. 3. С. 288.

³² Там же.

не раз останавливался в доме своего друга, где все, и взрослые, и дети разного возраста, его очень любили и окружали заботой и вниманием. И как ни странно, он этим нисколько не тяготился, был весел и мил, обменивался шуточными посланиями с хозяйскими дочками.

Это было время всеобщего признания Чайковского, время славы, которую предрекала ему чуткая и прозорливая фон Мекк. После успеха на Всемирной выставке 1878 года композитор занял прочное место в программах европейских и американских концертов. Например, в конце 1879 года за одну неделю произведения Чайковского исполнялись четыре раза в Берлине, затем в Пеште, Нью-Йорке. Различные музыкальные общества посвящали ему целые концерты, журналы печатали статьи и заметки о его творчестве и отдельных произведениях.

А переписка с Надеждой Филаретовной шла своим чередом. Постоянный обмен письмами уже вошел у них в привычку. С ее стороны сохранялись беспредельная заботливость о его популярности и материальном благополучии, восторженное преклонение. С его — благодарность, дружеское расположение, учтивость, а временами некоторое стеснение.

Фон Мекк снова и снова приглашала Чайковского пожить у нее и наконец уговорила. Впервые в ее доме на Мясницкой улице Петр Ильич поселился в декабре 1884 года. В письме от 18 декабря он пишет Надежде Филаретовне: «...я очень быстро очутился в своем симпатичном, уютном помещении внизу в Вашем доме... Мне в высшей степени понравилось это помещение и я сразу полюбил его, особенно мою угловую комнату, в коей сплю и пишу в настоящее минуту письмо это»³³. И далее, в письме от 1 января 1885 года: «...Несколько дней я провел у Вас в доме один... Я не могу не доложить Вам, что Ваш старый слуга Иван Васильев оказывает мне самую бдительную заботливость и что я очень тронут его старанием, дабы в Вашем доме я был окружен всевозможным комфортом и удобствами»³⁴. Композитор прожил на Мясницкой улице до конца января.

Чайковскому было так уютно и спокойно в доме фон Мекк, что позже ему захотелось пожить в нем снова. Третьего декабря 1886 года он писал Надежде Филаретовне: «Простите за смелость, но мне хочется попроситься к Вам в жилыцы недели на две или на три на Мясницкую. Возможно ли это? Я решаюсь на эту просьбу совсем не в видах экономии, а потому, что я там могу гораздо покойнее жить и вернее уединяться»³⁵.

³³ Там же. С. 328.

³⁴ Там же. С. 331.

³⁵ Там же. С. 453.

Фон Мекк, как всегда, быстро откликнулась: «Дорогой, несравненный друг мой! Я в восторге от Вашего желания пожить у меня в Мясницком доме. Я уже так давно не пользовалась самым величайшим для меня удовольствием иметь Вас своим дорогим гостем, что считала уже это мечтою, и тем более теперь я бесконечно рада, что мои комнаты освещаются Вашим присутствием. В доме уже давно никого нет... Прошу Вас, дорогой мой, занять комнаты, какие найдете удобнее, и распоряжаться и пользоваться всем, как у себя дома. У меня все по-прежнему *maitre d'hotel*’ем Иван Васильевич, которого Вы знаете давно, милый друг мой, и который перед Вами благоговеет. Затем там есть только швейцар, хороший малый, при нем жена, и старинный мой дворник с рождественского дома, также с семейством»³⁶.

И опять Чайковский провел здесь весь январь и начало февраля. «Живу у Вас, как у Христа за пазухой»³⁷, — писал он Надежде Филаретовне из «Мясницкого дома». Этот месяц оказался очень плодотворным для композитора. Он тогда репетировал в Большом театре оперу «Черевички», а в доме фон Мекк интенсивно работал над оперой «Чародейка». В сентябре он тоже останавливался здесь³⁸. В дневнике Петра Ильича за 1887 год не раз встречаются записи: «На Мясницкой», «Дома (Мясницкая)»³⁹. Для Надежды Филаретовны, знай она о таких пометках, эта краткая запись — «дома» — была бы лучшей благодарностью за ее гостеприимство.

Между тем с каждым годом количество писем уменьшалось, менялся характер переписки. Чайковский стал знаменит и более уверен в себе. Оба постарели. Не было уже в их письмах той насыщенности и напряженности, которыми отличались ранние послания. Под конец они даже писались от случая к случаю. Письма Чайковского стали более сдержанными и давали, главным образом, внешнюю канву его жизни. Петр Ильич и в письмах к братьям в то время тоже был сдержан, хотя внешне его жизнь была очень гладкой: ведь в 1880-х годах популярность Чайковского превратилась в настоящую славу, подкрепленную несколькими полными триумфа турне по Европе.

К этому времени все самое главное было высказано, Чайковский раскрыл себя своему лучшему другу с предельной полнотой. Творчество, поток новых форм музыкальной деятельности, все расширяющийся круг друзей и знакомых захватывал композитора, оставляя все меньше и меньше времени на интимную, сердечную беседу, каковой являлась

³⁶ Переписка.

³⁷ Там же. С. 458.

³⁸ Там же. С. 500.

³⁹ Дневники П.И. Чайковского. М.; Пг. 1923. С. 126, 181.

переписка двух близких людей. В круговороте жизни Чайковский, может быть, и не сознавал, что его письма стали иными. Фон Мекк же в своем одиночестве — дети, становясь взрослыми, уходили из дома — еще сильнее испытывала потребность в общении с композитором, но понимала, что это невозможно⁴⁰.

Переписка Чайковского с фон Мекк оборвалась по инициативе Надежды Филаретовны так же неожиданно, как и началась. Прекратилась без явных поводов к тому, без прощальных слов, упреков и объяснений. Последнее письмо фон Мекк не сохранилось. Из ответного же письма Чайковского от 22 сентября 1890 года известно только, что она уведомила его о своем финансовом крахе, о прекращении субсидии. Неспроста осенью 1889 года она обратилась за денежной ссудой под залог имущества в Московское городское кредитное общество, а на свой дом на Мясницкой улице оформила дарственную на сына Владимира Карловича.

Похоже, в последнем письме она просила Чайковского не забывать ее и вспоминать хотя бы иногда. Петр Ильич горячо отвечал ей: «Неужели Вы считаете меня способным помнить о Вас только, пока я пользовался Вашими деньгами! Неужели я могу хоть на единый миг забыть то, что Вы для меня сделали и сколько я Вам обязан! Скажу без всякого преувеличения, что Вы спасли меня и что я наверное сошел бы с ума и погиб бы, если бы Вы не пришли ко мне на помощь и не поддержали Вашей дружбой, участием и материальной помощью (тогда она была якорем моего спасения) совершенно угасшую энергию и стремление идти вверх по своему пути! Нет, дорогой друг мой, будьте уверены, что я это буду помнить до последнего издыхания и благословлять Вас»⁴¹.

Письмо Чайковского осталось без ответа. Позже Надежда Филаретовна лишь учтиво передавала приветы и поклоны через своего секретаря Владислава Альбертовича Пахульского, мужа ее дочери Юлии.

Чайковский воспринял разрыв чрезвычайно болезненно и чувствовал себя уязвленным. Он писал Пахульскому, что по желанию фон Мекк их переписка оборвалась именно после того, как он лишился ее материальной поддержки. «Такое положение унижает меня в собственных глазах, делает для меня невыносимым воспоминание о том, что я принимал ее денежные выдачи, постоянно терзает и тяготит меня свыше меры»⁴². Он испытывал страшные нравственные муки.

⁴⁰ Воспоминания о П.И. Чайковском / Сост. Бортникова Е.Е., Давыдова К.Ю., Прибегина Г.А. Л., 1980. С. 401.

⁴¹ Переписка. Т. 3. С. 605.

⁴² Там же. С. 612.

Так из жизни Чайковского ушел близкий человек, покровитель и друг, которому он был столь многим обязан. До самой смерти в 1893 году композитор сохранял память о Надежде Филаретовне фон Мекк. Первая подаренная ею фотография в последние годы жизни Петра Ильича стояла на его письменном столе, другая висела на стене.

Чайковским все больше овладевали одиночество и отчаяние, угнетал фатум. «Фатум» — таково название одного из первых его произведений. «Фатум» — одно из часто повторяющихся слов в его письмах. «Фатум», пессимистическая идея обреченности — лейтмотив его лучших произведений, в первую очередь знаменитой Четвертой симфонии, посвященной фон Мекк: «Итак, вся жизнь есть непрерывное чередование тяжелой действительности со скоропроходящими сновидениями и грезами о счастье... Пристани нет...»⁴³.

И все же «пристань» в его непростой жизни была. Это дружба с Надеждой Филаретовной фон Мекк — умной, талантливой, щедрой, смелой. Тихой пристанью для Чайковского стал и ее дом на Мясницкой улице.

С полной отрешенностью от мира и с душевной болью доживала свои годы и Надежды Филаретовна. И не только с душевной. В последние годы жизни она сильно хворала, по нескольку дней кряду мучилась безумной головной болью, постепенно глохла, с трудом ходила из-за ревматизма. У нее давно уже началась сухотка правой руки, и письма свои она могла писать, только ведя правую руку левой или же диктовать их. Старый туберкулезный процесс перешел на горло, и она разговаривала лишь шепотом. В 1889—1890 годах у фон Мекк обострилось тяжелое нервное заболевание, глубоко взволновавшее всю ее семью. Причиной тому были в большой мере неудачи в жизни младших членов семьи, неудачи материальные и нравственные. Состояние, созданное ее трудами, сильно пошатнулось, пришлось сократить в расходах, она была вынуждена лишать своей поддержки всех тех, кто мог прожить без ее помощи. В 1890 году умер ее брат Владимир Филаретович Фроловский. Но самым тяжелым было то, что на ее глазах умирал от длительной мучительной болезни старший любимый сын Владимир. Она стала усердной христианкой, заказывала молебны и другие обряды.

Возможно, Надежда Филаретовна решила на разрыв отношений с Чайковским и под давлением родных, раздраженных длительной и чрезмерно высокой, по их мнению, денежной помощью композитору,

⁴³ Переписка. Т. 1. С. 218.

а также странными, вызывающими разговоры в обществе, отношениями между ними⁴⁴. Тогда действительно многие судачили о Чайковском и «Мекше». Словом, можно с полной уверенностью говорить о том, что этот разрыв был причиной глубоких душевных страданий для них обоих.

Как писала в своих воспоминаниях Анна Львовна Мекк-Давыдова, племянница Чайковского и невестка фон Мекк, Надежда Филаретовна тяжело переживала разрыв с композитором: «Я знала, что я ему больше не нужна и не могу больше ничего дать, я не хотела, чтобы наша переписка стала для него обузой, тогда как для меня она всегда была радостью. Но на радость для себя я не имела права»⁴⁵.

При этом фон Мекк все же чувствовала себя виноватой, зная, какие страшные моральные последствия имеет для Чайковского ее решительный шаг, и это только усугубляло ее страдания. Приступы черной меланхолии, случавшиеся часто и прежде, стремительно перешли в неизлечимую душевную болезнь. Она попала в психиатрическую больницу. Надежда Филаретовна фон Мекк скончалась в Ницце 14 января 1894 года. Похоронена была вместе с мужем в московском Алексеевском монастыре.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Мекк-Давыдова А.Л. Из моих воспоминаний о П.И. Чайковском / Воспоминания о П.И. Чайковском. Л., 1980. С. 231.

ФОН МЕКК И ДЕБЮССИ: «ЕМУ ПРЕДСТОИТ ХОРОШАЯ БУДУЩНОСТЬ...»

Став после смерти мужа, по выражению И.И. Котека, «музыкальной анахореткой», Надежда Филаретовна фон Мекк удовлетворяла свою страсть к музыке тем, что приглашала в свой дом для постоянного музицирования молодых музыкантов. Она покровительствовала им, подчас фрондируя против директора Московской консерватории Н.Г. Рубинштейна. В ее книге расходов была предусмотрена постоянная графа помощи нуждающимся музыкантам. Фон Мекк многих из них спасла от нищеты, позволила увидеть мир, познакомиться с музыкальной культурой европейских стран. Ведь некоторые из них жили в ее доме, в семье, учили музыке ее детей, сопровождали в заграничных поездках.

Среди них были и ученики П.И. Чайковского. Помимо Котека, в первую очередь можно назвать виолончелиста П.А. Данильченко, ставшего впоследствии артистом Большого театра, и пианиста Г.А. Пахульского, которые были почти членами ее семьи. Она приглашала к себе также преподавателей Московской консерватории, например, К.О. Бабушку, А.И. Галли. Фон Мекк материально поддерживала гениального скрипача Г. Венявского, умершего молодым от тяжелой болезни. Последние дни своей жизни он провел в доме фон Мекк.

Надежда Филаретовна всерьез занималась музыкальным образованием своих детей. Впрочем, кого у них только не было — и гувернер-француз, и гувернер-англичанин, и, как всегда водилось в дворянских семьях, студент-репетитор, и так далее. Но занятия музыкой были едва ли не на первом месте.

Письма фон Мекк к Чайковскому пестрят живыми рассказами об уроках музыки и пения, об учителях. Вот Соня, «своевольная и вспыльчивая», занимается с А.И. Галли. Вот Юля и Лида разучивают дуэт из «Евгения Онегина». Вот пианист Б.Р. Доманевский играет с Надеждой Филаретовной в четыре руки. Вот Г.А. Пахульский «учит

Колю на скрипке, Сашонка (Александра фон Мекк. — Т.Д.) на фортепиано и играет со мною с фортепиано»¹.

Имена этих двоих сыновей встречаются наиболее часто. Особенно ее радовал Александр. «...Коля большой лентяй, а Саша очень любит музыку, и я ему все твержу, что я была бы очень рада, если бы он пошел Вашею дорогою, т. е. окончил бы курс в Правоведении, а потом сделался бы музыкантом», — пишет она Чайковскому². «Сашок» отчасти оправдал ее надежды — поступил в Училище правоведения в Петербурге и стал прекрасным музыкантом, сам сочинял. Он «страстно предан музыке», «занимается исключительно музыкою»³, с гордостью повторяла Надежда Филаретовна. Лев Васильевич Давыдов, муж сестры Чайковского, даже говорил в шутку о сыновьях фон Мекк, что «эти мальчики были бы совершенством, если бы не так много музыканили»⁴. Он считал это их единственным недостатком.

Фон Мекк еще рассказывала Чайковскому: «У меня есть также замечательный музыкальный курьез в семействе: моя дочь Лида... не имеет абсолютно н и к а к о й способности к музыке, училась на фортепиано лет восемь и не выучилась играть ни одной гаммы верно, замечательно неспособна к музыке, но поет прелесть как мило, как музыкально хорошо, изящно, какая фразировка, просто заслушаться можно, и это только вследствие удивительной способности подражания, при, конечно, очень красивом голосе mezzo-soprano. К тому же, у нее были очень хорошие учителя, и она много слышала хороших певиц и певцов; я называю ее моим соловейчиком»⁵.

Одно время в семействе Надежды Филаретовны фон Мекк в качестве домашнего пианиста хозяйки и преподавателя музыки ее детей жил молодой французский музыкант Клод-Ашиль Дебюсси (1862—1918), ставший впоследствии известным композитором.

Напомним, что замечательный музыкант, творчество которого открыло новую полосу в истории французского искусства, родился в 1862 году близ Парижа. Его предки были крестьянами, ремесленниками, отец — лавочником. В заурядном семейном кругу ему нечему было научиться в детские годы. Ему прочили «карьеру» моряка, но в начале 1870-х годов он чудом попал к хорошему педагогу по фортепиано и еще подростком, в 1873 году, поступил в консерваторию, где проучился одиннадцать лет. Он окончил ее в 1884 году с большой Римской медалью.

¹ Переписка. Т. 1. С. 363, 494.

² Там же. С. 257.

³ Там же. Т. 3. С. 201, 212.

⁴ Там же. С. 48.

⁵ Там же. Т. 1. С. 257—258.

В консерваторский период произошло чрезвычайно важное для юного Дебюсси событие. Через посредничество А. Мармонтеля, известного виртуоза и теоретика пианизма, педагога Парижской консерватории, в 1880 году Дебюсси был приглашен в амплу домашнего музыканта и учителя музыки к Надежде Филаретовне фон Мекк. В тот год он путешествовал с ее семьей по Западной Европе, побывал в Швейцарии, на юге Франции, в Риме и Флоренции.

Десятого июля 1880 года фон Мекк писала Чайковскому из Швейцарии: «Два дня назад ко мне приехал молодой пианист из Парижа... Я его выписала для летних занятий с детьми, для аккомпанирования Юле, для пения и для игры со мною в четыре руки. Этот юноша играет хорошо со стороны виртуозности, техника у него блестящая, но выражения собственного участия в том, что исполняет, нет нисколько, но он еще и слишком мало жил для этого; он говорит, что ему двадцать лет, но на вид не более шестнадцати»⁶.

Похоже, что Дебюсси решил прикрыть свою неуклюжесть и неопытность невинной ложью: ему было всего восемнадцать лет, к тому же он не был первым учеником по фортепиано вообще (речь шла только о чтении партитур) и учиться ему предстояло еще несколько лет. Его ученик Николай фон Мекк впоследствии писал: «Однажды в Риме мы с ним гуляли возле Виллы Медичи, где лучшие студенты кон-

серватории в течение года могут совершенствоваться в своем искусстве за счет французского правительства. Один из нас, показывая на виллу, сказал Дебюсси: «Вы будете здесь». Интересно было смотреть, с какой тоской он оглядывался на Виллу Медичи»⁷.

Однако восторженная любовь Клода Дебюсси к музыке Чайковского служила фон Мекк более чем достаточной компенсацией какой угодно неотесанности и неумелости. Сообщая о том, как она играла

К. Дебюсси.
Фотография, сделанная
во Флоренции во время
путешествия с семейством
фон Мекк. 1880 г.

⁶ Переписка. Т. 2. С. 374.

⁷ Цит. по: Холмс П. Дебюсси. Челябинск, 1999. С. 21.

в четыре руки с Дебюсси Четвертую симфонию Чайковского, Надежда Филаретовна пишет: «Исполнял ее мой партнер не хорошо, но разыгрывал великолепно. Это его единственное, но очень обширное достоинство; читает сочинения, даже Ваши, с листа. Второе его достоинство, так сказать, рефлексивное, это то, что он в восторге от Вашей музыки... вчера я играла с ним также Вашу сюиту, и он был в совершенном восторге от фуги и выразился так: «В современных фугах я никогда не видел ничего столь прекрасного. Господин Массне никогда не смог бы сделать ничего подобного». А немцы ему не нравятся, он говорил: «Они не нашего темперамента, они такие тяжелые, неясные». Вообще он есть чистейшее парижское, так сказать, бульварное создание. Ему, оказывается, 18 лет, и он уже окончил консерваторию avec premier prix. Блаженны те, которые учатся в Парижской консерватории. Сочиняет он, впрочем, очень мило, но и тут чистый француз»⁸.

Поначалу отношение фон Мекк к Дебюсси было снисходительным и насмешливым. Надежда Филаретовна называла его в письмах Чайковского не иначе, как «французик», «пианистик», «Bussy'к». Вслед за ней и ее сыновья Коля и Саша шуточно звали его Бюссиков. Непохоже, чтобы молодой француз произвел огромное впечатление на детей, хотя его общество было приятно им и с ним они чувствовали себя свободно. Николай фон Мекк позже писал о нем: «Приехал маленький француз, тощий, темноволосый, саркастичный и всех наделил забавными прозвищами. К примеру, нашего толстого учителя он прозвал «бегемотиком на каникулах», мы же, в свою очередь, звали его «дерганный Ахилл»⁹.

Вообще, прозвища были в ходу среди молодого поколения фон Мекков. Дети научили «Бюссикова» называть жившего у них в доме

«Домашнее трио» Н.Ф. фон Мекк: П.А. Данильченко, В.А. Пахульский, К. Дебюсси (крайний справа). Фотография. 1880 г.

⁸ Переписка. Т. 2. С. 394.

⁹ Цит. по: Холмс П. Указ. соч. С. 21.

виолончелиста Петра Антоновича Данильченко Петрушкой, и Дебюсси «пресерьезно говорил ему по вечерам: «Петрушка, jouez quelque chose»¹⁰ (сыграй что-нибудь. — Т.Д.). Данильченко и Дебюсси часто играли в четыре руки для Надежды Филаретовны и со временем очень подружились. Вместе со скрипачом Г.А. Пахульским они составляли трио, фотографию которого фон Мекк даже посылала Чайковскому. Он поде-

лился с ней своими впечатлениями о внешности молодого француза: «У Бюсси есть в лице и в руках какое-то неопределенное сходство с Антоном Рубинштейном в молодости. Дай Бог, чтоб и судьба его была такая же счастливая, как у «ц а р я п и а н и с т о в»¹¹.

Но постепенно «музикус Bussy» растопил сердце взыскательной русской меломанки. Если сначала она видела в нем лишь «хорошего компаньона для игры в четыре руки»¹², то позже оценила его «замечательный дар читать музыку»¹³. Клод Дебюсси оказался блестящим аранжировщиком, тонко чувствующим исполняемую им музыку. Фон Мекк заказала ему переложение для фортепиано трех танцев из «Лебединого озера» — испанского, итальянского и русского, и не была разочарована. Более того, она стала более внимательно относиться к его сочинительским опытам и писала Чайковскому, что этот «мальчик с хорошим сердцем» «готовится

быть композитором и пишет очень миленькие вещи»¹⁴. И далее, как и в случае с Чайковским, предсказывала юному музыканту славу и успех: «Я думаю, что ему предстоит хорошая будущность, потому что он предан своему делу всем существом и т о л ь к о им и интересуется в жизни, хотя натуры очень ветреной, вполне французской, но сердце очень доброе»¹⁵.

«Вообразите, Петр Ильич, — пишет фон Мекк Чайковскому осенью 1880 года, — что этот мальчик с г о р ь к и м и с л е з а м и уезжал

Первая страница письма
Н.Ф. фон Мекк к К. Дебюсси. 1881 г.

¹⁰ Переписка. Т. 2. С. 431.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 421.

¹³ Там же. С. 426.

¹⁴ Там же. С. 408, 430.

¹⁵ Там же. С. 438.

от меня. Меня, конечно, это очень тронуло; у него привязчивое сердце. Он бы совсем не уехал отсюда, да консерваторское начальство уже морщилось и на ту отсрочку, которую он выпросил»¹⁶. Это запомнилось и Николаю: «Из Рима мы уехали во Флоренцию... а оттуда в октябре Дебюсси вернулся в Париж, к своим занятиям. Ему было очень грустно с нами расставаться, и моей матери пришлось утешать его...»¹⁷.

Летом 1881 года Клод Дебюсси вновь получил приглашение от фон Мекк. На этот раз он побывал в России. Во второй половине июля он приехал в Москву и поселился в доме Надежды Филаретовны на Мясницкой улице, где провел целый месяц. Теперь фон Мекк могла предоставить в распоряжение Дебюсси не только ноты, взятые в дорогу, но и ту огромную нотную библиотеку, которая была у нее дома. Надежда Филаретовна позже писала Чайковскому, что ничуть не удивляется тому, что Дебюсси получил престижный *prix de Rome*, ведь «он о ч е н ь способный мальчик и, живя у меня так много, он имел возможность значительно расширить свои музыкальные понятия и вкус знакомством с произведениями других стран, и он пользовался этим хорошо»¹⁸.

Если прежде по желанию Надежды Филаретовны Дебюсси играл в основном Чайковского и Глинку, то теперь в круг его внимания попали и Бородин, и Римский-Корсаков, и Мусоргский. Сохранились сведения, что из этой своей поездки Дебюсси привез в Париж несколько романсов Бородина с французским переводом текстов¹⁹.

В Москве Дебюсси ожидали и открытия совсем иного рода. Старший из сыновей фон Мекк, гуляка Владимир, познакомил его с жизнью московской богемы во время совместных питейных экспедиций по «злачным местам», что было его любимым времяпрепровождением. Конечно, бывали они и у цыган, которые произвели на Дебюсси не меньшее впечатление, чем в свое время на Листа.

Во второй половине сентября Надежда Филаретовна с семьей отправилась в Италию. Вместе с ними поехал и Клод Дебюсси. В это время он стал обращать внимание на свою ученицу Сою фон Мекк, веселую и взбалмошную девушку. Лукавая Соня раззадоривала молодого француза, назначала ему тайные свидания, писала записочки²⁰. Эти романтические отношения прервал отъезд Дебюсси в Париж. Вместе с рядом русских музыкальных произведений он увез и увертюру Чайковского «Ромео и Джульетта», которую, по словам фон Мекк, «выпросил» у нее²¹. Увез он и сердце Сони.

¹⁶ Там же. С. 441.

¹⁷ Цит. По: Холмс П. Указ. соч. С. 21.

¹⁸ Переписка. Т. 3. С. 287.

¹⁹ Vallas L. *Claude Debussy et son temps*. Paris, 1958. P. 36.

²⁰ Ла Мюр П. Лунный свет. Роман о Дебюсси. М., 2000. С. 39–40, 46–48, 60–64, 80–88.

²¹ Переписка. Т. 2. С. 577.

Следующая поездка в Россию оказалась для Дебюсси последней. Осенью 1882 года он побывал у фон Мекк в ее имении Плещеево и в Москве.

Двадцать восьмого августа 1882 года она писала Чайковскому: «Вчера... приехал мой любимец Achille Debussy, и я ему очень рада. Теперь я буду много слушать музыки, и он, кроме того, оживляет весь дом. Это парижанин с головы до ног, типичный парижский *gamin* (уличный мальчишка. — Т.Д.), очень остроумен, отличный подражатель, презабавно и совершенно характерно представляет Gounod, Ambroise Thomas и проч., всегда в духе и всем доволен и смешит публику невообразимо; премилый характер»²².

Но таким Дебюсси бывал лишь в кругу хорошо знакомых людей. При посторонних же он держал себя замкнуто и сосредоточенно. Его близкий друг Ж. Дюран, владелец нотного издательства, позже вспоминал о нем: «...В личной жизни он был человеком прелестным, непосредственным и очень непринужденным. Чрезвычайно много читал, обо всем имел собственное мнение и интуитивно очень тонко судил об особенностях характера окружающих его лиц. Но как только он оказывался на людях, то немедленно замыкался в себе, предпочитая общему разговору общение со своей мечтой. В сущности, человек нежной души и одновременно великих страстей, он с трудом вверял кому-нибудь свою дружбу»²³.

Несмотря на удачное начало третьего приезда Дебюсси, конец его оказался иным. По всей видимости, его симпатия к Соне выросла к этому времени в серьезное, сильное увлечение. Вероятно, и Соня отвечала ему взаимностью. Но попытка Дебюсси просить ее руки, естественно, окончилась отказом фон Мекк и предложением немедленно уехать²⁴. Отъезд Дебюсси оказался столь поспешным, что он даже оставил у Надежды Филаретовны некоторые свои сочинения. Оба они впоследствии хранили молчание об этой неприятной истории.

Поездки в Россию и пребывание в семье фон Мекк стали важной вехой в жизни молодого французского композитора. Это было для него нечто большее, чем серия свежих и ярких путевых впечатлений. Россия, ее искусство стали эстетическим откровением для юного Клода Дебюсси, уже страстно жаждавшего новых идей и истоков творчества. Разумеется, не все из русской музыки им одинаково живо воспринималось, одинаково глубоко прочувствовалось. Но принципы русской вокальной декламации, русской гармонии, русских музыкальных форм

²² Переписка. Т. 3. С. 94.

²³ Дебюсси К. Избранные письма. Л., 1986. С. 4.

²⁴ Мекк Г.Н фон. Как я их помню. М., 1999. С. 34.

могли уже тогда заметно повлиять на формирование творчества Дебюсси. Кстати сказать, сам композитор не раз отмечал влияние Бородина на свою музыку, указывал и на то, что это влияние было ранним²⁵. Оно органично вплелось в его своеобразную, утонченную манеру.

Впоследствии русская струя пробивалась у Дебюсси столь заметно, что некоторые критики упрекали его в этом. Даже в 1920-х годах они писали о «русской западне», расставленной будто бы на пути французской музыки в гармониях Мусоргского и оркестровке Римского-Корсакова²⁶.

Так Россия ярко и живительно вошла в жизнь замечательного французского композитора, художника неповторимой творческой индивидуальности и редкого обаяния. Так он встретил в России и свою первую и, как часто бывает, горькую любовь.

Post scriptum можно добавить, что Клод Ашиль Дебюсси и Софья фон Мекк однажды увиделись тридцать лет спустя, в 1913 году. Во время своего последнего международного турне Дебюсси получил от русского дирижера и музыкального деятеля С.А. Кусевицкого приглашение посетить Россию в декабре, чтобы дирижировать несколькими своими сочинениями в Москве и Петербурге. Дебюсси принял приглашение, несмотря на то, что суровая русская зима была в самом разгаре. Однако радушный прием смягчил стоявшие тогда лютые морозы. Несколько молодых композиторов вручили ему письмо, адресованное «знаменитому учителю», когда он проезжал через эти российские города. Тогда-то Дебюсси и встретил свою бывшую ученицу. Он теперь был преуспевающий человек, мужчина средних лет, страдающий от рака желудка; она — замужняя женщина, увлеченная волной женской эмансипации в государстве. Оба сильно изменились, но, наверное, им приятно было вспомнить свою беспечную юность²⁷.

²⁵ Кремлев Ю. Клод Дебюсси. М., 1965. С. 86.

²⁶ Розеншильд К. Молодой Дебюсси и его современники. М., 1963. С. 74.

²⁷ Холмс П. Указ. соч. С. 139.

| БАРОККО III

Возведение нового доходного дома по Малому Харитоньевскому переулку стало единственным осуществленным из всех мероприятий, запланированных Владимиром Карловичем фон Мекком. В 1893 году он умирает, и дом с землей и разными хозяйственными строениями переходит по наследству его малолетнему сыну Владимиру, опекуном которого назначается его дядя Николай Карлович фон Мекк.

В связи с материальными затруднениями в семье фон Мекк было решено продать часть владения. Согласно плану 1894 года¹ отторгалась задняя часть участка площадью 193 квадратных сажени (против оставшихся 232) по торцу доходного дома и от него по диагонали двора. По границе своего участка взамен прежних деревянных служб предполагалось возвести новый каменный сарай. Трудно себе представить, как выглядели бы такие «лоскутные» наделы, будь все выполнено по этому плану.

Но нашелся покупатель на все владение. Им стал потомственный почетный гражданин елабужский купец 1-й гильдии Николай Дмитриевич Стахеев. В марте 1895 года Стахеев купил участок у В.В. фон Мекка² и сразу же, в апреле, начал большие строительные работы по преобразованию городской усадьбы в доходный жилой комплекс³. Все работы осуществлялись по проекту и под надзором архитектора М.Ф. Бугровского — «придворного» архитектора Стахеева.

Михаил Федорович Бугровский (1855—1914), окончивший Московское училище живописи, ваяния и зодчества, имел обширную частную практику. Он построил немало особняков (Поварская улица, 11; улица Покровка, 28 и т. д.), доходных домов (Подсосенский переулок, 6; Пречистенский переулок, 10 и т. д.), церковь в дачном поселке Наташино близ Люберец, часто занимался перестройками и капитальными ремонтами купеческих домов.

В 1898—1899 годах Бугровский возвел для Н.Д. Стахеева роскошный особняк на Новой Басманной улице (дом № 14), ставший «визитной

¹ ЦАНТДМ, ф. 1, Яузская часть 10/8, д. 11, л. 9.

² ЦИАМ, ф. 117, оп. 17, д. 270, л. 22.

³ ЦАНТДМ, ф. 1, Яузская часть 10/8, д. 14,

карточкой» архитектора. В нем получил яркое воплощение принцип «умного выбора», провозглашенный еще в середине столетия. Фасады этого дома и огромный двусветный холл с беломраморной лестницей были выполнены в «греческом стиле», парадные апартаменты включали «готическую» столовую, «мавританскую» курительную, залы в стиле классицизма, барокко и других. Особняк украшали обильная деревянная резьба, наборные паркетные сложные рисунки, витражи, мраморная и лепная отделка. Левое крыло дома предназначалось для картинной галереи, правое — для конторы.

По заказу Николая Дмитриевича Стахеева Бугровский построил несколько доходных домов, получивших в Москве название «стахеевских» (Мясницкая улица, 6; Лубянский проезд, 3), здание «Большой Сибирской гостиницы» в Большом Златоустовском переулке (дом № 6). В 1896 году Н.Д. Стахеев приглашал его и для

работы на своей даче в Сокольниках. Бугровский перестраивал также усадьбу И.Д. Стахеева в Малом Харитоньевском переулке (дом № 6), по соседству с владением Н.Д. Стахеева.

Итак, в 1895 году по проекту М.Ф. Бугровского справа по переулку к доходному дому сделали двухэтажную жилую пристройку, занявшую свободный участок по южной боковой границе владения. Во дворе снесли левое крыло дома, возведенное еще в 1825 году Н.М. Арсеньевой, деревянную пристройку Н.Ф. фон Мекк и все разномастные деревянные службы вдоль северо-восточной границы. На их месте в один ряд возвели два жилых двухэтажных корпуса с полуподвальным этажом и один хозяйственный, подходящий вплотную к бывшим белоусовским лавкам. Оба жилых корпуса примкнули к главному дому и сейчас составляют с ним единое строение. Лишь хозяйственный объем был снесен в 1970-х годах.

По окончании работ владение Н.Д. Стахеева оказалось застроенным по периметру двухэтажными зданиями, составляющими единый архитектурный ансамбль в формах эклектики. Фасады новых корпусов получили

Дом Н.Д. Стахеева на Новой Басманной улице. Фотография. 2005 г.

достойный облик, характерный для малоэтажной жилой застройки второй половины XIX века: гладкие рамочные наличники, полочки над окнами второго этажа, прямоугольные филенки под ними. Внутри заслуживают внимания сводчатые, словно гофрированные, бетонные перекрытия по металлическим балкам. Это конструктивное новшество тех времен получило название по фамилии своего создателя — своды Монье.

Вид дома со стороны Малого Харитоньевского переулка. Фотография А.А. Александрова. 1979 г.

Из документов более позднего времени — оценочной описи строений 1910-го и 1914 годов — известно назначение и внутренняя отделка всех корпусов этого доходного комплекса, рассчитанного на жильцов самого разного достатка⁴. В полуподвальном этаже нового бокового крыла помещались кухня, прачечная, гладильня, помещение истопника и некая мастерская. В верхних этажах находились малокомфортабельные квартиры для небогатых жильцов.

Двухэтажный дом по линии Малого Харитоньевского переулка был по-прежнему занят двумя

дорогими барскими квартирами, включающими кухни, ванные и клозеты. Отделка парадных, или, как говорится в документах, «лицевых» комнат была довольно богатой: с лепными потолками, дубовым паркетом, рамами и дверями «хорошей столярной работы», «голландскими израсчатыми печами».

А вот дешевые квартиры артельщиков во втором этаже надстроенного белоусовского корпуса отличались «ординарным устройством». Первый этаж здания был занят сараями и сеновалом. Хозяйственная постройка предназначалась для сараев и погребов, в антресолях над ней помещалась маленькая квартирка.

Но Н.Д. Стахеев на этом не остановился. По его желанию архитектор М.Ф. Бугровский внес изменения в декоративную обработку главного дома, сделав ее более богатой и причудливой. Это был третий виток в «барочной» истории дома. Старые палаты получили облик

л. 6а, 7; д. 13, л. 7а, 9, 11.

⁴ ЦИАМ, ф. 117, оп. 17, д. 270, л. 38, 38 об., 39; ф. 179, оп. 63, д. 18544, л. 1 об., 2, 2 об.,

роскошного псевдобарочного дворца, каких по-прежнему немало строилось тогда в Москве и еще больше в Петербурге.

Дворцовая архитектура XVIII столетия продолжала привлекать в то время образованных представителей купеческого сословия. Великолепные дома в духе «галантного века» — века барокко — на главных улицах города становились внушительным подтверждением состоятельности владельца и его просвещенных вкусов. При этом часто иллюзорное «возрождение» барокко получало выпяченный, претенциозный фасон, становившийся мишенью художественных критиков. Например, в одном из фельетонов журнала «Северный цветок» речь шла о «дворце, принадлежавшем не аристократии крови, а лишь аристократии денег, которой богатая Сибирь удостоила открыть свое золотonosное лоно»⁵.

«Растительная сила золота», по определению автора заметки, была не единственным источником

вдохновения для архитектора, перестраивавшего особняк Николая Дмитриевича Стахеева. М.Ф. Бугровский продемонстрировал в этой работе глубокое знание стиля вкупе с практичностью специалиста. Он был, пожалуй, не энергичным инициатором, а выступал, скорее, в роли добросовестного исполнителя.

Характерно, что, как и во времена фон Мекков, он здесь использовал выборочную стилизацию с ограниченным полем притяжения: черты исторических прообразов были введены лишь в фасады дома и в анфилады парадных комнат. Но если элементы фасадного декора 1866 года были более рационалистичны, под стать изначальному облику дома, то его «переодевание» 1895 года проходило под знаком помпезности.

И все же архитектор сумел соблюсти чувство меры в воспроизведении избранной стилистической основы. Перестройку дома Стахеева можно назвать примером продуманной «смены декораций» парадной части здания. Подобно Д.И. Певницкому, М.Ф. Бугровский, как говорится,

*Лепной карниз гостиной.
Фотография. 2005 г.*

Фрагмент лепного декора.
Фотография. 2005 г.

Фрагмент лепного декора.
Фотография. 2005 г.

обошелся малой кровью. Для создания более внушительного ретроспективного эффекта ему понадобилось изменить лишь обрамление окон второго этажа⁶. Обратившись к арсеналу архитектурно-декоративных форм барокко и рококо, он остановился на роскошных наличниках, напоминающих «елизаветинский стиль». Окна дома получили высокие полукруглые завершения — сандрики, поле которых было заполнено пышной лепниной, представляющей собой сложную композицию из растительных побегов, цветов и декоративных завитков. Подобным образом были оформлены и окна второго «лицевого» фасада дома, выходящего в Малый Харитоньевский переулок. При этом надо отметить, что хотя детали фасадного декора и вторили характерным формам растреллиевских дворцов, но отличались от оригиналов чрезмерно графическим, жестковатым рисунком и излишне старательной моделировкой.

Подобающим такой внешности богатством декора обладали и парадные интерьеры дома Стахеева. Здесь использован набор барочных форм декора, ставший уже традиционным для работы в этом неостиле. Наиболее разнообразным в деталях, живописным и пластически насыщенным является

декор потолков парадных залов и панелей стен лестничной клетки, где сложные барочные формы орнаментального поля сочетаются с многообразием эффектных рокайльных украшений.

Интерьеры дома представляют собой интересную пограничную зону стилей барокко и рококо, блестящее эклектическое совмещение форм этих разных «архитектурных языков». В полном соответствии оригиналам барокко выдержаны причудливо искривленные формы плафонов, криволинейные очертания падуг над карнизами, служащих переходом от стены к поверхности потолка. В «каминном зале» плавные линии плафона вдруг прерываются напряженными изломами, как это было свойственно русскому зрелому барокко. Но эти несколько тяжеловесные мотивы оживляются изящными деталями, настроенными по «звучанию» на рокайльный лад. Падуги, окаймленные поясками мелкого рисунка, щедро украшены лепными побегими, крупными листьями, пышными арабесками, представляющими собой сложные композиции из разнообразных декоративных элементов и скульптурных фигурок.

Особенно хороши арабески гостиной с угловыми печами, на которых пухленькие путти словно выглядывают вниз из своих уютных гнездышек, свитых умелой рукой мастера из раковин, листьев, завитков. При всей легкости рисунка лепка здесь удивительно сочная, рельефная. Эффектностью растительных мотивов отличается и падуга одного из залов, выходящих окнами во двор.

Роскошное впечатление производит отделка парадных сеней с лестницей итальянского мрамора. Здесь обращают на себя внимание пластически выразительные формы настенных панно, в которых из всего многообразия декоративных мотивов выделяются гротескные маски. Они были необычайно популярны в архитектурном декоре

Парадная лестница.
Фотография. 2005 г.

и прикладном искусстве начиная с середины XIX века и вносили в любой интерьер остроту и занимательность.

Совершенно очевидно, что М.Ф. Бугровский достиг в парадных интерьерах дома Н.Д. Стахеева более блестящих результатов, чем в его внешней отделке. Он проявил себя как прекрасный знаток архитектурного наследия, обладающий богатой фантазией и вкусом. Образный строй этих интерьеров передает колорит давно минувшего «галантного века». А если представить себе роскошную отделку помещений — обилие бронзы, позолоты, инкрустированного дерева, картин, фарфора, — то убранство этих сравнительно небольших помещений получит вполне барочную насыщенность и тяжеловатость.

Пышное псевдобарочное оформление тогда же получил и главный фасад доходного дома по Малому Харитоньевскому переулку⁷. Так умело объединил архитектор в единый ансамбль два разновременных здания.

Но фасад главного дома претерпел не только изменения в своем декоративном решении, но и другие, куда более прозаические. В левой пристройке по Мясницкой улице под эркером второго этажа пробили дверь и окно. Внутри за дверью устроили крылечко в четыре ступени⁸. Окна первого, вернее, полуподвального этажа растесали и заменили в них оконные колоды⁹. Эти перестройки сделали полуподвал автономным, его помещения — более светлыми, а это значило, что их можно было выгодно сдать в аренду. Так оно и было. Из описей 1910-го и 1914 годов известно, что тогда полуподвальный этаж дома Стахеева занимала контора перевозки мебели Торгового дома Ступина¹⁰.

В 1902 году Н.Д. Стахеев провел в своем владении работы по устройству водопровода и канализации¹¹. Стоимость этих работ составила 117 тысяч рублей. По заключению архитектора-инженера Г. Дриттенпрейса, основные элементы подключения всего участка к городской канализационной сети были выполнены из камня, необычайно прочны и «37 лет служить залогом могут»¹².

Подробное описание всех строений и план владения коммерции советника Николая Дмитриевича Стахеева с оценкой стоимости их и земли дает страховое свидетельство, составленное в апреле 1905 года Первым Московским Страховым обществом по случаю предстоящей продажи владения. Оно содержит сведения о том, каким было убранство барского особняка. Описание во многом повторяет аналогичный документ, составленный для Н.Ф. фон Мекк, но и вносит некоторые интересные уточнения:

⁶ ЦАНТДМ, ф. 1, Яузская часть 10/8, д. 13, л.

9.

⁷ ЦАНТДМ, ф. 1, Яузская часть 10/8, д. 13, л.

9.

⁸ Там же. Д. 13, л. 11.

⁹ Там же. Д. 14, л. 6а; д. 15, л. 5.

¹⁰ ЦИАМ, ф. 117, оп. 17, д. 270, л. 38 об.; ф.

«Капитальной постройки, каменное 1-этажное жилье с полуподвальным жилым этажом, с таковою же пристройкою... крыты железом. Снаружи окрашено. Полуподвальный этаж перекрыт коренными сводами, стены и перегородки оштукатурены, в лицевых комнатах полы дубового паркета, окна с зеркальными стеклами, отопление водяное, в вестибюле полы из цементных плиток. В 1 этаже парадная лестница итальянского мрамора с бронзовыми перилами, полы вестибюля из метлахских плиток. Стены и потолок украшены лепной работой. Двери дубовые. Все помещения 1-го этажа роскошно отделаны, некоторые комнаты имеют сводчатые перекрытые лепные потолки. Полы дубового паркета и сложных рисунков разного дерева. Рамы дубовые полированные с бронзовыми приборами, с подоконниками итальянского мрамора. Двери резные ореховые и брус. Печи майоликовые и израсчатые. Каминны мраморные. Клозеты и ванны канализационного типа. Черная лестница и лестница в антресоли подольского камня... Занято по 1 этажу — барскую квартиру...»¹³.

Спору нет, это было достойное жилище богатейшего московского купца. Вернее, не московского, а елабужского. Уроженцы Елабуги, уездного города Вятской губернии (ныне — районный центр Республики Татарии), Стахеевы в начале XX века входили в десятку самых влиятельных и богатых купцов России.

179, оп. 63, д. 18544, л. 3 об.

¹¹ ЦАНТДМ, ф. 1, Яузская часть 10/8, 1902 г.

¹² Предварительные работы. Т 3. С. 18–19.

¹³ ЦИАМ, ф. 117, оп. 17, д. 270, л. 38, 38 об., 39.

| «П.П.Г.» СТАХЕЕВЫ

На рубеж XIX—XX веков приходится особый этап в истории русского предпринимательства. Это было время коренной перестройки российского торгового и промышленного потенциала, усиления роли банков и страховых учреждений, расцвета акционерной формы предпринимательства. Символом предпринимательства новой эпохи стала деятельность концерна Стахеевых.

Основу его жизнедеятельности заложил торговый дом «И.Г. Стахеев», учрежденный в 1904 году в городе Елабуге для торговли хлебом, нефтью, мануфактурой и другими товарами. Баланс Торгового дома на 1 января 1912 года составлял 9,2 миллиона рублей при основном капитале 5 миллионов рублей¹. В этом же году семейное предприятие Стахеевых объединилось с Русско-Азиатским банком и основало торгово-промышленное товарищество «И. Стахеев и К°». Это объединение сложилось на основе долевой системы участия, «личной унии» разнообразных обществ и организаций, подчиненных единой системе управления и контроля.

Концерн возглавили крупнейшие предприниматели России П.П. Батолин и И.И. Стахеев. Общий капитал Товарищества согласно договору был определен в 2,5 миллиона рублей, из которых две трети принадлежали Стахееву и одна треть — Батолину. К 1917 году баланс стахеевского концерна превышал 300 миллионов рублей, а если учесть обороты всех его предприятий, то доля участия Товарищества в народном хозяйстве России выражалась в миллиардах².

В 1917 году был выпущен «Краткий очерк деятельности торгово-промышленного т-ва «Иван Стахеев и К°», дающий представление о его бурной экономической жизни³. Даже самое скромное переложение этого очерка свидетельствует о невиданном размахе русского предпринимательства того времени.

В круг деятельности Товарищества входили самые разнообразные отрасли промышленности и хозяйства: крупнейшее в России по размерам хлебное дело на внутреннем и внешнем рынках; вопросы земледелия

¹ 1000 лет русского предпринимательства. Из истории купеческих родов. М., 1995. С. 30–31, 440–441.

² Из истории империализма в России. М.; Л., 1959. С. 100–131.

³ Краткий Очерк деятельности торгово-промышленного т-ва «Иван Стахеев и К°» // Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. М.;

и сельского хозяйства; торговля нефтью и керосином и тесно связанное с ними транспортное дело; добывающая промышленность; торговля мануфактурой и другими товарами народного потребления.

Хлебное дело было коренным делом Товарищества, к нему относились с особенной заботой и любовью. Оно охватывало родную землю Стахеевых — Прикамье, Сибирь, центральные губернии и Черноморское побережье. В каждом из этих регионов были созданы отдельные организации, которые не только вели операции с торговлей хлебом, но и участвовали непосредственно в производстве зерна, в обработке земли и сборе урожая. Эти общества занимались также отправкой русских хлебных товаров за границу.

Торговля мануфактурой также была одним из приоритетных направлений деятельности учредителей Товарищества. Эта отрасль работала у Стахеевых совершенно самостоятельно, поскольку имела собственные земли в Ферганской области, на которых энергично занимались орошением и культурой хлопка. Для этого было образовано новое общество «Фергана», а для скупки хлопка и торговли им — Русско-Азиатское хлопковое общество с правлением в Москве, поскольку Москва была тогда главным центром хлопковых оборотов в России. Вслед за Ферганской областью Товарищество стало осваивать почти нетронутые владения смежного Бухарского ханства и проводить оросительные работы в системе рек Амударьи и Сырдарьи.

Особенно успешно Товарищество «Иван Стахеев и К°» осуществляло переработку хлопка. Ему принадлежали крупнейшие бумагопрядильные мануфактуры в Петербурге, Москве и Московской губернии. На каждой из них было большое ткацкое, красильное и набивное производство, и в целом Товарищество занимало одно из первых мест в текстильной промышленности.

С первых шагов деятельности Товарищества в Средней Азии внимание Стахеевых и Батолина привлекло и железнодорожное хозяйство. Они приобрели большое количество акций Бухарской и Ферганской железных дорог и тем самым получили возможность влияния на них. Постепенно их влияние распространилось также на Московско-Казанскую железную дорогу, едва ли не важнейшую в России, и на Бугульминскую и Северо-Донецкую. Товарищество приняло участие в постройке Южно-Сибирской железной дороги, ведущей к богатейшим угольным и медным месторождениям.

Накануне Первой мировой войны Товарищество Стахеева уделяло внимание и другой важной области путей сообщения — судоходству и обзавелось флотилией коммерческих судов в Охотском море.

Здесь же, на берегах Охотского моря, Товарищество приобрело концессии на разработку рыбных и лесных богатств. Было учреждено Охотско-Амурское рыбопромышленное общество, занимавшее по улову рыбы в этом регионе одно из первых мест.

География лесного дела Товарищества И. Стахеева охватывала, помимо Дальневосточного края, Петроградскую и Новгородскую губернии, лес в которых предназначался для местного потребления, а затем и большие лесные угодья на реках Мезени, Унже и Каме. Следуя своей системе, Товарищество образовало отдельное общество под названием Батолинское лесопромышленное общество, в котором приняла участие крупная нефтяная фирма «Товарищество бр. Нобель», что обеспечило хороший сбыт лесных материалов.

Со временем Товарищество «Иван Стахеев и К°» решило осуществлять все свои перевозки с использованием собственной нефти. Потеснить крупных нефтедобытчиков в Баку или Грозном было невозможно, поэтому пришлось приобрести концессию на разработку нефти в пустынных и безлюдных степях южной части Уральской области. Несмотря на огромные трудности, связанные с дикостью и отдаленностью этих мест, интенсивные работы через два года увенчались успехом. Для развития нового дела было учреждено первое акционерное общество с капиталом в шесть миллионов рублей. С его учреждением дело пошло значительно быстрее, велись обширные эксплуатационные и разведочные работы, и вскоре добыча составляла пять с половиной миллионов пудов в год. Такие блестящие результаты работы этого первого общества дали возможность Товариществу организовать вторую, с еще большим капиталом, компанию для разработки и эксплуатации нефтеносных земель Уральской области.

После удачного начала в области нефтедобычи Товарищество стало уделять внимание развитию горнозаводской промышленности. Оно заручилось некоторыми заводами и концессиями на разработку недр на Кавказе, в Сибири, Средней Азии и Монголии, образовало акционерное общество для исследования и организации горных и промышленных предприятий, в которое, между прочим, впервые привлекло в качестве участников-пайщиков своих сотрудников. В руководстве делами обще-

ства принимали участие многие крупные научные и технические силы, сразу же после его учреждения было организовано несколько экспедиций на поиски различных ископаемых в богатые, но малоизвестные и малоразведанные районы.

Создание и упрочение этих предприятий почти во всех важнейших отраслях экономической жизни страны требовало, конечно, огромных средств, которыми не могли располагать ни частные лица, ни какое-либо отдельное кредитное учреждение. Товарищество «Иван Стахеев и К°» справилось с такой задачей, проведя и в этой области свой принцип приобретения возможно большей самостоятельности.

Сначала Товарищество, благодаря постоянным обширным операциям, было в лучших отношениях с наиболее крупными русскими и заграничными банками и широко использовало свои связи. Но позже Стахеевы и Батолин при соглашении с другими крупными учреждениями открыли собственные банки. Для финансирования огромных предприятий в Средней Азии был открыт банк в Бухаре. Для своей деятельности на Севере России и сношений с заграницей Товарищество учредило Русско-Норвежский банк, в котором значительное участие приняли крупные промышленники Норвегии. Продолжая ту же политику, Товарищество успело путем покупки акций приобрести значительные доли капиталов некоторых крупных петербургских и московских банков. Стахеев и Батолин стали членами советов Русско-Азиатского, Петроградского, Международного и Волжско-Камского коммерческих банков.

В предреволюционные годы, когда были организованы экспедиции для разведок добычи железа в Приамурье, угля — на Сахалине, начата эксплуатация лесных угодий и намечена постройка соответствующих заводов, Товарищество начало хлопотать об учреждении банка, который бы обслуживал Дальний Восток, а в будущем взял бы на себя посредничество для сношений с Японией и Америкой.

Нельзя не сказать и о благотворительной деятельности Товарищества «Иван Стахеев и К°». Перефразируя французскую поговорку «noblesse oblige» — знатность обязывает, Стахеевы вслед за другими известными купеческими родами руководствовались девизом «богатство обязывает» (richesse oblige). Конечно, большинство людей, живших по этому неписаному обязательству, свои идеи не формулировали, но знали и чувствовали, что не хлебом единым жив человек.

Товарищество Стахеева оказывало финансовую поддержку народным общеобразовательным курсам и реальному училищу А.С. Черняева в Петербурге. При его содействии также было учреждено Общество для распространения образования. Само Товарищество испытывало недостаток в техническом персонале с теоретическими и практическими знаниями и потому решило открыть политехникум. Проект его разработки прервала Первая мировая война и последовавшие за ней события.

Тогда же Товарищество стало совладельцем одного из крупнейших российских издательств с целью поднятия народного образования в самых дальних районах России. В связи с этим проектом Товарищество Стахеева приобрело две бумажные фабрики — в Петербурге и Ростове-на-Дону. Позже оно приняло главное участие в устройстве первого в стране Всероссийского телеграфного агентства. Его телеграфные и телефонные линии были разработаны по последнему слову техники.

Будучи патриотами своего родного города Елабуги, Стахеевы заботились о его благе и красоте. На их средства были вымощены улицы, построены мосты, каменные торговые ряды, манеж, установлена красивая ограда вдоль набережной, возведены здания присутственных мест, училища, больницы.

Таковы были плоды деятельности этого концерна накануне революции, которая разрушила труды нескольких поколений купцов Стахеевых.

По семейному преданию, предок Стахеевых был родом из Великого Новгорода. В царствование Ивана Грозного он ушел оттуда вместе со многими другими на вольные земли, на реку Каму, где основалось село Трехсвятское, впоследствии переименованное в Елабугу, и занялся там торговлей.

Первым в будущей купеческой династии выдвинулся в середине XIX века Иван Иванович Стахеев, умный и властный, страстно привязанный к своим торговым делам. Вместе с тем был он человеком честным и справедливым, чуждым тщеславия. Награжденный за свои пожертвования медалями и орденами, он никогда не носил их и даже не стеснялся называть начальников, представлявших его к наградам, людьми легкомысленными. «Бестолковые, бестолковые! — говорил он. — Думают, что я жертвую деньги для того, чтоб ордена иметь»⁴. У него между прочими орденами был орден Владимира в петлице, дающий право на дворянство, но он никогда даже не подумывал хлопотать о нем, не придавая этому званию никакого особенного значения.

Л., 1957. Ч. 1.

⁴ Никольский М. Биография Д.И. Стахеева // Стахеев Д.И. Собрание сочинений. СПб.;

Будучи глубоко верующим, Иван Иванович Стахеев и в вере своей был необычайно щедрым. За свой счет он выстроил в разных губерниях России и на Афоне десять каменных церквей. Самыми крупными среди них были собор в Бугульме и монастырь в родной Елабуге. На содержание духовенства и штата монахинь Стахеев вложил триста тысяч рублей серебром. Двести сестер монастыря имели полное обеспечение, причем особо оговаривался запрет когда-либо ходить по сбору подаваний.

В старости Иван Иванович Стахеев удалился на Афон и принял там монашеский постриг. Но ему не суждено было упокоиться в святой земле. Томимый думами о родном городе, о монастыре, построенном им в Елабуге, он вернулся с Афона домой, где и скончался в 1885 году.

Семейное дело к тому времени давно уже находилось в надежных руках его детей. Впрочем, была в семействе Стахеевых и одна заблудшая овца. Сын Дмитрий Иванович, очень сообразительный и темпераментный, уже в пятнадцать лет самостоятельно ведущий крупное чайное дело на Дальнем Востоке и в Китае и ворочавший сотнями тысяч, не оправдал надежд отца. Он решил стать писателем. Проклятый отцом юный «вольнодумец», как прозвали его дома, разом превратился в известного нищего литератора, перебивавшегося скромными заработками. «На какую дорогу сунулся, — бушевал отец, — пропадет понапрасну, будет собакам хвосты рубить. Помогать я ему не буду, да и вам всем и другим прочим, с кем только я имею дело, строго-настрого запрещаю помогать Дмитрию. Кто ему будет помогать, тот — враг мой»⁵.

Дмитрий, надо отдать ему должное, ни разу не обратился за помощью ни к отцу, ни к кому бы то ни было из своих родственников. Он сердился в ответ на предложения знакомых просить денег в своей семье и даже разрывал отношения с теми, кто советовал ему «покориться». Пожертвовал он и карьерой чиновника, которая ждала его в Совете Государственного контроля. Долгое время он с семьей жил в бедности, но желанию своему не изменил. Писателем Дмитрий Иванович Стахеев все-таки сумел стать, и писателем известным. Его романы — «Домашний очаг», «Наследники», «Встревоженный город», «Духа не угашайте» и другие, — повести и рассказы пользовались во второй половине XIX века большим успехом. Он написал также немало этнографических работ, посвященных Сибири и Забайкальской области, за что был избран членом Императорского Русского Географического общества. Сегодня его имя, к сожалению, незаслуженно забыто.

Конечно, Елабуга была тесна для людей такого размаха, как Стахеевы. Еще в середине XIX века некоторые из них потянулись в Москву. Этот процесс верно описал в своем очерке «Купечество московское» один из представителей знаменитой династии промышленников В.П. Рябушинский:

«Когда какой-нибудь провинциальный купеческий род, обыкновенно во втором или в третьем поколении, достигая прочного имущественного благополучия и деловой известности, становился, так сказать, «именитым», то его начинало тянуть в Москву и нередко он туда переселялся навсегда. Из Сибири и с Волги, с Кавказа и с Украины ехали в Москву именитые купцы. Конечно, не все, ибо и Иркутск, и Нижний, и Тифлис, и Киев, столица Украины, и Одесса — все они свое значение осознавали, а все-таки Москва влекла к себе.

И примечательно, что не Петербург, а именно Москва, несмотря на то, что в деловом отношении как финансовый центр Петербург с конца XIX века стал, выражаясь вульгарно, но показательно, явно «зашибать» Москву.

В Москве купец чувствовал себя «первым человеком». Люди его класса строили церкви, больницы, богадельни, народные столовые, театры, собирали картины, книги, иконы, играли главную роль в городской думе и преобладали на первых представлениях в театрах, на бегах и на скачках»⁶.

Первым из Стахеевых в Москву перебрался брат знаменитого елабужского миллионщика Дмитрий Иванович (не писатель, а его дядя). Умного и дальновидного купца знали и уважали в Москве, поэтому пустить корни в первопрестольной ему не составило большого труда.

В родной Елабуге, где многие семьи были тесно связаны между собой родственными и дружескими узами, Дмитрий Иванович женился на дочери городского старосты Ивана Васильевича Шишкина Александре. Его тесть был идеальной кандидатурой на занимаемом посту — обстоятельный, деятельный, прогрессивный. Еще больше авторитета прибавляло ему увлечение техникой, историей, археологией. Он проводил раскопки местного могильника, обследовал древнее городище и на свои средства отреставрировал его разрушающуюся башню. Свои исторические и археологические изыскания городской староста и уважаемый купец И.В. Шишкин обобщил в труде «История города Елабуги», который был издан на средства его зятя Д.И. Стахеева и местного благотворителя

⁵ Там же. С. VI.

⁶ Рябушинский В.П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. Русский

Н.И. Ушакова⁷. И.В. Шишкин был единственным в семье, кто всерьез отнесся к увлечению живописью своего сына Ивана — будущего знаменитого пейзажиста Ивана Ивановича Шишкина — и препоручил его заботам своего зятя, обосновавшегося в Москве.

Осенью 1852 года, будучи уже двадцати лет от роду, Шишкин вместе с Дмитрием Ивановичем Стахеевым уехал в Москву, где поступил в Училище живописи, ваяния и зодчества. «Любезный братец» Д.И. Стахеев поддерживал своего молодого, скромного родственника-художника в годы учения⁸. Приятно отметить, что всю дальнейшую жизнь их роднили теплые, дружеские чувства друг к другу. Так, став уже студентом Петербургской Академии художеств, Шишкин писал домой о поездке в Москву к Дмитрию Ивановичу Стахееву в 1857 году: «...до того времени я занимался плохо и как-то неохотно; все что-то беспокоило, как и всегда, но тогда в особенности все эти мышления разного рода скопились. Но как повидался с братцем, поговорили и побеседовали обо всем, беседа его имеет всегда рано или поздно благотворительное влияние. Он как бы дал мне толчок; возвратившись обратно, я почувствовал и силу, и любовь к искусству и принялся с жаром и усердием»⁹.

К слову сказать, по приезде в Москву Шишкин поселился в Малом Козловском переулке, то бишь возле Мясницкой и своего Училища живописи, ваяния и зодчества, которое располагалось напротив почтамта в бывшем доме И.И. Юшкова (дом № 21).

Позже, уже в Петербурге, Шишкин близко сошелся с другим своим родственником, писателем Дмитрием Ивановичем Стахеевым-младшим, которого знал с детства. Тесные связи были у него и с племянником Николаем Дмитриевичем. В письмах они обращаются друг к другу не иначе, как «многоуважаемый дядюшка» и «дорогой племянничек», обмениваются милыми поздравлениями к праздникам, обсуждают новые произведения И.И. Шишкина, их художественные достоинства и коммерческий успех¹⁰.

Н.Д. Стахеев. Портрет работы неизвестного художника.

хозяин. Статьи об иконе. М., 1994. С. 144.

⁷ Шишкин И.В. История города Елабуги. М., 1871.

⁸ Иван Иванович Шишкин. Переписка. Дневник. Современники о художнике. Л., 1984. С. 45.

⁹ Цит. по: Анисов Л.М. Шишкин. М., 1991. С. 83.

Н.Д. Стахеев сам не раз покупал картины своего знаменитого дяди. Среди них было одно из самых известных полотен Шишкина — «Рожь».

Николай Дмитриевич Стахеев и был хозяином усадьбы на Мясницкой улице. Именно таких, как он, имел в виду Рябушинский, говоря о том, что в Москве конца XIX века купец чувствовал себя «первым че-

ловеком». Он был купцом 1-й гильдии, имел почетный титул коммерции советника, за заслуги перед Отечеством получил звание Потомственного почетного гражданина. Последнее было особенно важно и престижно, поскольку «П.П.Г.» считались тогда «вторым дворянством».

Н.Д. Стахеев обладал большими коммерческими способностями, был дальновидным и хватким. Унаследовав от отца хорошо налаженное мануфактурное дело и пять миллио-

нов, он быстро сумел обратить их в сорок миллионов, что сделало его человеком прямо-таки легендарным. Позже, когда он стал без меры сорить деньгами, его жена, опасаясь, что дети могут остаться без наследства, задумала взять его под опеку и обратилась к известному присяжному поверенному Ф.Н. Плевако с просьбой об этом. Плевако отказался, сказав: «На таких людей, как ваш муж, наложить опеку не придется: он сумел сравнительно в короткое время капитал отца увеличить во много раз»¹¹.

А поводов для волнения у жены Стахеева было, действительно, немало. Николай Дмитриевич всегда увлекался красивыми женщинами и был страстным игроком, а ведь и то, и другое требует больших денег. Необычная история его женитьбы в свое время наделала много шума. Он женился еще в Елабуге на некой Ольге Яковлевне, откупив ее у мужа-чиновника за крупную сумму. Но этот романтический почин завершился весьма прозаически: они разошлись. Жена получила шикарный особняк на Новой Басманной улице, который сдавала внаймы вдове С.Т. Морозова Зинаиде Григорьевне за двадцать пять тысяч рублей в год. Детей своих Н.Д. Стахеев также обеспечил несколькими домами.

Одна из самых известных картин И.И. Шишкина «Рожь» (1878) находилась в собрании его племянника Н.Д. Стахеева.

¹⁰ Иван Иванович Шишкин. Переписка... С. 227–228.

А сам с удовольствием продолжал тратиться на прекрасных дам и возил их за границу. К слову сказать, в их числе была жена художника Маковского. Естественно, красивая жизнь привела его и в Монте-Карло, где он быстро сделался завсегдатаем казино, «сильно разматывая свои капиталы без жалости и сожаления»¹². Видный московский предприниматель Н.А. Варенцов пишет в своих воспоминаниях, что «приезд Стахеева в Монте-Карло всегда сопровождается повышением курса акций, так как он крупно играет и обыкновенно проигрывает»¹³. В 1930-х годах Николай Дмитриевич жил за границей на получаемую пенсию от казино в Монте-Карло.

Поселившись на Мясницкой улице, Н.Д. Стахеев стал прихожанином церкви Харитония в Огородниках, был выбран старостой и много тратил на украшение и благолепие храма. В Москве он начал активно скупать старые здания на лучших улицах, строить новые многоэтажные дома и сдавать их внаем, получая большой доход. Эти дома в народе так и назывались — стахеевские. В одном из них, расположенном «в устье» Мясницкой улицы, почти у самой Лубянской площади, в 1920-х годах жил В.В. Маяковский, который писал в поэме «Хорошо!»:

Несется
жизнь,
оувеевая,
проста,
суха.
Живу
в домах Стахеева я,
теперь
Веэсэнха¹⁴.

В 1910 году Николай Дмитриевич Стахеев продал свою усадьбу на Мясницкой улице.

И.И. Шишкин. Автопортрет.
Офорт. 1886 г.

¹¹ Варенцов Н.А. *Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое.* М., 1999. С. 429.

¹² Там же. С. 428.

¹³ Там же.

¹⁴ Маяковский В.В. *Собрание сочинений в 12 томах.* М., 1978. Т. 4. С. 398.

«...ЧЕРЕЗ ВСЕЛЕННУЮ ЛЕГЛА МЯСНИЦКАЯ...»

Новым хозяином владения на Мясницкой улице в 1910 году стал потомственный почетный гражданин Константин Федорович Тахтамиров.

Единственная перестройка произошла при нем в 1911 году, когда инженер-архитектор Лев Луарсавович Мелик-Бегляров расширил тамбур и внес изменения в планировку северо-восточной части здания, на стыке старого дома с корпусом 1903 года. Из описи владения, выполненной в 1914 году, известно, что главный дом по-прежнему был занят квартирой домовладельца, а большая часть других строений сдавалась внаем. Лишь в бывшем белоусовском корпусе, где при Стахееве был внизу сеновал, а вверх комнаты артельщиков, у «любителя прогресса» Тахтамирова значатся соответственно автогараж и квартира шофера¹.

Из документов 1914 года становится известно, что хотя по окладным книгам Московской Городской управы владение числилось за К.Ф. Тахтамировым, в действительности тогда оно принадлежало его вдове Евгении Васильевне и трем дочерям — Татьяне Тахтамировой, Евгении Арзамасцевой и Ольге Бауэр.

К началу XX века облик Мясницкой улицы сильно изменился. Если Большая Никитская или Пречистенка были символами Москвы дворянской, Охотный ряд — купеческой, то Мясницкая стала символом Москвы промышленной. Она превратилась в одну из самых оживленных улиц, наряду со Сретенкой, Большой Лубянкой, Покровкой. Это было связано с перемещением фабрично-заводской промышленности на окраины и быстрым развитием привокзальных районов. Мясницкая на рубеже XIX—XX веков — это путь к трем вокзалам. Потому она и стала тогда самой бойкой уличной магистралью Москвы.

Все это наложило заметный отпечаток на внешний облик улицы и на общий уклад ее жизни. Не зря Мясницкую тех лет называли «московским сити» — на ней сосредоточились конторы и правления крупнейших

¹ ЦИАМ, ф. 179, оп. 63, д. 18544, л. 1–3 об.

банков и страховых компаний, промышленных и торговых фирм, она обстраивалась крупными коммерческими зданиями.

Что тут только не продавали! Характерен диалог Остапа Бендера и Кисы Воробьянинова из опубликованного недавно полного варианта «Двенадцати стульев». Они приехали в Москву на Рязанский вокзал (так прежде именовали нынешний Казанский вокзал) — «самый свежий и новый из всех московских вокзалов», взяли извозчика, «проехали под мостом, и перед путниками развернулась величественная панорама столичного города». «А вот и Мясницкая, — заметил Бендер. — Замечательная улица. Здесь можно подохнуть с голоду. Не будете же вы есть на первое шарикоподшипники, а на второе мельничные жернова. Тут ничем другим не торгуют.

— Тут и раньше так было. Хорошо помню. Я заказывал на Мясницкой громоотвод для своего старгородского дома»².

Мясницкая улица. Открытка. Начало XX в.

Мясницкая улица одной из первых в Москве получила в 1870-х годах газовое, а в 1890-х — электрическое освещение. Уже в XVIII веке она была вымощена булыжником, а в начале XX века его сменила каменная брусчатка. Одна из первых линий конки в 1870-х годах прошла именно по Мясницкой. То же было с трамваем в начале XX века и метрополитеном в 1935 году.

После революции Мясницкой коснулись поистине революционные перемены, ее облик неузнаваемо изменился. Банки, фирмы, конторы поменяли владельцев и сменили вывески, разом преобразившие старую улицу. В 1926 году снесли церковь Евпла на углу Милютинского переулка — это была «первая ласточка» большевистского богоборчества. В 1928 году сломали и древнюю московскую церковь Николы в Мясниках, причем перед этим ее отреставрировали. На месте церкви и соседних небольших домов в 1929—1936 годах построили Правление Центросоюза, ныне ЦСУ (дом № 39). Это интересное здание эпохи конструктивизма было сооружено по проекту знаменитого Ле Корбюзье,

² Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Первый полный вариант романа с комментариями М. Одесского и Д. Фельдмана. М., 1997. С. 184–186.

работавшего в содружестве со своим братом П. Жаннере и советским архитектором Н.Я. Колли.

Близость к железной дороге и теперь определяла ритмы жизни старой улицы — ведь в Москву из пригородов тогда ежедневно приезжало больше ста двадцати тысяч человек. По словам наблюдательного современника, утром и вечером Мясницкая «представляла из себя сплошной поток людей, движущихся в одну лишь сторону»³.

Но вот что характерно: Мясницкая и тогда была такой же неухоженной и разбитой, как и двести пятьдесят лет назад, во времена Ван-Кленка, писавшего о ее непролазной грязи. Она даже попала к В.В. Маяковскому в «Стихотворение о Мясницкой, о бабе и о все-российском масштабе», критикующем гигантоманию новой власти и ее нежелание решать практические вопросы.

Иду.
Мясницкая.
Ночь глуха.
Скачу трясогузкой с ухаба на ухаб.
Сзади с тележкой баба,
с вещами
на Ярославский
хлюпает по ухабам...⁴

Совсем другими глазами Маяковский смотрит на Мясницкую улицу в своей пронзительно-надрывной любовной поэме «Про это». Поэт, не смея прийти к любимой, «кружит» по улице, страдая, размышляя, вспоминая, мечтая о будущем, и ему кажется, что

...через вселенную
легла Мясницкая...⁵

В 1934 году Мясницкую переименовали в улицу Кирова — в память о С.М. Кирове, крупном партийном деятеле, секретаре ЦК ВКП (б), убитом в этом году. Тогда же и Мясницкие ворота стали именоваться Кировскими.

На Мясницкой тогда было совсем немного жилых домов, и во всех, конечно же, размещались коммуналки. Известно, что в бывшем доме Тахтамирова в 1925 году проживало пятьдесят два человека⁶.

Теперь уже трудно сказать, когда внешний облик дома претерпел изменения. Судя по фотографиям 1930-х годов⁷, дом еще имел пышные псевдобарочные наличники, фронтон с лепниной и эркер в левой части

³ Родин А. Ф. Деловая улица большого города. Производственно-краеведческий очерк Мясницкой улицы в Москве. М., 1926. С. 90.

⁴ Маяковский В. В. Собрание сочинений в 12 томах. М., 1978. Т. 1. С. 222.

⁵ Там же. Т. 2. С. 260.

⁶ Вся Москва на 1925 год. М., 1924. С. 149.

⁷ Историко-архитектурное обследование ЦАО г. Москвы. Микрорайон № 31. Квартал № 288. Домовладение: ул. Мясницкая 44/1, 46/2. М., 2003. С. 149.

здания. На фотографиях же 1950-х годов⁸ видны лишь наличники бокового фасада, выходящего в Малый Харитоньевский переулок (который тогда носил имя А.С. Грибоедова), а главный фасад имеет нелепое выражение гладко выбритого лица. Со следами этого насильственного «пострига» дом дожил до 1990-х годов.

В 1970-х годах жильцов из дома выселили и разместили в нем конторские службы Бауманского райсовета: научно-вычислительный центр и главную бухгалтерию.

Казалось, старинному особняку теперь уже не вырваться из власти того самого «фатума, который до конца дней не давал покоя великому композитору. Но неожиданно жизнь дома счастливо изменилась, и теперь, подходя к нему по Мясницкой улице, хочется повторить вслед за Чайковским слова, которыми он завершает свое пояснение Четвертой симфонии — симфонии бушующего «фатума»: «...не говори, что все на свете грустно. Есть простые, но сильные радости... Жить все-таки можно»⁹.

⁸ Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В. Щусева. Фототека V 50051.

⁹ Переписка. Т. 1. С. 219.

| НОВАЯ ГЛАВА

Последняя новелла из истории дома — его второе рождение в середине 1990-х годов. В конце 1995 года у дома наконец-то появились настоящие хозяева, которые последовательно убирали все прежние «некультурные» наслоения — остатки коммунального быта и дух советского госучреждения — и шаг за шагом восстанавливали подлинные культурные слои, возвращая тем самым не только архитектуру, но и собственно историю.

Новым владельцем дома стала ведущая российская аудиторско-консалтинговая компания ФБК («Финансовые и бухгалтерские консультанты»), расположившая здесь свой головной офис. Унаследовав дом в ужасающем состоянии от бухгалтерии Бауманского райсовета, ФБК провела проектно-изыскательские работы и отреставрировала памятник, вернув ему первоначальный барочный облик. Это было сделано с большой любовью, заботой и тактом. Работы были проведены в 1995—1997 годах реставраторами Мастерской № 13 Моспроект-2 (авторы проекта Г. Солодка, Л. Лазарева и другие).

Однако отреставрированное еще надо было сохранить, и, пожалуй, охрана памятника, охрана в подлинном значении слова и стала главным смыслом отношения нового владельца к дому на Мясницкой. Компания ФБК заботилась о доме, а дом, в свою очередь, формировал корпоративную культуру компании, которая все годы своего существования, реализуя многочисленные общественные и благотворительные проекты, фактически воспитывает свой коллектив и создает командный дух на основе историко-культурных традиций памятника, где проживали в том числе и вполне успешные русские предприниматели и купцы. История дома в этом смысле движется как будто по спирали — лучшие представители отечественного предпринимательства и культуры неизменно возвращаются сюда.

Отреставрировав дом, компания ФБК внесла свой вклад в облагораживание и гармонизацию городского пейзажа Москвы. Нарядный,

ухоженный особняк стал украшением Мясницкой улицы. Изящно выполненная мемориальная доска на фасаде привлекает внимание, заставляет прохожих невольно замедлить шаг: тут творил Чайковский. Стены этого легендарного «дома трех композиторов» до сих пор помнят звуки музыки Листа и Дебюсси. И оказывается, что это небольшое, вросшее в землю здание обладает огромной энергетической силой и эмоциональным зарядом, перебивающим современный ритм жизни. Аура «дома трех композиторов» оказала значительное влияние на культуру ФБК, сформировала еще один «нематериальный актив» компании.

Естественным шагом для ФБК стало формирование корпоративной традиции воссоздавать культурные ценности и способствовать нормальной работе институтов и учреждений культуры. В частности, ФБК уже много лет является генеральным консультантом Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, оказывая музею помощь в решении финансовых и юридических вопросов и содействуя привлечению спонсорских средств. Собственно, какой еще могла стать культура компании, заседания сотрудников которой и переговоры с ключевыми партнерами, общественные мероприятия проходят в так называемом Каминном зале с камином, отмеченным чертами барокко начала XVIII века? Каким еще может быть бизнес в доме, который посещал А.С. Пушкин и о котором П.И. Чайковский писал его владелице Н.Ф. фон Мекк: «Благодарю Вас за дозволение пожить в Мясницком доме»?

Сегодня в «Мясницком доме» компания ФБК отметила свое пятидесятилетие. Ее история во всех значимых вехах совпадала с экономической историей постсоветской России. За свою теперь уже долгую жизнь компания всегда отвечала на вызов времени и вносила вклад в развитие открытой и цивилизованной рыночной экономики.

Компания «Финансовые и бухгалтерские консультанты» — ФБК — основана 12 сентября 1990 года и до 1995 года называлась «Контакт».

Фасад дома до реставрации. Май 1997 г.

В ее создании участвовала группа специалистов бухгалтерского учета и экономического анализа, работавших ранее на экономическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. Среди учредителей бессменные руководители компании — С.М. Шапигузов и Е.Г. Проскурня, а также известные российские ученые П.С. Безруких и А.Д. Шеремет.

Фрагмент фасада. Август 1997 г.

Основным направлением деятельности молодой компании являлся аудит, однако ее специалисты консультировали юридических лиц в области организации бухгалтерского учета и составления бухгалтерской отчетности, а также проводили соответствующий финансовый анализ. Спрос на услуги, оказываемые молодой фирмой, был значительный: союзные ведомства стали к тому времени практически неспособны, ждать методологической помощи предприятиям было неот-

куда. Многие крупные предприятия выделяли производства, цехи и другие структурные подразделения в самостоятельные хозяйствующие субъекты. Бухгалтерский и управленческий учет начали организовывать люди, ранее не занимавшиеся бизнесом. В этих условиях на первом этапе своей деятельности компания ФБК основное внимание уделяла обучению персонала новых предприятий, помощи в составлении бухгалтерской отчетности.

Компания ФБК с самого начала стремилась привлечь элитные кадры — специалистов с богатым опытом работы в крупных промышленных и финансовых структурах. Видную роль в методологической и практической работе сыграли специалисты бухгалтерского учета, работавшие в государственных органах и организациях. Среди них: Я.И. Цвейбак, бывший начальник отдела бухгалтерского учета и отчетности Министерства финансов РСФСР; В.И. Сидоров, бывший начальник Управления бухгалтерского учета и отчетности Московского автомобильного завода «ЗИЛ»; А.В. Никольский, бывший начальник Управления бухгалтерского учета и отчетности Министерства радиопромышленности СССР.

Уже в конце 1990 года было заключено более десятка договоров. Их реализацией занимались семь постоянных сотрудников компании ФБК.

Первым клиентом стал Союз театральных деятелей СССР. За ним последовали: Центр научно-технического творчества молодежи «Энергия», Ассоциация молодых руководителей СССР, кооператив «Вымпел», НПО «Полимербыт», Добровольное общество «Наука», гостиница «Останкино», Общество информатики и вычислительной техники, Камчатский коммерческий инновационный банк. В последующие годы число клиентов быстро росло. Так, в 1991 году только на аудит было заключено шестьдесят два договора, в 1994-м — уже сто девять, а в 1996-м — сто сорок два.

В первые годы работы, до появления информационных систем «Консультант», «Гарант» и ряда других, популярностью у клиентов пользовалось абонентское обслуживание. Клиент имел возможность получать ответы на вопросы по телефону или письменно, ему регулярно и оперативно направлялись новые инструктивные материалы и литература по учету и отчетности, налогообложению и финансам.

В рамках абонентского обслуживания компания ФБК проводила регулярные семинары и круглые столы по вопросам бухгалтерского учета и налогообложения: клиенты имели возможность обсудить актуальные проблемы в этих областях и получить ответы ведущих экспертов компании, а также специалистов из Минфина России и Госналогслужбы России. Сотрудники компании ФБК осознавали свою ответственность за формирование цивилизованного рынка в России и стремились внести свой вклад в ускорение этого процесса. В частности, широкую известность компании принесла осуществляемая под ее эгидой издательская деятельность, которая в дальнейшем привела к открытию собственного Издательского дома.

К 1994 году компания ФБК уже занимала заметное место среди аудиторско-консультационных компаний России. Увеличилось число постоянных клиентов — их стало более двухсот.

Мансарда. Отделка внутренних помещений. Август 1997 г.

Расширилась география, и увеличились объемы услуг. Специалисты компании ФБК осваивали разные регионы России: работали в Москве и Санкт-Петербурге, Краснодаре и Перми, Владимире и Архангельске. Солидные клиенты появились и за Уралом — в Красноярске, Нижневартовске, на Дальнем Востоке.

В этот период компания ФБК заключила соглашение о сотрудничестве с одной из крупнейших в мире аудиторско-консультационных компаний — КПМГ, которая уже несколько лет работала в России. Работы велись по широкому спектру направлений: аудиту, бухгалтерскому учету, консультированию в области налогообложения и права, проектам в области менеджмента и анализа хозяйственной деятельности, совместно издавалась специальная литература. Это был первый и чрезвычайно полезный опыт тесного практического взаимодействия российской фирмы и одной из международных компаний-лидеров. В последующие годы компания ФБК была занята в разных проектах с участием всех ведущих мировых аудиторско-консультационных компаний «Большой четверки».

Подтверждением качества услуг компании ФБК и ее возможностей стало заключение в 1994 году договора на аудит и консалтинг с одной из крупнейших российских компаний «Алмазы России — Саха». Это был первый аудит такого масштаба. Стоит отметить, что ФБК до сих пор обслуживает эту компанию и является ее официальным аудитором.

Компания ФБК начала активно участвовать в деятельности профессиональных объединений аудиторов, являясь членом Российской ассоциации бухгалтеров, Ассоциации бухгалтеров и аудиторов Содружества, Ассоциации российских банков, Российской ассоциации маркетинга и ряда других солидных и уважаемых в деловых кругах организаций.

Специалистов компании стали активно приглашать для работы в правительственные и парламентские комиссии, занимающиеся разработкой новых законов и других нормативных актов в области аудита и бухгалтерского учета, финансовой деятельности и налогообложения.

Накопленный опыт и теоретические знания оказались востребованными в высшем органе законодательной власти страны — Государственной думе Федерального собрания Российской Федерации. Активное участие специалистов ФБК в составе экспертных групп по подготовке и принятию Налогового и Бюджетного кодексов, внесению изменений в действующие законы о налогах позволило разработать и добавить в законопроекты положения, гарантирующие права налогоплательщиков.

Специалисты ФБК активно участвовали в формировании правоприменительной практики, выступая в судебных органах, в том числе в Конституционном и Высшем Арбитражном судах, не только в качестве участников процесса, но и в качестве экспертов.

С середины 1990-х годов начался качественно новый этап в развитии бизнеса — и с точки зрения роста оборотов компании, и с позиций расширения масштабов деятельности. В 1995 году ФБК входит в состав Международной ассоциации РКФ. ФБК была одной из первых российских компаний, вступивших в профессиональную международную ассоциацию.

За десять лет членства масштабы Ассоциации существенно выросли. Сегодня РКФ это более трехсот восьмидесяти офисов национальных компаний, работающих более чем в ста пятнадцати странах с использованием единых методик и стандартов качества. РКФ входит в число пятнадцати ведущих мировых ассоциаций аудиторско-консультационных компаний, ее выручка превышает 1,1 миллиарда долларов США.

Сотрудничество с РКФ — дало возможность компании ФБК создать уникальный сплав международного опыта и практики отечественного бизнеса. Полноправное членство в этой международной ассоциации означало признание соответствия качества услуг компании ФБК международным стандартам.

Подтверждением качества услуг компании стало признание ее работы международными организациями. В 1996 году специалисты ФБК впервые выполнили работы по аудиту проекта, реализуемого на средства, выделенные Российской Федерации Мировым банком реконструкции и развития. В тот же период ФБК начала активно сотрудничать и с Европейским банком реконструкции и развития. Результаты первых выполненных проектов были высоко оценены, и объем услуг стремительно рос. В течение нескольких лет компания ФБК выполнила несколько десятков проектов, пользователями отчетов по которым были международные финансовые организации, в том числе МБРР и ЕБРР.

Одним из важнейших аспектов развития компании ФБК в этот период было выполнение сложных междисциплинарных проектов, требующих совместной работы специалистов разного профиля. Масштабные работы, выполняемые на таких крупных предприятиях, как АК АЛРОСА и АВТОВАЗ, стали заметной вехой в истории компании.

Другим знаковым событием явилось начало работы с ОАО «Газпром». Сначала это были небольшие консультации холдингу, затем —

крупномасштабный проект по заказу Мингосимущества России в рамках проведения ограниченного аудита предприятий с частичным государственным участием. В 1997 году ФБК совместно с одной из ведущих международных аудиторско-консалтинговых компаний осуществила проект консультационного обслуживания процесса реорганизации ОАО «Газпром» и его дочерних предприятий. Впоследст-

вии многие предприятия системы ОАО «Газпром» стали пользоваться услугами компании.

Во второй половине 1990-х годов среди клиентов компании ФБК появилось много крупнейших в своих отраслях отечественных и зарубежных организаций нефтегазового комплекса, нефтехимической промышленности, машиностроения, горнодобывающей промышленности, кредитно-финансовой сферы. В частности, клиентами ФБК стали известные компании: Марс, Кока-Кола, Ри-

ГМИИ им. А.С. Пушкина. Сентябрь 2000 г.

бок, Рейтер, Транснефть, Братский алюминиевый завод, НК Сиданко, В/О Авиаэкспорт, Череповецкий азот, Туапсинский морской торговый порт, КБ Омскпромстройбанк.

В 2000 году в ФБК работало двести сорок человек. Свой десятилетний юбилей ФБК встретила в качестве одной из крупнейших и наиболее уважаемых российских аудиторско-консультационных компаний. Движущим фактором ее дальнейшего развития стала ориентация на четкую организацию всех ключевых аспектов бизнеса, постепенное освоение новых рынков и видов услуг.

К этому времени сложился фирменный стиль услуг ФБК — четко скоординированная работа аудиторов, юристов, финансовых аналитиков, консультантов по бухгалтерскому учету и системам управления, — который позволял клиентам эффективно управлять своим бизнесом. Совместная работа специалистов с разным образованием и менталитетом давала возможность компании ФБК успешно справляться с многопрофильными задачами и проектами.

В это время компания ФБК реализовала несколько значимых для реформирования российской экономики проектов, среди которых можно выделить: комплексный анализ финансового состояния Пенсионного фонда Российской Федерации, проект ограниченного аудита и контроля на восьми из семнадцати железных дорог Министерства путей сообщения, специальный аудит механизма государственного финансирования реструктуризации угольной промышленности, осуществление предпродажной подготовки ряда крупных предприятий, находящихся в частичной государственной собственности.

Итогом многолетней работы компании в сфере банковского аудита и консалтинга стало ее назначение в 2000 году одним из аудиторов Банка России. В этой области ФБК является уникальной российской компанией, которая осуществляет трансформацию отечественной банковской отчетности в соответствии с международными принципами бухгалтерского учета.

Кроме того, ФБК проводит (в том числе с помощью специалистов РКФ) проверку трансформированной финансовой отчетности по международным стандартам. Признанием качества услуг ФБК стало ее назначение аудитором ЦБ РФ также в 2003-м и 2004 годах.

Знаковым событием, свидетельствующим о международном признании роли ФБК в формировании российского рынка аудита и консалтинга, стала победа в составе консорциума с РКФ (Великобритания) и Helm Corp (Северная Ирландия) в тендере на работу по программе TACIS «Реформа российского аудита». В 2002 году был завершен проект TACIS «Реформа российского аудита». Специалисты ФБК принимали участие в разработке Закона об аудиторской деятельности. При их участии были подготовлены один-надцать новых федеральных стандартов аудиторской деятельности. Вместе со своими партнерами ФБК приняла участие в разработке мер, направленных на увеличение

*Торжественный вечер, посвященный
10-летию юбилею компании ФБК.
Итальянский дворик ГМИИ
им. А.С. Пушкина. Сентябрь 2000 г.*

достоверности российских отчетов и приведение российского аудита в соответствие с мировыми стандартами. В этот же период существенно вырос авторитет ФБК среди иностранных компаний в России, укрепилась связь с такими известными фирмами, как Cargill, Danone, Deutsche Bank, Kone-Lifts, Motorola, Parmalat, Philips, Saint-Gobain Isover, Schlumberger, Stolwerck, Ситибанк.

В 2001 году управляющий партнер компании ФБК С.М. Шапигузов был избран на три года, а затем переизбран на следующий срок членом Исполнительного комитета Европейской ассоциации бухгалтеров — одной из авторитетных международных организаций, главная задача которой — объединение профессионального сообщества и координация исследовательской деятельности в Европе. Отметим, что с 1999 года г-н Шапигузов — член Европейского Совета PKF International.

Г-н Шапигузов вошел также в состав Межведомственной комиссии по реформированию бухгалтерского учета и финансовой отчетности, возглавляемой министром финансов России А.Л. Кудриным.

В 2001 году компания ФБК стала членом Российско-Британской торговой палаты (РБТП), которая создана в 1916 году и является общественной некоммерческой организацией, содействующей развитию взаимовыгодных торгово-экономических отношений между Россией и Великобританией.

Через год в коллективе ФБК работало уже около трехсот сотрудников. На фирме сложилась зрелая, способная к развитию, высокопрофессиональная команда. Профессионализм всегда рассматривался в ФБК как основа корпоративной культуры и самый надежный фундамент успеха.

В этот период ФБК стала диверсифицированной компанией, оказывающей комплексные услуги, многие направления деятельности организационно оформились в отдельные структуры. В ФБК появились: департамент оценки, группа информационных технологий, департамент аудита предприятий топливно-энергетического комплекса (ТЭК), департамент международной отчетности.

Непрерывно возрастающий спрос на услуги ФБК в сфере дополнительного профессионального образования потребовал формирования новой организации — Экономико-правовой школы ФБК (ЭПШ ФБК). Школа получила лицензию на образовательную деятельность и заняла достойное место на рынке образовательных услуг. Ее специалисты проводили обучение сотрудников крупных отечественных и зарубежных

компаний и организаций, таких как Cargill, Nestle, АЛРОСА, Банк «Казначей», Газпром, Евразхолдинг, ИБС, Национальный банк развития, Новикомбанк, Росэнергоатом, Русский банк развития, Связьинвест, Северсталь, Сибнефть, Сиданко, ТВЭЛ, Транснефтепродукт, Югбанк, и других.

Сегодня ЭПШ ФБК является одним из ведущих учебных центров на рынке краткосрочного бизнес-образования и имеет аккредитации Международной Ассоциации Бухгалтеров (IAB), Института Профессиональных бухгалтеров России (ИПБР) и Минфина России. Особой популярностью пользуется подготовка в ЭПШ для получения международных квалификаций по бухгалтерскому учету: по программе ACCA DipIFR(rus) и программе IAB «Ведение бухучета по международным стандартам».

ЭПШ ФБК является членом профессиональных объединений: Российской ассоциации бизнес-образования (РАБО) и Общественного совета по профессиональному развитию менеджеров, сформированного Ассоциацией менеджеров России.

В 2002 году наблюдался устойчивый рост спроса и как следствие — увеличение заказов на услуги департамента финансового и управленческого консультирования, связанные с реорганизацией предприятий и холдинговых структур, разработкой систем управленческого учета и бюджетирования, оптимизацией организационной структуры.

В связи с введением в действие главы 25 «Налог на прибыль организаций» Налогового кодекса Российской Федерации особое место в деятельности нескольких подразделений ФБК занимали работы, связанные с налоговым учетом. Кардинальные изменения в правилах ведения учета и составления отчетности потребовали тщательной методической проработки вопросов налогового учета со стороны юристов, аудиторов, методологов и специалистов по информационным технологиям. В итоге был создан уникальный продукт — методические материалы по организации системы налогового учета, а позже подготовлена их новая версия с учетом последних изменений и дополнений к главе 25 НК РФ.

В 2001–2002 годах расширился список клиентов, получающих услуги ФБК. Он пополнился такими организациями, как ТВЭЛ, Транснефтепродукт, Cargill, Oriflame. Практически все прежние партнеры продолжали сотрудничать с ФБК. Компания вновь была утверждена аудитором ряда крупных дочерних предприятий компаний: Газпром, АЛРОСА, ЮКОС, Связьинвест, Сиданко и других, причем число обслуживаемых

дочерних предприятий этих компаний постоянно росло, а количество услуг, им оказываемых, расширялось.

Это был период подтверждения репутации ФБК как международной компании. Был реализован ряд интересных консультационных проектов, связанных с деятельностью крупных российских предприятий, пользователями результатов которых были в том числе и международные финансовые организации. К их числу относятся анализ финансово-хозяйственной деятельности Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат, налоговый аудит Концерн Калина, разработка рекомендаций по модернизации казначейской системы Российской Федерации.

Результаты работы были высоко оценены Минфином России. В настоящее время совместно с РКФ реализуется другой проект — «Реформа региональных финансов». Крупными являются проекты TACIS «Банкротство-2» и «Реформа государственной службы» и МБРР «Разработка и внедрение АС Федерального казначейства». В настоящее время ФБК реализует такую значимую для развития российских финансовой и бюджетной систем программу, как проект МБРР «Бюджетный учет, отчетность и аудит».

В 2002 году ФБК впервые приняла участие в аудиторской проверке финансовой отчетности московского офиса ЮНЕСКО по заказу руководства парижской штаб-квартиры ЮНЕСКО.

Специалисты компании начали оказывать аудиторские услуги на территории Узбекистана и Туркменистана. Работы получили высокую оценку со стороны заказчиков и были продолжены в дальнейшем.

Серьезное увеличение объема предоставляемых услуг произошло в сфере оценочной деятельности. Ряд интересных проектов по оценке объектов недвижимости Москвы был выполнен по заказу Департамента государственной и муниципальной собственности г. Москвы.

Получили дальнейшее развитие контакты ФБК с различными государственными учреждениями, что свидетельствовало о возросшем авторитете компании. Так, управляющий партнер компании ФБК С.М. Шапигузов вошел в состав Совета по аудиторской деятельности при Министерстве финансов Российской Федерации.

Активизировалось сотрудничество ФБК со Счетной палатой Российской Федерации. Компания стала на постоянной основе проводить консультации по основным направлениям ее деятельности: оценке эффективности и целесообразности расходования государственных средств

и использования федеральной собственности, экономико-правовому анализу проектов федерального бюджета и другим. В 2002 году между ФБК и Счетной палатой было заключено специальное соглашение о консультировании по направлению «Промышленность, энергетика и строительство, транспорт, дорожное хозяйство, связь и информатика». Позже Счетная палата заключила с ФБК договор на выполнение работ по анализу экономических условий и мер бюджетной и налоговой политики при формировании федерального бюджета на 2004 год. Еще один показатель признания ФБК — назначение И.А. Николаева внештатным советником заместителя председателя Счетной палаты России.

В 2002 году компания ФБК подписала ряд новых партнерских соглашений. Например, было подписано соглашение с экономическим факультетом МГУ им. М.В. Ломоносова, предусматривающее сотрудничество в организации исследований в областях, представляющих взаимный интерес, а также обмен преподавателями в области экономического и бизнес-образования.

Компания ФБК старается оправдывать свою высокую деловую репутацию, внося вклад в формирование цивилизованного рынка профессиональных услуг. ФБК дает возможность представителям СМИ встречаться в стенах компании с известными экономистами, предпринимателями и чиновниками для обсуждения широкого круга экономических вопросов. С этой целью в 2001 году был создан Экономический клуб ФБК, который сразу привлек внимание журналистов ведущих общественно-политических и деловых изданий. Заседания Экономического клуба ФБК стали постоянным местом встречи известных политиков, чиновников, журналистов. В них принимали участие Анна Белова, Рубен Варданян, Евгений Гавриленков, Михаил Дмитриев, Илья Клебанов, Владимир Мау, Тамара Морщакова, Александр Семиколенных, Яков Уринсон, Андрей Шаронов, Евгений Ясин, Татьяна Парамонова, Ирина Хакамада, Владимир Пансков, Павел Кузнецов, Елена Куштаннина, Владимир Лопухин, Андерс Ослунд, Владимир Южаков и другие представители российской деловой и политической элиты. На заседаниях Клуба регулярно представлялись аналитические доклады департамента стратегического анализа компании ФБК, которые вызывали большой интерес журналистов и гостей Клуба.

Серьезно укрепились позиции Издательского дома ФБК-ПРЕСС на книжном рынке России. Заметно увеличилось количество изданных

книг: практических пособий, учебников для вузов и другой профессиональной литературы. Книги ФБК-ПРЕСС много раз занимали лидирующие места в рейтингах продаж крупнейших российских книготоргов. Большим успехом пользовались и продолжают пользоваться периодические издания, предназначенные для «продвинутых» специалистов — это журналы «Финансовые и бухгалтерские консультации», «Новое в бухгалтерском учете и отчетности в Российской Федерации», «Вопросы налогообложения» и «Ваш налоговый адвокат».

В 2002—2003 годах продолжалось укрепление позиций ФБК в атомной промышленности, топливно-энергетическом комплексе, металлургии. АК Сибур, крупнейшие дочерние предприятия корпорации ТВЭЛ, металлургические комбинаты, входящие в состав горно-металлургической группы ЕвразХолдинг и Стальной группы Мечел стали клиентами ФБК.

Утвержденная Правительством РФ в 1998 году программа перехода российских компаний на Международные стандарты послужила основой для роста интереса к этой области знаний и подготовки практических шагов по ее реализации. В рамках этого процесса специалисты ФБК реализовали два крупных проекта: содействие в подготовке перехода на МСФО компаний «реального» сектора и кредитно-финансовых организаций. Директор департамента международной отчетности А.О. Бирин вошел в состав Совета по финансовой отчетности — национальной организации, осуществляющей взаимодействие профессиональной общественности России с международными организациями, занимающимися проблемами МСФО. Признание получила и деятельность ФБК на рынке аудита и консалтинга по международным стандартам кредитных организаций. На сегодняшний день ФБК — это одна из немногих компаний, оказывающих полный цикл услуг в этой сфере.

В 2003—2005 годах продолжались активный рост и развитие компании.

Возникли новые направления деятельности, такие как кадровый консалтинг и подбор персонала (услуги дочернего общества ФБК-Персонал), финансовые расследования.

В этот период в компании появился и был существенно расширен сегмент услуг в области ИТ-технологий. В 2003 году компания стала сертифицированным партнером Microsoft Business Solutions (MBS) и теперь имеет право осуществлять продажу, внедрение и сопровождение

автоматизации организаций с помощью системы ERP Navision Axapta. На базе Microsoft Business Solutions — Axapta было разработано решение по реализации методики ведения налогового учета. Особенность данного решения — независимость от используемых автоматизированных систем первичного учета, а также возможность реализации методик и моделей налогового учета.

В 2004 году компания начала оказывать услуги по внедрению и консалтингу процесса внедрения системы «Галактика». В 2005 году были открыты бизнес-практики Oracle и SAP и образован департамент внедрения корпоративных систем управления.

В 2004 году в состав ФБК вошла аудиторская компания Финэскорт. Результатом объединения стали расширение возможностей организации, дальнейшее повышение качества услуг. Клиентами ФБК стали Новолипецкий металлургический комбинат, ВГТРК, Росэнергоатом. В ФБК появилось новое направление — аудит и консалтинг страховых организаций.

Активно развивались и традиционные для компании услуги.

ЭПШ ФБК получила право на проведение программ повышения квалификации для профессиональных бухгалтеров и аудиторов.

Департамент оценки прошел квалификационные отборы и получил право на оказание оценочных услуг для ведущих российских корпораций и органов государственной власти на федеральном и региональном уровнях.

Существенно расширился спектр предлагаемых услуг и проектный опыт специалистов по финансовому и управленческому консалтингу.

Более двухсот дел в судах успешно завершили в интересах наших клиентов специалисты ФБК-Право.

Были созданы департамент бухгалтерского консалтинга, объединивший в числе своих функций разные направления консультирования в области учета и бухгалтерский аутсорсинг, и департамент аудита предприятий металлургии, объединивший сильных отраслевых специалистов.

Большой общественный резонанс получили совместные проекты ФБК, телекомпании REN TV и газеты «Ведомости» «Сколько стоит Россия» и «Сколько тратит Россия». Впервые в российской практике была произведена независимая комплексная оценка стоимости основных отечественных богатств и потребительских расходов населения.

Вышедшая по итогам проекта книга «Сколько стоит Россия» стала настольной для многих руководителей органов государственной власти и управления.

Эти проекты существенно укрепили репутацию ФБК в качестве авторитетного исследовательского центра.

Обширная благотворительная и общественная деятельность — неотъемлемая часть корпоративной культуры ФБК. Уже шесть лет компания является консультантом Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Спонсорские средства, привлеченные усилиями специалистов ФБК и сотрудников музея, были направлены на финансирование проекта «Декабрьские вечера» Святослава Рихтера, выставки «Путь к бессмертию» (искусство Древнего Египта), издание книги-каталога к выставке «Диалоги в искусстве» и другого.

На регулярной основе ФБК оказывает содействие реализации программ благотворительного фонда «Сельская церковь», целью которого является восстановление разрушенных церквей в селах России.

Активную общественную деятельность компания ФБК продолжает и по другим направлениям. Так, ФБК является партнером РООИ «Центр гуманитарных программ» и обеспечивает содействие работе центра в сборе пожертвований на лечение больных детей. ФБК также контролирует целевое расходование средств фонда «Дети России», направленных на строительство детского онкогематологического центра во Владивостоке.

В 2005 году ФБК отметила пятнадцатилетний юбилей.

Сегодня ФБК — это около шестисот специалистов, пятнадцать подразделений, оказывающих услуги, более тридцати видов услуг и направлений деятельности, несколько тысяч реализованных проектов, несколько сотен клиентов каждый год.

ФБК — это один из лидеров аудита и консалтинга, компания, получившая признание ведущих международных и российских организаций, среди которых Nestle, TACIS, АПРОСА, ВГТРК, Газпром, ЕБРР, ЕвразХолдинг, МБРР, Стальная группа Мечел, Новолипецкий металлургический комбинат, РЖД, Русский алюминий, и многие другие уважаемые корпорации — лидеры в своих отраслях бизнеса.

ФБК — это исследовательская компания, имеющая в своем составе центр макроэкономических исследований, обучающую организацию, издательство профессиональной литературы. ФБК работает по заказам органов государственной власти. Услуги специалистов ФБК востребованы Банком России, Счетной палатой, Министерством финансов, Федеральным казначейством и многими другими министерствами и ведомствами.

Несмотря на очевидные и значительные успехи, ФБК не собирается останавливаться. В ближайших планах — развитие бренда ФБК через создание партнерских компаний в российских регионах и СНГ. Уже создано Некоммерческое партнерство ФБК, целью которого станет расширение деятельности компании при сохранении традиционного для нее высочайшего уровня качества услуг.

Родина всех этих достижений и побед — уютный дом на Мясницкой, который сотрудники ФБК ценят, любят и с удовольствием сюда возвращаются.

Мы живем в то время, когда частные компании, заботящиеся о своей репутации и об основании долгосрочных корпоративных традиций, на которых можно было бы воспитать не одно поколение работников и специалистов, прилагают все усилия для того, чтобы их «среда обитания» оказалась в самых разных смыслах культурной. Для компании ФБК это в первую очередь касается восстановления историко-архитектурной среды. Приобретая старый особняк и разместив в нем свои офисы, ФБК спасла замечательный памятник, а теперь бережно сохраняет его — для себя, для страны, для следующих поколений. В этом — единство интересов государства, охраняющего памятники, и частных компаний, сохраняющих их для будущего.

Основатели и бессменные руководители компании ФБК С.М. Шапигузов и Е.Г. Проскурня на вечере, посвященном 15-летию компании ФБК. Июль 2005 г.

*Т. Дудина. Мясницкая, 44. Двадцать новелл
из истории дома. – М: «Художник и книга»,
2005 – 176 с., ил.*

*Арт директор И. Лебедева
Дизайн А. Орлова
Редактор Л. Платова
Корректоры Г. Богданова, О. Степанова
Верстка Н. Кутепова*

*ИПЦ «Художник и книга»
119019, Москва, ул. Волхонка, д.5/6, стр.4
Лицензия на издательскую деятельность
№ 03598 от 19.12.2000*

*Формат 70х100/16. Подписано
в печать 10.10.2005 г. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 1500*